

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 10 (19)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (19)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2016

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Баршавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рашич (Ун-т Вуппергале, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Раттерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), А.Г. Смирнова, канд. ист. н. (РГГУ), К.А. Смирнова (РГГУ).

СОДЕРЖАНИЕ

История краеведения

- А.Г. Смирнова*
Журнал «Краевед-массовик» (Московская область)
и реалии краеведения начала 1930-х годов 9

Церковное краеведение Москвы

- М.В. Артюшенко*
Московский Донской монастырь в Отечественную войну 1812 г. 35
- А.Ф. Грушина*
Московский храм святителя Николая в Кленниках на Маросейке 51
- К.А. Смирнова*
Православные центры бывшего села Преображенского (Москва)
как объекты культурного наследия 60
- В.Ф. Козлов*
Документы по истории разрушения московского
храма Николая Чудотворца на Мясницкой ул. в 1928 г.
в центральных государственных архивохранилищах 85

Историко-краеведческие исследования регионов России

- Э.Г. Истомина*
Корабельные леса Европейской России как ресурс
регионального развития в XVIII–XIX вв. 106
- А.С. Сироткин*
Благоустройство Москвы и Городская дума в 1797–1799 гг. 120
- М.Д. Ковалева*
Отечественная война 1812 г. и экономическое положение усадеб
Центральной России (по материалам РГАДА) 130

А.П. Лихачева

Художественная промышленность Москвы в XIX в.:	
обработка металла	140

А.А. Кохан

«Моя идеология была чужда идеологии советского человека»:	
к вопросу о составе и деятельности редакционных коллегий газеты	
«Голос Крыма» в 1941–1944 гг.	154

Abstracts	165
-----------------	-----

Сведения об авторах	170
---------------------------	-----

CONTENTS

The history of regional lore studies

A. Smirnova

- The magazine «Kraeved-massovik» (the Moscow region)
and the realities of local studies in the beginning of the 1930s 9

Church regional study of Moscow

M. Artyushenko

- Moscow Donskoy Monastery in the Patriotic war of 1812 35

A. Grushina

- Moscow church of St. Nickolas in Klenniki on Maroseyka 51

K. Smirnova

- The orthodox centers of the former village Preobrazhenskoe (Moscow)
as objects of cultural heritage 60

V. Kozlov

- The documents on the history of the destruction of the Moscow
temple of St. Nicholas on Myasnitskaya in 1928
in the Central State Archives 85

Historical and local lore studies of Russia regions

E. Istomina

- Shipbuilding timber forests of European Russia as a resource
of regional development in the XVIII–XIX centuries 106

A. Sirotkin

- Improvement of Moscow and the City Duma in 1797–1799 120

M. Kovaleva

- The Patriotic war of 1812 and the economic situation
in the estates of Central Russia (following the materials
of Russian State Archive of Ancient Acts) 130

A. Likhacheva
Art industry of Moscow in the XIX century. The metalwork 140

A. Kohan
“My ideology was alien to the ideology of the Soviet man”.
On the issue of the structure and actions of the editorial boards
of the “Voice of Crimea” newspaper in 1941–1944 154

Abstracts 165

General data about the authors 171

История краеведения

А.Г. Смирнова

Журнал «Краевед-массовик» (Московская область) и реалии краеведения начала 1930-х годов

Не подлежит ни малейшему сомнению, что «Краевед-массовик» москвичей стоит на той дороге, которая является путем советского краеведения.

*Советское краеведение.
1931. № 7–8. С. 106*

Статья посвящена вопросам истории советского краеведения на рубеже 1920–1930-х годов и журналу «Краевед-массовик», который выходил в 1931–1932 гг. как периодическое издание краеведов Московской области. На страницах журнала публиковались материалы, в которых отражались все основные процессы реорганизации краеведческого движения, перестройки краеведческой работы в СССР и в Московской области, связанные с государственной политикой индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Ключевые слова: советское краеведение, краеведческие организации, кружок, Общество изучения Московской области, Московское областное бюро краеведения, журнал, передовая статья, социалистическое строительство, трудящиеся массы, завод, колхоз.

История отечественного краеведения периода «золотого десятилетия», 1920-х годов, с конца XX в. не перестает привлекать внимание исследователей как один из важнейших этапов развития и расцвета краеведения в нашей стране: именно в этот период оформилась организационная структура краеведческого движения, сформировались основные институты, координирую-

щие краеведческую работу в масштабах всего государства, были сформулированы важнейшие положения теории краеведения, выработаны и закреплены основы краеведческой методики, оформились основные направления научно-исследовательской краеведческой работы, были налажены механизмы взаимодействия краеведческих объединений через всероссийские (всесоюзные конференции) и печатные органы – центральные журналы «Известия ЦБК», «Краеведение» и местную краеведческую периодику. На фоне всех этих ярких, хотя и сложных и неоднозначных процессов 1920-х годов начало 1930-х годов в истории отечественного краеведения кажется периодом малоинтересным¹. Однако это не совсем так, следует согласиться с мнением В.Ф. Козлова о том, что «Период 1930–1936 гг., когда краеведение подверглось полному “огосударствлению”, беден содержанием историко-культурной работы, но зато весьма интересен организационными формами»². Действительно, курс на коренную перестройку краеведческой работы в масштабах страны, взятый еще во второй половине 1920-х годов, к началу 1930-х годов получил выражение и на законодательном, и на организационном уровнях, и, собственно, в новом содержании краеведческой работы. Все эти процессы реорганизации краеведческого движения и краеведческой работы в стране были обусловлены теми изменениями, которые претерпевали само советское государство и общество на рубеже 1920–1930-х годов. Главные политические и экономические задачи, сформулированные в этот период, связанные с ускоренной индустриализацией, коллективизацией при полном отказе от рыночных элементов и окончательном переходе к военно-мобилизационным механизмам в экономике, потребовали выработки новых форм и методов их достижения. Тотальное планирование, жесткий контроль, в том числе идеологический, во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, воспитание человека «нового типа», декларативная опора на трудящиеся массы рабочих и крестьян, внедрение соци соревнования как основного рычага ускорения экономического развития и репрессивный механизм как необходимое условие эффективности всех этих мер – таковы, как известно, исторические реалии рассматриваемого периода.

Краеведение в этой ситуации не стало исключением, вся система краеведческих организаций и содержание краеведческой работы предшествующего периода уже не годились, и требовалось привести их в соответствие с государственными задачами, поставить на новые рельсы. «Огосударствление» краеведения декларировалось в различных документах, в том числе в Постановлении

СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведческого дела», где говорилось:

Совет Народных Комиссаров РСФСР в целях улучшения и развития краеведения в соответствии с развернутыми темпами социалистического строительства постановляет: 1. Признать необходимым перестроить практическую работу краеведческих организаций в направлении, обеспечивающем: а) действительную увязку всей краеведческой работы с конкретным планом социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза и т. д.; б) вовлечение в краеведческую работу широких масс рабочих, колхозников, комсомольцев, пионеров, туристского актива, учащихся³.

Краеведение официально объявлялось «одним из важнейших каналов участия масс в соцстроительстве», «массовым движением рабочих и колхозного крестьянства за активное участие в строительстве социализма»⁴. По этому поводу В.Ф. Козлов пишет: «Среди общественных и социальных явлений в 1930-е годы краеведение одно из первых испытало на себе сильнейшее давление нигилистического вульгарно-социологического прессы. Под постоянно растущим влиянием искусственно разжигаемой “классовой борьбы” в советском обществе с конца 1920-х годов историческое краеведение стало уходить со сцены, уступая место быстро развивающемуся производственному краеведению»⁵. Генеральную линию в этом процессе определила IV Всероссийская конференция по краеведению, прошедшая в марте 1930 г., декларирующая новое содержание, цели и задачи советского краеведения. А X Пленум Центрального бюро краеведения (ЦБК) в январе 1931 г. дал целый ряд практических установок в свете новых задач краеведения и в целом еще более ужесточил критику предшествовавшего периода с точки зрения содержания краеведческой работы с ее историко-культурной составляющей как оторванной от практической жизни, контрреволюционной, чуждой марксистско-ленинской идеологии.

Соответственно новым установкам и задачам менялись и организационные формы краеведения. Рубежа 1930-х годов не пережило большинство краеведческих обществ и организаций преддущего десятилетия, а те, что остались, подверглись серьезной трансформации. Один из активных деятелей IV Всероссийской конференции, С. Толстов, писал о новой организационной структуре краеведения, «при которой основной оперативной единицей становилась низовая фабрично-заводская и колхозная ячейка краеведения», а «краеведные общества подлежали полной ликвидации

сверху донизу с заменой их районными, окружными и областными бюро краеведения»⁶. Действительно, уже упомянутым Постановлением 1931 г. была закреплена полностью реорганизованная «система строения краеведческих организаций в РСФСР»: работу низовых «краеведческих ячеек на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях» должны были объединять и направлять местные конференции, в республиках, автономных республиках, краях и областях учреждались соответствующие бюро краеведения при органах народного образования, а возглавляло эту систему, как и прежде, ЦБК при Наркомпросе, в которое входили представители государственных, профессиональных и общественных организаций⁷. Краеведческие кадры становились, таким образом, на службу государству, превращались в одну из многих составляющих той, по преимуществу, бесплатной рабочей силы, ставка на которую была сделана руководством страны в этот период. Более того, массовость новых краеведческих организаций должна была обеспечить государству в полном смысле слова целую армию краеведов, перед которыми были поставлены абсолютно конкретные узкопроизводственные, хозяйственные задачи, продиктованные текущим моментом и условиями конкретной местности. Краеведческая работа теперь должна была тесно увязываться с местными плановыми и хозяйственными органами, с деятельностью научных, учебных, политико-просветительных учреждений, профсоюзных, комсомольских и пионерских организаций, организаций юных натуралистов, с туристическим движением и проч. В краеведческую деятельность должны были вовлекаться широкие массы трудящихся, красноармейцев, школьников.

Главными направлениями «краеведной работы» объявлялись изучение природных богатств и производительных сил, борьба с «отсталыми формами быта», «принятие практических мер, обеспечивающих усиление работы краеведческих организаций по изучению вопросов, связанных с задачами укрепления обороноспособности страны»⁸.

В русле этих задач в начале 1930-х годов перестраивало свою работу и Общество изучения Московской области (ОИМО), созданное в 1925 г. Важнейшая роль в деле привлечения масс к краеведческой работе в новых условиях отводилась специально созданному Комитету по массовой работе ОИМО, а трибуной для озвучивания целей и задач ОИМО, для пропаганды основных направлений краеведческой деятельности, для знакомства с методикой работы, с ее постановкой на местах и с важнейшими результатами стал новый журнал «Краевед-массовик Московской области».

В первом номере журнала была помещена небольшая заметка о Комитете по массовой работе⁹, в которой говорилось о том, что «в связи с переходом на областные рамки работы перед Московским обществом особенно остро встал вопрос о вовлечении широких масс в краеведческое движение», что и обусловило создание «Комитета по массовой работе», который начал функционировать с 1 января 1930 г. и который, «являясь организацией методически-оперативной... одной из своих основных задач считает пропаганду идей краеведения в широких слоях трудящихся». Этим целям должен был служить журнал «Краевед-массовик». Само название журнала имело программный характер, ибо установка на массовый характер краеведения в начале 1930-х годов стала главным стержнем развития всей краеведческой работы, что декларировалось в первом номере нового журнала: «Вопрос о массовом краеведении должен занять первое место в порядке дня работы краеведческих организаций», этот вопрос объявлялся «рычагом всего краеведческого движения»¹⁰. Установка сделать краеведение массовым одновременно может рассматриваться и как главная задача журнала, и как важнейшая причина его возникновения. В одном из номеров «Советского краеведения» (центрального журнала ЦБК) за 1931 г. была помещена рецензия А. Большакова на вышедшие к этому времени номера «Краеведа-массовика», озаглавленная весьма красноречиво: «Твердое задание на 1931 г. Каждая область, каждый край обязательно имеют свой краеведный журнал»¹¹. В этой статье автор, абсолютный апологет нового советского краеведения, писал, что никакое массовое движение невозможно без своего печатного органа и что «самый факт наличия у Московского ОБК (организация, сменившая ОИМО. – А.С.) своего журнала свидетельствует о том, что московские товарищи вполне правильно оценили значимость вооружения краеведа печатным словом», а также подчеркивал, что «общая установка журнала, сформулированная в его названии, удачно и четко предугадывает поставленную журналом задачу – вовлечения масс трудящихся в краеведную работу».

Журнал «Краевед-массовик» начал выходить в 1930 г. В редколлегия вошли И.Г. Клабуновский (председатель), Н.А. Дорогугин (секретарь), Г.Д. Костомаров (ответственный редактор), А.П. Левицкий, Л.Г. Каган, Б.Б. Веселовский, А.А. Мансуров, А.И. Вершинский. Располагалась редакция там же, где и ОИМО, – по адресу: Моссовет-облплан.

В передовой статье Г. Костомарова «О массовой работе по краеведению в Московской области» в первом номере журнала за 1930 г.¹² о целях «Краеведа-массовика» говорилось, что «выпуск...

журнала является началом той работы, которая в настоящее время проводится по перестройке всей системы краеведения... Журнал «Краевед-массовик», давая на своих страницах ряд руководящих статей по вопросам краеведения, в то же время является связующим звеном центра и периферии», что с помощью журнала краеведческие кружки Московской области могут обмениваться опытом, а рабочие клубы, колхозы, библиотеки и избы-читальни – организовывать краеведческую работу трудящихся, пропагандировать эту «весьма полезную в государственном отношении работу, которая, разбиваясь на целый ряд разрезов, затрагивает все актуальные вопросы современности, создавая из этих отдельных частей – целое: изучение своего района, фабрик, колхозов и т. п.».

В этой же передовой декларировались и главные задачи ОИМО:

На базе развертывания реконструктивных процессов обостряется классовая борьба, особенно в период, когда партия, рабочий класс, батрачество и крестьянская беднота ликвидирует в союзе с середняком кулачество как класс. <...> Мы должны резко повернуть нашу исследовательскую работу в области экономики к актуальным вопросам строительства всего народного хозяйства на более высокой научной основе, сделав свою теоретическую работу доступной широким рабоче-крестьянским массам и практически применимой в их повседневной работе. <...> Общество изучения Московской области должно не только изучать процессы экономического, политического и идеологического характера, оно должно в своей работе участвовать активно в культурно-бытовом строительстве на новой основе.

Новый журнал ОИМО стал тем зеркалом, которое в полной мере отражало всю специфику краеведческой работы Общества и его подразделений на новом этапе развития отечественного краеведения, а в дальнейшем – и специфику краеведческих организаций, сменивших в качестве областного центра ОИМО. Восемь номеров «Краевед-массовика» за 1930–1931 гг., рассмотренные в этой статье, как нам кажется, представляют несомненный интерес для исследователя. Здесь помещались как статьи программного характера, так и описания методик краеведческих исследований, различные анкеты и программы для обследований, материалы, посвященные краеведческой работе различных кружков, краеведческих бюро и самого ОИМО, статьи о заводах, фабриках, колхозах, об участии краеведов в социалистическом строительстве и проч. Нередко журнальные публикации сопровождались иллюстративным материалом, таблицами, фотографиями.

Отдельными строками крупным шрифтом на страницах журнала выделяются различные лозунги или цитаты из программных документов, резолюций конференций, как, например: «Товарищ рабочий, знаешь ли ты твой завод. Поставь вопрос об организации краеведческого кружка на заводе. Изучая фабрику – поможешь наладить хозяйство. Изучая свой край – помогаешь строить социализм»¹³; «Колхозник, где ты думаешь строить скотный двор, обсуди этот вопрос на заседании твоего краеведческого кружка. Товарищ колхозник, изучая быт твоего колхоза, поможешь его перестроить. Товарищ колхозник, почему ты не организовал краеведческого кружка в твоем колхозе»¹⁴; «Товарищи избачи, организуйте коллективное чтение журнала “Краевед-массовик”»¹⁵; «Советское краеведение должно изучать в качестве основного объекта комплекс явлений двух категорий в их взаимоотношении и диалектическом развитии, а именно: природу и общественную жизнь (Из резолюции IV Всероссийской конференции по краеведению 22–24 марта 1930 г.). Проводя на практике марксистский метод, советское краеведение должно со всей решительностью бороться с идеализмом во всех его проявлениях и в том числе с религией (Из резолюции IV Всероссийской конференции по краеведению 22–24 марта 1930 г.)»¹⁶ и т. д.

Постоянной рубрикой с первого номера журнала стала «Хроника», в разных номерах выделялись также различные тематические рубрики, которые довольно красноречиво характеризовали новые подходы к краеведению и новые реалии краеведческой работы в стране, например: «Изучай производительные силы своего района», «Краеведная жизнь» (1930. № 2); «Массовая работа краеведов» (1930. № 3); «Изучайте полезные ископаемые» (1931. № 1 (5)); «Музей в рабочем районе и на фабрике», «Музеи – за перестройкой своей работы», «Новые задачи музеев», «За новые кадры» (1931. № 2 (6)); «За изучение внутренних ресурсов», «Из опыта работы на предприятиях», «Новые участки краеведческой работы» (1931. № 3 (7)); «Краеведческая работа в колхозах и совхозах» (1931. № 4 (8)) и др.

Отметим также, что в первых трех номерах за 1930 г. на 3-й странице обложки помещалась информация об изданиях ОИМО: книгах, справочных и методических пособиях, обо всех выпусках еще одного журнала Общества – «Московский краевед» (первый номер вышел в 1927 г.), о «Трудах» Общества. Здесь интересно отметить два факта. Во-первых, самый первый номер журнала имеет на обложке соответственно № 1, а внутри обозначен № 20 (последующие номера будут иметь уже обычную нумерацию: № 2, № 3 и т. д.).

Пользуясь списком изданий ОИМО, можно предположить, что, начиная издание нового журнала, сотрудники редакции одновременно связали его с остальными уже вышедшими периодическими изданиями Общества: 13 выпусков «Московского краеведа» (1927–1929) и 6 выпусков «Трудов Общества» (1928–1930), т. е. как раз 19 позиций. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что список изданий ОИМО перестает публиковаться уже с № 4 журнала за 1930 г. Объяснение этому можно найти в самом этом номере: вместо упоминания ОИМО здесь указывается, что журнал является органом Московского областного бюро краеведения (МОБК) и Московского областного музея, а передовая статья этого номера «Всем краеведным организациям Московской области» подписана очень интересно – «Московское временное областное бюро краеведения»¹⁷, и в разделе «Хроника» указано, что «в связи с постановлением IV-й Всероссийской краеведной конференции и директивами ЦБК произошла реорганизация Об-ва изучения Московской области и его филиалов на местах. С 1-го октября (1930 г. – А.С.) приступило к работе Временное бюро краеведения, утвержденное МОНО и ЦБК», задачами которого и являлась перестройка краеведческой сети области и всей краеведной работы на новых принципах¹⁸. Так что с конца 1930 г. «Краевед-массовик» был переподчинен новому краеведческому центру Московской области в лице названных выше организаций, и все последующие номера выходили под их эгидой. Непосредственным издателем журнала стало МОБК, обязанности ответственного редактора выполняла председатель МОБК К.А. Коновалова. В составе редколлегии с 1931 г. (№ 3 (7)) указаны также Шестопалов и Бем. Изменился и адрес редакции (М. Грузинская, 15 – Московский областной музей). Выпускался журнал с самого начала тиражом 3 тыс. экземпляров и распространялся массово через киоски, а также через МОБК (угол Арбата и ул. Воровского в Москве, д. 1) и через Московский областной музей краеведения.

Обратимся непосредственно к содержанию журнала и в первую очередь к передовым статьям и прочим материалам программного характера, по которым можно составить довольно полное представление об изменениях, происходивших в начале 1930-х годов в краеведении, и о тех принципах, которые определяли коренную реорганизацию краеведения как такового и его организационных форм в тот период. В качестве главного лейтмотива, определяющего все основное содержание не только передовых статей, но и журнала в целом, следует рассматривать следующие положения:

«С IV Всероссийской краеведной конференции (март 1930 г.) история краеведения в нашей стране по справедливости начинает новую свою страницу» и «Краеведное движение в нашей стране переживает в данное время переломный момент, оно поворачивает на новые пути, и только на этих новых путях оно выйдет на широкую дорогу социалистического строительства и станет подлинным массовым движением»¹⁹.

В первом номере журнала, вышедшем еще до IV Всероссийской конференции по краеведению, в уже упомянутой статье Г. Костомарова в первых же строках четко обозначены приоритеты «нового» советского краеведения:

Неимоверная быстрота темпов культурного и экономического строительства в связи с выполнением пятилетнего плана, подхваченная широкой волной энтузиазма рабочего класса и крестьянской бедноты, не может не требовать удвоенной энергии и от краеведческих организаций, в частности от Московской; причем, вместо старых принципов кабинетной работы, краеведы должны с полным сознанием крупнейших задач, поставленных перед общественностью, в связи с досрочным выполнением пятилетки, нести свои знания и опыт в широкие массы трудящихся, сделав свою работу всеобщим достоянием²⁰.

Обратим внимание на то, что здесь пока еще очень спокойно, без пафоса и надрыва, указано на непригодность «старых принципов кабинетной работы» – как увидим, этот рефрен от номера к номеру будет приобретать все более и более жесткое, идеологически мотивированное принципиальное звучание. Кроме того, здесь еще не чувствуется непримиримого тона по отношению к краеведению прошлых лет, пока еще речь о том, что краеведам следует активизировать свою работу, плотнее увязать ее с новыми задачами социалистического строительства, сделать ее достоянием масс.

Программный характер, в том числе и непосредственно в отношении Подмосковья, носит статья известного краеведа, члена ОИМО Н. Дорогутина «Почему мы должны изучать Московскую область»²¹, где автор настойчиво выдвигает две взаимосвязанные идеи: полноценное изучение Московской области в современной ситуации, в свете современных задач краеведения, т. е. вообще задач социалистического строительства, только лишь силами ученых без привлечения широких масс трудящихся невозможно, и задачи краеведения – это задачи социалистического строительства.

Н.А. Дорогутин указывает на плохую изученность Московской области из-за ее территориальной обширности, устаревших методик краеведческих «описаний», сравнительной малочисленности ученых кадров, которые «не всегда могут хорошо проследить те многие стороны жизни, которые хорошо знает местный человек»²². Отсюда следует вывод о необходимости «разделить труд», привлечь к работе «всех могущих и желающих заняться изучением». Такой подход к краеведению был нов лишь отчасти. О широком плановом привлечении местного населения, рабочих, крестьян к краеведческой работе до сих пор речь еще не шла. А особенности краеведческого метода (локального метода), позволяющего изучать детально массовые явления, используя местные источники и опираясь на местные краеведческие кадры, были обоснованы еще во второй половине 1920-х годов.²³ С этой точки зрения, можно увидеть во взглядах Н. Дорогутина некоторую преемственность понятий. Однако цели краеведческой работы, ради которых она и должна стать массовой, он определяет уже совершенно в русле новых подходов к краеведению, и цели эти вполне утилитарны:

Перед каждым сознательным гражданином Московской области, который хочет принимать активное участие в социалистическом строительстве, строительстве новой жизни, встает во весь рост вопрос: для того, чтобы строить – надо знать, для того, чтобы знать – надо изучать. Вот почему краеведение получает такое большое значение в нашей жизни²⁴.

Тема новых задач краеведения красной нитью проходит буквально через все номера журнала. Передовая статья второго номера за 1930 г. озаглавлена «Краеведение – на новые пути». В ней в первых же строках дается главная установка: работа краеведов «отныне... должна быть проникнута и подчинена одной идее, одной общей задаче – задаче социалистического строительства. <...> Вся исследовательская работа должна быть пропитана практическими задачами современности и тесно связана с развивающимся строительством. Отход от этих задач – есть аполитизм, особенно вредный и недопустимый в момент обострения классовой борьбы, которая происходит в наше время в СССР»²⁵. И в связи с этим – вторая программная установка (со ссылкой на решения IV Всероссийской конференции по краеведению):

Краеведение только тогда будет советским, когда в рядах краеведческих организаций будут участвовать подлинны массы трудящихся рабочих и крестьян. ...необходимо перенести все внимание, всю энергию в низы – на фабрики, заводы, в совхозы, колхозы, в сельские школы, избы-читальни и т. д. и т. д.²⁶

Новые задачи, новые масштабы краеведческой работы требовали и новых методов их реализации. На страницах журнала краоведам настойчиво рекомендовалось воспользоваться теми методами, которые еще никогда не применялись в краеведении, но доказали свою эффективность «в других разрезах жизни», в частности, «соцсоревнование является одним из тех могучих способов, который позволит и в области краеведения при наименьших размерах времени, энергии и сил достигнуть наиболее успешных результатов», сделать работу краеведов «ударной, боевой»²⁷.

Уже в этом же втором номере журнала за 1930 г. заметно усилены акценты в отношении краеведения предшествующего периода, здесь речь не просто о необходимости выхода краеведов из «кабинетов» в массы:

Раньше краеведческая работа носила отвлеченный характер, не связанный с жизнью, носила оттенок любительства, замкнутого академизма. <...> Краеведческая организация не смогла объединить силы низовых работников, рабочих, крестьян-общественников, занимающихся изучением своего края по линии секций советов, сельсоветов, партийных и комсомольских ячеек, школ и т. д.²⁸

Еще более тесная увязка краеведческой работы с общегосударственными, партийными задачами развертывания ускоренными темпами социалистического строительства «на всех фронтах», индустриализации, «социалистической реконструкции сельского хозяйства», «решительного наступления на остатки капиталистических элементов» в обществе была намечена в связи с решениями XVI съезда ВКП(б) в передовой статье в третьем номере за 1930 г.²⁹ Помимо связи с массами, краеведы должны были решать задачу самого тесного взаимодействия с хозяйственными и плановыми органами. Собственно и смысл краеведческой работы в целом низводился до подготовки ответствующей базы для планирования и последующей хозяйственной деятельности:

Работа краеведных организаций должна быть наиболее гибкой, наиболее увязанной во всех частях с общими задачами той или иной хозяйственной единицы. Работа краеведных организаций должна быть построена так, чтобы результаты деятельности этих организаций могли быть использованы планирующими и оперативными органами³⁰.

Научное, исследовательское, историко-культурное начало, таким образом, полностью выхолащивалось из понятия «краеведение», и об этом недвусмысленно говорилось на страницах журнала:

Вопросы «истории», которые имеют в краеведной работе преваляющее значение, должны уступить место вопросам текущего момента, находящимся в тесной связи с задачами социалистического строительства, с осуществлением решений XVI партсъезда и II Московской областной партконференции³¹.

На страницах последнего, четвертого, номера журнала за 1930 г. эта мысль конкретизируется:

...Главное внимание краеведных организаций должны привлекать работы, связанные с изучением производства и естественно-производительных сил. Все прежние формы и содержание работ, обнимающие по преимуществу вопросы истории и археологии, должны быть в корне изменены. Краевед должен владеть историческим методом, но только с одной оговоркой: история и археология для него не должны быть самоцелью, а только методом для разрешения актуальных проблем социалистического строительства, и только постольку, поскольку социалистическое строительство этого требует³².

Что именно предлагалось изучать краеведам, чтобы идти в ногу со временем? Масштаб поставленных задач был велик, конкретно для подмосковного краеведения он определялся курсом на создание в области металлургической базы, химической промышленности, в целом на индустриализацию, а следовательно, на обеспечение области топливно-энергетическими ресурсами, и в первую очередь местными. Исследование Московского края именно в ракурсе этих задач и должны были осуществлять краеведческие организации. Кроме того, в качестве важнейших задач выдвигалось изучение методов соцсоревнования, ударничества, «непрерывки» (непрерывной трудовой недели), семичасового рабочего дня, изучение кооперации в кустарной промышленности, производительных сил и производственных отношений в совхозах, колхозах, вопросов распределения продуктов в колхозах, колхозного быта и т. д.

Краевед не может пройти мимо таких вопросов, как оборона страны, культурное строительство, всеобуч, политехнизация школы и т. п. Каждый краевед должен быть активным участником по укреплению

обороны страны так же, как и активным культурармейцем по поднятию культурного уровня трудящихся масс и внедрения в массы научно-технических знаний»³³.

Культурный срез исследовательской краеведческой работы теперь должен был быть представлен изучением вопросов социально-культурного строительства края: «Краеведные организации должны войти в полосу живой текущей жизни, изучая нового человека, строителя нового об-ва и создателя новых общественных форм, как в области экономики, так и в области культуры и быта»³⁴.

Новые задачи и методы краеведения требовали новых подходов к организации всей краеведческой сети в области. Помимо выстраивания вертикали краеведческих организаций от низовой ячейки – кружка – на фабрике, заводе, в колхозе, совхозе, школе и проч., следовало подчинить единой схеме работу всех организаций, так или иначе выполняющих краеведческую работу: музеев, обществ, кружков, а все вместе жестко увязать с деятельностью партийно-хозяйственных органов. Решение этой задачи требовало «создания единого плана научно-исследовательских работ в области и выработки стройной системы взаимоотношений и распределения функций и обязанностей между всеми краеведными организациями», «строгого контроля за выполнением плана каждой краеведной организацией, при единых методах изучения и единых организационных планах»³⁵.

Уже упоминавшаяся передовая статья в № 4 за 1930 г., написанная от имени Московского временного областного бюро краеведения, призывала: «Всех... кто хочет активно участвовать вместе с рабочим классом и его партией, вместе с колхозными массами деревни в социалистическом переустройстве нашего хозяйства, культуры и быта, мы зовем в кратчайшие сроки развернуть работу по изучению своего края на новых основаниях... по-новому развернуть свою работу, преодолевая традиции старого любительского краеведения, борясь за революционное марксистско-ленинское начало в исследовательской работе и очищая свои ряды от случайных чуждых социалистическому строительству людей в краеведном движении»³⁶. (Заметим, насколько более резким и нетерпимым становится тон передовиц к концу 1930 г.: объявленный партийным руководством страны лозунг усиления классовой борьбы по мере продвижения в деле строительства социализма должен был укореняться в сознании советских людей, и прессе здесь принадлежала ведущая роль. Краеведческий журнал не только не стал исключением, но и само краеведение, и кадры краеведов были тем полем,

где пропагандируемая государством классовая борьба должна была развернуться неизбежно и с особой остротой, учитывая ту связь, которая существовала между краеведением «золотого десятилетия» и дореволюционным.) В развитие этих лозунгов в статье констатировалось, что «отжившие свое время замкнутые корпорации, какими являлись общества краеведения, ныне ликвидируются», основной ячейкой становится «производственный краеведческий кружок», районную сеть кружков возглавляет районное бюро краеведения, которое должно «установить здоровые тесные отношения с местным краеведным музеем, создать единый план исследовательских работ в районе на основе задач и планов местного РИКа, всячески объединять и экономить силы краеведов-исследователей, организаторов, стать научно-общественным активом при местном музее» и организатором масс в деле «социалистического переустройства края»³⁷. В этом же номере в статье И. Клабуновского «Чего мы хотим от нового краеведения»³⁸ указывалось, что это новое, советское, краеведение противоположно старому по своим задачам. Жестко критикуя краеведческие организации прошлого, указывая на слабость постановки краеведческой работы в Московской области, автор пишет:

Мы по-прежнему, по старинке вели археологические раскопки, изучали жуков и стрекоз, развертывали целые исследования о том, где стоял «пушечный двор» в Москве, или о том, как царь Петр возвращался из своей заграничной поездки в Москву, и т. д. и воображали, что это-то и есть краеведение³⁹.

Подлинное краеведение, по И. Клабуновскому, должно противопоставить себя этим традициям: выйти «из лабораторий, музейных зал, из архивохранилищ и библиотек»; войти «в повседневную творческую работу трудящихся масс», стать «делом самих трудящихся»⁴⁰; твердо встать на рельсы классовой борьбы, борьбы за массы; оно должно, наконец, «без отклонений и вывихов» вооружиться методом диалектического материализма, марксистско-ленинской теорией.

С последнего выпуска за 1930 г. на страницах журнала начинают публиковаться статьи директора Московского областного музея и председателя МОБК К. Коноваловой (ставшей, как уже упоминалось, ответственным редактором журнала), которые содержат призывы решительно отказаться от форм и содержания краеведческой работы предшествующего периода, оцениваемого автором исключительно негативно. Так, в статье «На новом эта-

пе»⁴¹ старым краеведческим организациям противопоставляются новые, являющиеся «массовыми органами советской общественности», что соответствует задачам краеведной работы, сформулированным XIII съездом Советов. Характерная деталь: понятие «советское» применяется именно в отношении современного краеведения, начала 1930-х годов, что, видимо, должно было еще более жестко подчеркнуть принципиальную разницу между ним и краеведением 1920-х годов («не советским»). Напомним, что и главный печатный орган ЦБК журнал «Краеведение», выходявший в 1920-е годы, с 1929 г. уступил место «Советскому краеведению». К. Коновалова пишет: «Только активное служение интересам диктатуры пролетариата в борьбе за социализм наполняет краеведческое движение подлинно научным содержанием в области исследования природы, экономики и общественной жизни страны. <...> Новая волна краеведческого движения должна смести все старые, закоренелые формы краеведной работы», положив в основу своей исследовательской работы марксистский метод, «с новыми силами, на новых рельсах краеведение выйдет на широкую дорогу».

Если на протяжении 1930 г. в журнальных передовых статьях несколько раз упоминалось о том, что не все еще краеведческие организации полностью перестроились, и в частности, это касалось Московской области, то в отношении главной печатной трибуны подмосковного краеведения дело обстояло иначе. О том, насколько органично журнал адаптировался в меняющихся общественно-политических условиях начала 1930-х годов, можно судить и по его содержанию, и по тону программных статей. № 1 (5) журнала за 1931 г. открывается статьей секретаря МОБК А. Филичкина, посвященной проблеме участия краеведов в работе на селе, в коллективизации, «Наши задачи в весеннем севе 3-го года пятилетки», где с первых же строк заявляется:

Вопреки болтовне оппортунистов всех мастей о трудностях и невозможности выполнения намеченных темпов в области переустройства сельского хозяйства, партия, рабочий класс и трудовое крестьянство нашей страны, вступая в борьбу в наступившей второй большевистской весне за выполнение намеченных темпов в решающий 3-й год пятилетки, имеют бесспорные блестящие победы, отмеченные в решениях декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)⁴².

Далее в статье, насыщенной в равной степени характерной для периода коллективизации фразеологией и цифрами, свидетельствующими в основном о «бесспорных блестящих победах» кол-

лективизации в СССР, названы и задачи подмосковного краеведения (с учетом того, что Московская область как раз по показателям значительно отстает от других районов страны):

Краеведные организации районов и на селе должны притти на помощь местным организациям (совхозам, колхозам, сельсоветам, ККОВ), учесть могущие быть прорывы на посевном фронте, помочь обеспечить 100% вспашку и обсеменению ярового клина. <...> Помочь поставить работу МТС бесперебойно, рентабельно, сорганизовать активность трудящихся вокруг работы станций, а краеведческим музеям в экспозиции музея отобразить работу МТС – таковы задачи, выдвигаемые перед нами⁴³.

Эти задачи подмосковные краеведы должны выполнять в условиях «боевых», когда успехи социалистического строительства неизбежно вызывают «отчаянную травлю капиталистов всего мира», которые «видя в осуществлении пятилетки свою гибель... ведут бешеную подготовку к нападению на Советский Союз». В связи с этим «краеведы Московской области должны быть на передовых позициях вместе с партией, вместе с рабочим классом и трудовым крестьянством в выполнении задач второй большевистской весны. Весенний сев будет боевым экзаменом для наших краеведных организаций...». Особое внимание краеведческих организаций обращалось на «антирелигиозную пропаганду, так как бесспорно, что классовый враг в рясе и без нее вместе с кулачеством поведет решительное наступление против наших большевистских мероприятий во вторую большевистскую весну»⁴⁴.

В этом же номере той же теме посвящена статья К. Коноваловой⁴⁵. Здесь определены задачи, стоящие непосредственно перед краеведами и базовыми и районными музеями области, которые в тесном взаимодействии должны ударно включиться в посевную кампанию (передвижные выставки, призванные «особенно выпукло показать» преимущества коллективного хозяйства, доклады и прочие мероприятия, которые должны разъяснить населению задачи посевной кампании и др.). И здесь также настойчиво рекомендуется уделить особое внимание «выявлению классовой борьбы, происходящей в деревне, разоблачению роли кулачества, религиозных организаций и других враждебных сил, борющихся с мероприятиями Сов. власти».

Заглавные статьи третьего выпуска журнала за 1931 г., написанные членами редколлегии, вновь обращаются к общим проблемам краеведения и краеведческого движения на современном этапе⁴⁶.

Проблема краеведения и общественности, поднятая в статье Шестопалова, касается еще одного важнейшего фронта краеведческой работы – индустриализации – и также в связи с научно-исследовательским потенциалом краеведения. Автор упрекает профсоюзные организации в пассивности, в ожидании указаний сверху для установления прочных связей с краоведами и подчеркивает, что «сама жизнь» исправляет эти недоработки, поскольку на фабриках и заводах организуются кружки (ячейки) самими рабочими, желающими «как новые хозяева» знать свою фабрику и завод, их настоящее и прошлое. Действительно, в конце 1920-х – начале 1930-х годов известная программа изучения фабрик и заводов может рассматриваться как одно из интереснейших и важнейших краеведческих начинаний, не получивших (да объективно и не могших получить) должного развития. Трактовка целей такого изучения, данная в статье Шестопалова, вполне показательна: нужно это для того, чтобы рабочий понимал, что нужно сделать, чтобы завод «стал еще более мощным». Необходимое рабочему знание – чисто утилитарное (изучение сырьевой базы, местоположения завода или фабрики, быта самих рабочих, их досуга: «ведь, чем культурнее рабочий, тем меньше несчастных случаев на производстве, уменьшается количество брака, проявляется более бережливое отношение к машине»). Роль, как выражается автор, «краеведчества» в этом деле велика: работе, которая уже ведется рабочими по собственному почину, надо придать правильное направление, исследовательский потенциал краеведения должен быть поставлен на службу рабочему классу. Примечательно, что автор почти с умилением ставит в пример отечественному краеведению Западную Европу, сетуя, что до сих пор в плане изучения отдельных местностей у нас ничего не делалось (т. е. весь опыт и дореволюционного краеведения, и краеведения 1920-х годов автору неизвестен, либо, что вероятнее, сознательно не принимается им во внимание):

Наша задача развить в массах интерес не только к природе, но и к местам, для этого нам не мешало бы брать пример с Западной Европы, где любителями краеведения описаны каждый уголок, на каждом перекрестке дорог поставлены столбики с надписями: куда и какая дорога ведет, и бережно обложена камешками, у нас же в этом отношении пока еще нет ничего, и можно пройти сотни километров в таких местах, богатых как минеральными источниками, так и различными видами ископаемых и растительностью, которыми так богата наша страна. Например – Северный Кавказ, Урал, Крым, Сибирь, Донбасс, нигде не

увидите и следа того, чтоб кто-нибудь интересовался этой местностью, настолько хотя бы, чтоб поставить на дороге, ведущей туда, столбик с надписью, которая указала бы, чем место это замечательно, что то или другое место взято под чьим-нибудь наблюдением... (!)

Продолжение темы, но уже в совершенно конкретном приложении, следует в передовой статье Н.А. Коршунова «Массовая научно-исследовательская краеведная работа во встречном плане»⁴⁷ в последнем выпуске журнала. Велика роль краеведения как научно-исследовательского метода в разработке встречных планов: рабочий и колхозник, составляя предложения во встречный план, хоть и самостоятельно, но уже занимаются исследовательской краеведческой работой, при этом важно и то, как утверждает автор, что «большая часть рабочих по политическому уровню, по знанию марксизма-ленинизма стоят выше лордов и леди, имеющих высшее образование», а воспитанный самой советской жизнью новый человек – ударник – это еще более сильная база для научно-исследовательской работы масс. <..> «Производственная бригада – первичная краеведная ячейка при планово-оперативных группах на заводе, в совхозе и колхозе, должна стать базой краеведной работы».

Следует отметить, что, помимо программных статей, само содержание всех восьми номеров журнала может не менее красноречиво показать картину направленности краеведческой работы начала 1930-х годов и охарактеризовать в целом условия, в которых в тот период развивалось отечественное и, в частности, подмосковное краеведение. Приведем примеры: М.Я. Феноменов «Товарищи колхозники, изучайте свой колхоз», Ю. Карпинский «Изучайте полезные ископаемые. Анкета по сбору сведений о полезных ископаемых» (1930. №1); «Внимание к известковым залежам. (Обращение Об-ва [ОИМО – А. С.]», П.А. Иванов «Поднятие урожайности и известь», «Дикорастущее сырье и пищевая промышленность», (1930. №2); И.А. Здановский «Заморозки начала июня», Г. Воронов «Планирование сельского хозяйства и краеведная исследовательская работа», И. Клабуновский «Как приступить к изучению жизни рабочих в производстве и быту» (1930. №3); Б. Кафенгауз «Краеведение и вопросы товарооборота» (1930. №4); С.Н. Ягужинский «Что должен знать краевед о силосовании», А. Иванов «Поведем борьбу с повиликой», А. Бахарев «О посадке картофеля ростками», Н.А. Шнеерсон «Проблема животноводства и задачи краеведческих музеев. (Опыт построения плана работ Истринского музея), «Изыскание извести в Дмитровском районе», (1931. №1 (5)); Н.И. Осипов «Борьба с потерями – основная задача сегодняш-

него дня (опыт организации выставки по борьбе с потерями)», Е.С. Радченко «Краеведческий музей и политехнизация школы» (1931. № 2 (6)); А.Н. Елвонский «Изучение рыбного хоз-ва в Московской области и участие в этой работе краеведов», А.М. Брянский «Изучение естественных кормов и задачи краеведов» (1931. № 3 (7)); Вагин «Вопросы изученности охотничьего хозяйства и промысловой фауны Московской области и очередные задачи в деле дальнейшего изучения», Дунин «Наши предложения краеведам (способ сушки сои)», Горох «Курсы по изучению полезных ископаемых» (1931. № 4 (8)) и т. д.

При этом можно выделить единичные материалы, статьи, которые все же посвящены краеведческим проблемам в современном понимании и в традиции историко-краеведческих исследований «золотого десятилетия». Например, обратим внимание на небольшую заметку известного московеда, бывшего и членом Комиссии «Старая Москва», и затем членом Общества изучения Московской губернии (позднее ОИМО), П.Н. Милера «Выставка строительных материалов в Москве»⁴⁸. За «промышленным» названием выставки скрываются результаты большой историко-краеведческой исследовательской работы, проведенной московедами под его руководством в ходе археологических и краеведческих наблюдений за строительными работами в Москве (результатами которых была и известная выставка «Московский мусор»). Статья Г.В. Корсунского «Обратим внимание на фарфоровую и фаянсовую посуду»⁴⁹ – вполне в духе времени. И все же выделим ее, ибо здесь речь идет о необходимости изучать художественные промыслы и производства Московской области (руководство этим направлением брала на себя искусствоведческая секция ОИМО). Конечно, цель такого изучения продиктована тем, что «посуда должна способствовать развитию и укреплению нового быта. Она должна содействовать происходящей культурной революции. Рисунки на ней не только должны быть красивы, но и должны иметь агитационно-воспитательное значение для трудящихся, пользующихся ею». И, конечно, «рабочую массу надо привлечь и к содействию освобождения фарфоро-фаянсового производства от засилья дворянских и буржуазных рисунков, и к оценке новых рисунков и орнаментов». И тем не менее на фоне прочих тем нового, советского краеведения призыв к изучению художественных производств и подчеркивание особой роли в этом краеведения, пусть и с вполне идеологическими целями, – это хоть и слабая, но все же ниточка преемственности от предшествующего периода. В контексте еще более прочной преемственности традиций краеведения, безусловно, можно рассматривать

и статью археолога О. Бадера, помещенную в одном из номеров журнала за 1931 г.⁵⁰, где автор подчеркивает огромное значение «археологического краеведческого изучения», которое «неизменно возбуждает самый живой интерес у местного населения». Главная тема статьи – значимость археологических исследований и острая необходимость охраны археологического наследия, что звучит большим диссонансом для начала 1930-х годов. По мысли О. Бадера, низовой кружок может «поставить своей задачей учет археологических памятников края, всячески заботиться об их охране», участвовать в археологических работах научных учреждений и «вести широкую работу среди населения по разъяснению истинного значения местных археологических памятников»⁵¹. Конечно же, такая работа вызвана задачами, в первую очередь, борьбы с религиозным сознанием и воспитания в массах материалистического мировоззрения, она – в контексте главных задач реализации пятилетки (вне такого контекста статья вряд ли могла попасть на страницы журнала), но, по существу, автор подходит к проблеме совсем наоборот, он пишет о первостепенном значении «участия масс в деле охраны археологических памятников», указывает, что размах строительства во всех сферах в связи с задачами пятилетки грозит гибелью памятникам, и поэтому «необходимо повести в массах работу по пропаганде охраны памятников», учитывая «их значение для нашей истории»⁵².

Еще одной важной темой, занимающей большое место на страницах журнала, являются музейное строительство и краеведческая работа музеев. Причем, помимо отдельных статей в разных номерах, этой теме посвящен целиком № 2 за 1931 г. Начинается он передовицей, воспроизводящей речь Н.К. Крупской на 1-м Всероссийском съезде музейных работников (декабрь 1930 г.) «Музей на фронте классовой борьбы и советского строительства» (С. 1–3), где музеям (особенно краеведческим) отводится роль «опорных пунктов пропаганды и агитации», форпостов антирелигиозной борьбы, средства борьбы с «великодержавным шовинизмом» в пользу «отсталых народностей» и стимулирования соцсоревнования, продвижения новых форм труда и т. д. Эту же тему развивают и другие статьи: К. Коноваловой «На путях к советскому музею» (С. 3–5), Н.А. Шнейерсона «1-й Всероссийский музейный съезд и краеведческие музеи» (С. 5–6). В отдельную рубрику «Музей в рабочем районе и на фабрике» сгруппированы материалы, повествующие о формировании музейных экспозиций, посвященных эффективности семичасового рабочего дня (введен в 1927 г.) и непрерывной рабочей недели и программам краеведческих обследований пред-

приятый; опыту организации выставок, посвященных борьбе с потерями на производстве, и др. В рубрике «Музеи – за перестройкой своей работы» интересна статья К. Виноградова «Музей-усадыба на новых путях. (Из опыта работы Останкинского музея)» (С. 23–27). Конечно, здесь, как и везде, присутствует идеологический рефрен: «Шереметев как крупнейший эксплуататор», крепостничество, «крепостная рабоче-крестьянская масса», но интересно, что в целом статья как раз показывает многогранность музея-усадыбы, где перечисленные темы – лишь одна из сторон музейного собрания (!). «Останкино интересно для истории русской и европейской культуры, для истории театра в России, для истории декоративного искусства. для истории техники мануфактурного периода... для истории быта аристократии, для всесторонней характеристики крепостничества XVIII в. и для истории паркового искусства», – пишет автор (С. 23). Статья заметно выбивается из общего тона журнальных материалов, созвучных реалиям начала 1930-х годов.

На страницах журнала большое место занимают методические краеведческие материалы, ориентированные на реализацию основных задач советского краеведения, что интересно с точки зрения организации, постановки работы краеведов и краеведческих объединений и позволяет проанализировать специфические организационные формы краеведческой работы этого периода. Отметим, например, статьи Н. Коршунова и А. Григорьева «Как организовать краеведческий кружок и как наладить его работу» (1930. № 1), Н. Коршунова «Как составить план работы краеведческого кружка на летний–осенний период» (1930. № 2), И. Клабуновского «Как приступить к изучению жизни рабочих в производстве и быту» (1930. № 3), М. Комаровой «Как мы организуем работу на предприятиях», Сосенковой «Из опыта работы по организации массового краеведения» (1930. № 4), ее же «Краеведная работа в колхозе», М. Комаровой «Социалистические методы работы в краеведческих музеях», К. Виноградова и Найдышева «Краеведческая работа в историко-бытовых музеях (музеях-усадыбах)» (1931. № 4) и некоторые другие. К этой же тематической группе следует отнести те публикации, где подробно описываются методики обследования района, предприятия, колхоза, методики создания музейной экспозиции, выставки, передвижной выставки и проч.

Обратим также внимание на размещенные в журнале материалы, касающиеся таких новых форм краеведческой работы, как краеведческая пятитдневка, месячник и культпоход. В третьем номере за 1930 г. в качестве анонса на обороте титула помещено обращение «Краеведы! Готовьтесь к краеведческой пятитдневке, которая,

по постановлению Центрального Бюро Краеведения, будет проводиться с 1-го по 5-е декабря 1930 г.!), и далее поясняются задачи этого мероприятия, связанные с пропагандой новых форм и методов краеведческой работы, с его «огромной ролью в деле социалистического строительства», с постановкой перед трудящимися «актуальных тем краеведческих работ», с созданием низовых краеведческих ячеек и т. д. А в следующем, четвертом, номере помещена развернутая статья А. Филочкина «Культпоход и краеведческая пятидневка»⁵³, где, ссылаясь на темпы реконструкции народного хозяйства и «победоносное наступление пролетариата на фронте индустриализации страны» и коллективизации и апеллируя к решениям II Московской областной партийной конференции, автор указывает, что «история безжалостно отменяет из среды краеведов старые и враждебные элементы. Но... классово чуждая нам идеология в краеведческой организации далеко еще не изжита. Есть отдельные прослойки, которые всеми силами стремятся удержать краеведческое движение в прежних рамках. Паникеры из этого лагеря шарахаются от новых форм и методов, в которые сейчас вступает массовое краеведческое движение, и сознательно тянут назад»⁵⁴. Однако средства оздоровления краеведения есть: «Решительная чистка краеведческой организации от чуждого нам элемента – первая и очередная задача культпохода в краеведческую пятидневку»⁵⁵. Причем культпоход рассматривается как часть единого плана массовой политпросветработы, как залог успеха культурной революции. Значимость этих мероприятий оценивалась столь высоко, что ЦБК постановило превратить пятидневку в месячник начиная с 10 декабря, а первую пятидневку (по 15 декабря) объявить ударной.

Анализируя тематическое наполнение «Краеведа-массовика», отметим ценность его материалов, посвященных конкретным краеведческим объединениям и организациям, а также строительству (перестройке) всей краеведческой сети Московской области (и сопредельных областей – Тульской, Рязанской, Тверской и проч.). Иногда это довольно объемные статьи, иногда небольшие информационные материалы и заметки, сгруппированные в рубрику «Хроника». В первую очередь журнал отражает историю деятельности и трансформации головных краеведческих организаций области – ОИМО, Московского областного бюро краеведения, Областного музея краеведения (о чем уже упоминалось выше). Кроме того, есть очень интересная информация (справочная, иногда довольно развернутая) о различных краеведческих организациях, работавших в Московской области: А. Григорьев «Работа краеведческих организаций в Московской области» (1930. № 1) кратко

характеризует ОИМО и краеведческие объединения Московского, Орехово-Зуевского, Коломенского, Серпуховского, а также других округов (ныне не входящих в состав Московской области). ОИМО посвящена и информация Б. Иваненко «Общество изучения Московской области вступило в соцсоревнование» (1930. № 2). В четвертом выпуске за этот же год есть информация о реорганизации ОИМО и его филиалов (Н. Мавровский «Реорганизации краеведческой сети») и о работе Методического бюро Московского областного музея в сентябре–ноябре 1930 г. (З. Молоткова). Большая информация об ОИМО, его краеведческих ячейках в области, о библиотеке «Краеведа-массовика», а также о краеведческих ячейках в Москве и Московской области по сведениям Московского областного бюро краеведения помещена в №1 (5) за 1931 г. (Н. Мавровский, Н. Дорогутин, А.И. Малиновский). Информацию о музейном строительстве в 1930 г. можно почерпнуть из статьи Е. Радченко «О новых формах руководства музейной сетью в Московской области» (1930. № 3). Очень важен помещенный в № 2 (6) за 1931 г. «Отчет о работе методического бюро при Московском областном музее» (за восемь с половиной месяцев 1930–1931 гг.). О «Развитии краеведческой сети в Московской области» и о «Договоре о социалистическом соревновании между Областным Бюро Краеведения Московской и Иваново-промышленной областей» рассказывают материалы «Хроники» в третьем выпуске журнала за 1931 г. и т. д.

Из отдельных краеведческих объединений области специальное внимание в нескольких номерах журнала уделено работе Кудиновского краеведческого кружка (Ногинский район)⁵⁶, Гиблицкой опытно-краеведческой базе (Касимовский район; ныне Рязанская обл.)⁵⁷, краеведческим организациям Истринского, Раменского районов⁵⁸, музейно-краеведной работе в Звенигородском районе⁵⁹. Следует также отметить материалы, рассказывающие о работе юных краеведов, например «О работе кружков юных краеведов в Сходненском районе Московской области в 1930 г.»⁶⁰.

Нельзя не упомянуть и очень интересный и оригинальный сюжет из истории краеведческого движения 1930-х годов, присутствующий на страницах журнала, который связан с инициативой строительства самолета «Краевед», решение о строительстве которого принял X Пленум ЦБК и на строительство которого МОБК объявило сбор средств, установив «контрольную цифру в 3000 руб.»⁶¹ Вызвана эта инициатива была тем, что «классовый враг со скрежетом зубов смотрит на воздвигаемые социалистические гиганты, мировая буржуазия видит свою гибель в “пятилетке”, поэтому мобилизует своих агентов... на провокацию, гнусную клевету о принудительном

труде в СССР, вплоть до экономической блокады и интервенции, о чем нам подробно рассказывали буржуазные агенты на судебном процессе “промпартии” и “союзного бюро меньшевиков”. Войны мы не хотим, но к бою должны быть готовы» – вот причины строительства самолета «Краевед», который должен был войти в «ряды Пролетарского Воздушного флота». МОБК призывало закончить сбор средств к 1 июля 1931 г. и дать сверхплановую сумму сбора от Московской области в 5000 руб. Однако выполнить этих обязательств не удалось: А. Малиновский приводит сведения по 24 районам, которые перечислили средства на самолет к 13 октября 1931 г. – всего 1708 руб. 54 коп. Проследить дальнейшую судьбу этого интересного начинания невозможно, поскольку эта информация была помещена в последнем выпуске «Краеведа-массовика».

Возвращаясь к разделам «Хроника» и «Официальный отдел», отметим, что они содержат сведения о краеведческих конференциях и совещаниях как в пределах современной Московской области, так и за ее границами: об Окружной краеведческой конференции в Твери (1930. № 2), о V Районной краеведческой конференции в Воскресенске и о Базовом совещании при Воскресенском музее (1930. № 3), о подготовке Областной (Московской) краеведческой конференции в 1931 г. (№ 2 и 3) и др. В материалах «Официального отдела» интересны также и опубликованные там нормативные документы советских и партийных органов, а также Наркомпроса, МОНО, ЦБК и прочие, свидетельствующие о специфике развития краеведческой работы и принципах организации краеведческой сети Подмосковья в начале 1930-х годов.

В целом, подводя итог обзора материалов журнала «Краевед-массовик», можно утверждать, что это периодическое издание исключительно важно и информативно (причем содержит информацию достаточно разноплановую) с точки зрения отражения реальных отечественного краеведения в целом и непосредственно краеведения Московской области, соответствующих новым реалиям жизни советского государства и общества в начале 1930-х годов.

Примечания

¹ Вопросы истории краеведения в 1930-е годы в отечественной историографии разрабатывались В.Ф. Козловым. См., например: *Козлов В.Ф.* Вопросы исторического краеведения в краеведческой периодике 1930-х гг. // Первая Всесоюз. науч. конф. по ист. краеведению (г. Полтава, окт. 1987). Киев, 1987. С. 121–122; *Он же.* Вопросы исторического краеведения в журнале «Советское краеве-

- дение» (1930–1936) // Историческое краеведение в СССР. Вопросы теории и практики: Сб. науч. ст. Киев. 1991. С. 49–51; *Он же*. «Огосударственное» краеведение. История и уроки. (По страницам журнала «Советское краеведение»: 1930–1936) // Вестн. РГГУ. 2013. № 9 (110). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». С. 53–83.
- ² *Козлов В.Ф.* «Огосударственное» краеведение... С. 55.
 - ³ Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 марта 1931 г. № 396 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела» // Краевед-массовик (КМ). 1931. № 2 (6). С. 48.
 - ⁴ Июньский пленум ЦК ВПК(б) и задачи краеведения на новом этапе // Советское краеведение. 1931. № 7–8. С. 1–4.
 - ⁵ *Козлов В.Ф.* Вопросы исторического краеведения... С. 49.
 - ⁶ *Толстов С.* Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932. С. 43.
 - ⁷ Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 марта 1931 г. ... С. 48.
 - ⁸ Там же. С. 49.
 - ⁹ *Григорьев А.* Комитет по массовой работе об-ва // КМ. 1930. №1. С. 16
 - ¹⁰ *Костомаров Г.* О массовой работе по краеведению в Московской области // Там же. С. 1.
 - ¹¹ *Большаков А.* Твердое задание на 1931 г. Каждая область, каждый край обязательно имеют свой краеведный журнал // Советское краеведение. 1931. № 7–8. С. 106.
 - ¹² *Костомаров Г.* Указ. соч. С. 1–2.
 - ¹³ КМ. 1930. № 1. С. 7.
 - ¹⁴ Там же. С. 13.
 - ¹⁵ Там же. С. 16.
 - ¹⁶ Там же. С. 16.
 - ¹⁷ Там же. № 4. С. 2.
 - ¹⁸ Там же. С. 19.
 - ¹⁹ Там же. С. 1.
 - ²⁰ Там же. № 1. С. 1.
 - ²¹ *Дорогутин Н.А.* Почему мы должны изучать Московскую область // Там же. С. 2–4.
 - ²² Там же. С. 2.
 - ²³ См., например: *Архангельский С.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
 - ²⁴ *Дорогутин Н.А.* Указ. соч. С. 3.
 - ²⁵ Краеведение – на новые пути // КМ. 1930. № 2. С. 1.
 - ²⁶ Там же. С. 1–2.
 - ²⁷ Там же. С. 2.
 - ²⁸ *Н. К* итогам всероссийской конференции по краеведению // Там же.
 - ²⁹ Краеведная работа в свете решений XVI партсъезда // Там же. № 3. С. 1–2.
 - ³⁰ Там же. С. 1.
 - ³¹ Там же. С. 2.

- ³² *Коновалова К.* На новом этапе // Там же. № 4. С. 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Краеведная работа в свете решений XVI партсъезда // Там же. № 3. С. 2.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Всем краеведным организациям Московской области // Там же. № 4. С. 1.
- ³⁷ Там же. С. 2.
- ³⁸ *Клабуновский И.* Чего мы хотим от нового краеведения // Там же. С. 5.
- ³⁹ Там же. С. 5–6.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ *Коновалова К.* На новом этапе // Там же. С. 2–3.
- ⁴² *Филичкин А.* Наши задачи в весеннем севе 3-го года пятилетки // Там же. 1931. № 1 (5). С. 1.
- ⁴³ Там же. С. 2.
- ⁴⁴ Там же. С. 3–4.
- ⁴⁵ *Коновалова К.* За активное участие в весенней посевной кампании. Всем краеведческим музеям и организациям Московской области. // Там же. С.4–5.
- ⁴⁶ См.: *Коновалова К.* Науку в массы // Там же. № 3 (7). С. 1–2; *Шестопалов.* Краеведение и общественность // Там же. С. 2–4.
- ⁴⁷ *Корищнов Н.А.* Массовая научно-исследовательская краеведная работа во встречном плане // Там же. № 4 (8). С. 1–2.
- ⁴⁸ *Миллер П.Н.* Выставка строительных материалов в Москве // КМ. 1930. № 2. С. 11–12.
- ⁴⁹ *Корсунский Г.В.* Обратим внимание на фарфоровую и фаянсовую посуду // Там же. № 3. С. 15–16.
- ⁵⁰ *Бадер О.* О вовлечении масс в исследовательскую работу. (Из опыта работы) // Там же. № 1 (5). С. 25–27.
- ⁵¹ Там же. С. 25.
- ⁵² Там же. С. 27.
- ⁵³ *Филичкин А.* Культпоход и краеведческая пятидневка // Там же. № 4. С. 3–5.
- ⁵⁴ Там же. С. 3.
- ⁵⁵ Там же. С. 4.
- ⁵⁶ Там же. № 2.
- ⁵⁷ Там же. № 1.
- ⁵⁸ Там же. 1931. № 1 (5).
- ⁵⁹ *Колобов В.* Из опыта музейно-краеведной работы в Звенигородском районе // Там же. 1930. № 3. С. 21.
- ⁶⁰ *Шишков А.* О работе кружков юных краеведов в Сходненском районе Московской области в 1930 г. // Там же. 1931. № 3 (7). С. 26–27.
- ⁶¹ Всем райбюро, музеям и ячейкам краеведения Московской области // Там же. № 2 (6). С. 49.

Церковное краеведение Москвы

М.В. Артюшенко

Московский Донской монастырь в Отечественную войну 1812 г.

Статья посвящена истории московского Донского монастыря в Отечественную войну 1812 г.

На основании обширного архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, подробно описываются события, происходившие в монастыре накануне, во время и после вторжения французов. Анализируются особенности самосознания братии обители, их отношение к Отечеству, войне, французам, пожару Москвы, разорению святынь.

Ключевые слова: Донской монастырь, братия, Отечественная война 1812 г., французы, разорение храмов, пожар Москвы, архиепископ Августин (Виноградский), А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, архимандрит Иоанн (Терликов).

В начале XIX в. России пришлось пережить несколько тяжелых войн, среди которых главное место занимает Отечественная война 1812 г. Ее история представлена значительным количеством публикаций источников¹, дореволюционных и современных монографий. Менее изученным является положение Русской православной церкви в 1812 г. Особый интерес представляет состояние храмов и монастырей Московской епархии как подвергнувшихся разорению, воинскому постою. На эту тему из дореволюционных исследований стоит отметить труды секретаря Московской духовной консистории Н.П. Розанова, написанные на основании архивных материалов, воспоминаний². Отдельные факты из жизни московских обителей в 1812 г. упоминаются в исторических описаниях И.Е. Забелина³, Н.В. Дмитриева⁴, Д.С. Дмитриева⁵, И.Ф. Токова⁶, И.М. Снегирева⁷, в книгах Т. Толычевой⁸. Из современных

исследователей положение московских обителей в Отечественную войну кратко описывал П.Н. Зырянов – автор монографии о русских монастырях в XIX в.⁹ Недавняя работа Л.В. Мельниковой¹⁰ посвящена в основном положению Русской православной церкви в 1812 г., роли военного и приходского духовенства в защите православных храмов и святынь.

Московские путеводители XIX в. зачастую просто упоминают о том, что в годы войны тот или иной храм или монастырь подвергся разорению. О Донском монастыре в Отечественную войну 1812 г. в текстах путеводителей говорится несколько подробнее. Особое внимание обращалось на вклад донских казаков в восстановление Донской обители: «После 1812 года монастырь этот, ограбленный наполеоновскими солдатами, украшен донскими казаками»¹¹. Путеводители сравнивали положение Донского монастыря до нашествия французов и после, считая, что обитель еще более расцвела после перенесенных испытаний.

Основным источником по истории Донского монастыря и других московских обителей в Отечественную войну традиционно считаются отчеты, поданные в 1817 г. настоятелями архиепископу Дмитровскому Августину (Виноградскому) и опубликованные в журнале «Русский архив» в 1869¹², 1891 гг.¹³, а также отчет, представленный министром народного просвещения князем А.Н. Голицыным императору¹⁴. Именно эти документы и использовал в своей монографии П.Н. Зырянов. Положение монастырей Москвы в 1812 г. в них освещается довольно кратко. Между тем фонд Донского монастыря, хранящийся в Центре хранения документов до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы», в целом довольно неплохо сохранившийся на фоне других московских обителей, содержит ряд уникальных документов по истории Отечественной войны 1812 г.¹⁵ Бесспорно, основным источником среди них является «Описание, что происходило во время нашествия неприятельского в Донском монастыре»¹⁶, представляющее собой подлинные воспоминания монахов о событиях того времени. 17 ноября 1817 г. по благословению архиепископа Августина и распоряжению настоятеля обители архимандрита Евгения (Казанцева) все монашествующие Донской обители, как оставшиеся в ней во время нашествия французов, так и покинувшие монастырь, написали свои воспоминания о войне 1812 г. Всего 18 человек. В деле сохранились 16 показаний монашествующих, довольно трудных для прочтения. Чернила сильно выцвели, в некоторых местах текст почти не виден. Это усугубляется также цветом бумаги (синяя и зеленая). Края листов обгорели. За редким исключением текст не разбит на предложения, строчные

буквы не выделены. Очень много пропущенных букв, орфографических ошибок. На основании этих текстов наместник иеромонах Ириной составил обобщенное показание, поданное 19 ноября архиепископу Августину. Позднее оно было напечатано в «Русском архиве» за 1891 г.¹⁷, причем при публикации были допущены некоторые ошибки и неточности, что удалось выявить путем сличения опубликованного текста и архивного материала. Автором настоящей статьи в журнале «Вестник церковной истории» недавно были размещены подлинные воспоминания насельников о жизни обители в войну 1812 г.¹⁸ Для характеристики положения Донского монастыря в 1812 г. эти тексты имеют большую ценность.

Мы привлекли и следующий обширный документ:

Дело по указу из Святейшего Синода о пожертвовании на составление новых сил тут же об уборке церковных и ризничных вещей, и об отрешении от должности наместника иеромонаха Иосифа, и о потерянном монастырем, братией и служителями оного, разграблении, и о возобновлении оного монастыря, и о освящении в нем церковей¹⁹.

Также мы использовали ведомость о монашествовавших за 1818 г.²⁰, «Копию с отношения тайного советника, синодального обер-прокурора Его Сиятельства князя Александра Николаевича Голицына к преосвященному Августину, архиепископу Дмитровскому, от 30 октября 1817 года»²¹, рукописные исторические описания истории обители²², переписку М.И. Платова с наказным атаманом, генерал-лейтенантом Н.В. Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым (1), а также с настоятелями обители архимандритами Симеоном и Евгением, повествующую о знаменитом пожертвовании донских казаков на Донскую обитель²³.

При таком количестве существующих источников история Донской обители в 1812 г. ни разу подробно не освещалась. В первом историческом описании монастыря Н.Д. Горчакова 1812 год уже оброс легендами: в частности, повествуется, как Наполеон якобы гулял по знаменитому монастырскому некрополю и рассматривал памятники, а также выражал недовольство по поводу разорения обители и поведения французских солдат²⁴. В «Историческом описании...» монастыря И.Е. Забелина об Отечественной войне говорится лишь пара слов, между тем заметно, что данные документы автор держал в руках.

Архивные документы позволяют нам уточнить и дополнить информацию по истории Донского монастыря в 1812 г., ее реконструировать.

1 августа 1812 г. в связи с начавшейся войной с Францией из Святейшего Правительствующего Синода в монастырь был прислан указ с призывом о пожертвовании или лично от архимандрита и братии, или от монастыря деньгами, серебряными и золотыми вещами, лежащими без употребления²⁵. Настоятель архимандрит Иоанн (Терликов)²⁶, объявив этот указ братии, сообщил ей свое намерение о пожертвовании двух билетов Сохранной казны Московского воспитательного дома в размере 5 тысяч рублей каждый, призвал и монашествующих согласиться на такое пожертвование. Братия живо откликнулась:

Сим благопочтеннейше представляем, что мы, следуя расположению Вашего Высокопреподобия, яко настоятеля нашего, на пожертвование в пособие при составлении новых сил... охотно и всеусердно соглашаемся²⁷.

Братия сообщила и о трех слитках серебра, общим весом 1 пуд 51 фунт 37 золотников. Было решено пожертвовать и их. Для сравнения: Александро-Невская лавра пожертвовала тогда 20 тыс. рублей, Соловецкий монастырь – 5 тыс. рублей, Валаамский – 1100 рублей, Новоспасский – 3 пуда серебра, Симонов и Воскресенский Новоиерусалимский – по 2 пуда серебра каждый²⁸. Лично от себя архимандрит Иоанн добавил 500 рублей ассигнациями. Собранные средства и серебро были отправлены 23 августа во «2-й Комитет о пожертвованиях на образование московской военной силы»²⁹.

22 августа настоятели московских монастырей получили устное приказание от епископа Августина начать уборку в сундуки ризничных вещей. Братия выразила готовность немедленно приступить к делу, однако наместник иеромонах Иосиф начал препятствовать распоряжению, как бы не доверяя словесному приказу. Тогда 24 августа архимандрит Иоанн повелел в письменной форме убирать церковные и ризничные вещи, но наместник стал прямо сопротивляться. «...И тут от всего того отказался, почтя сие до него не принадлежащим, и даже... предписания ни читать, ни слушать не стал, без него же яко первого в хранении всего участника, и прочие ни к чему не приступили»³⁰. Настоятелю пришлось донести о поведении иеромонаха Иосифа в синодальную контору, куда он, между прочим, писал:

...наместник делается ожесточительнее, подчинения ко мне не имеет, и по его должности ни за чем в монастыре не смотрит, а ныне и крайне больным отозвался, хотя приметно, что болезнь его есть притворная³¹.

27 августа синодальная контора указала сместить иеромонаха Иосифа с занимаемой им должности и назначить нового наместника. Когда другие монастыри уже полным ходом собирали ризничные вещи, Донской монастырь потерял пять дней драгоценного времени из-за поведения наместника. Сопротивление иеромонаха Иосифа распоряжению о сборе ризничных вещей можно объяснить следующим образом. Как известно, до 1 сентября еще не было решено на военном совете, защищать ли древнюю столицу от неприятелей или же сдать ее без боя. Поэтому и генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин еще 26 августа в своей афише к жителям Москвы объявил: «Жизнию отвечаю, что враг в Москве не будет!» Даже 30 августа он писал: «Светлейший (т. е. Кутузов) говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет», а в афише от 31 августа заявлял: «...не пустим злодея в Москву – я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних»³². Потому, возможно, наместник не думал, что Москва будет взята французами.

Только после назначения нового наместника (27 августа), которым стал иеромонах Вассиан, удалось приступить к сбору ризницы. Были собраны Евангелия, драгоценная церковная утварь и облачения, серебряные лампы, паникадило, подсвечники «и все то, что можно было взять из золотых, серебряных и жемчужных вещей. Образа со всем украшением оставлены из опасения, как уверяет отец архимандрит Иоанн, чтобы народ не встревожить»³³. Возможно настоятель распорядился не снимать драгоценные ризы с икон и не убирать сами иконы, памятуя о зверском убийстве во время чумного бунта 1771 г. около стен Донского монастыря архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского), который приказал снять Боголюбскую икону у Варварских ворот. Действительно, в то время из жителей Москвы составлялись добровольные ночные дозоры для удостоверения в том, что чтимые Москвой святые иконы не увезены³⁴. Таким образом, и чудотворная храмовая Донская икона Богородицы в драгоценной ризе была оставлена в монастыре. Были вывезены блюда серебряные и серебряные позолоченные, серебряные лжицы, ковши, лохани, блюда, стаканы, чашки, шесть кадил, тринадцать лампад для свеч, десять масляных лампад, четыре подсвечника, умывальница, лохань с рукомоильником, дикирии, трикирии, драгоценные митры, посохи, панагии, поручи и епитрахили, низанные жемчугом³⁵. С подсвечника, стоявшего перед Донской иконой Божией Матери, было снято серебра весом 70 фунтов 92 золотника.

Наконец церковное имущество было собрано. П.Н. Зырянов писал, что Донской монастырь имел собственные конюшни и по-

тому вывозил свое имущество самостоятельно³⁶. Это неверно. С архиерейского подворья в Донской монастырь было прислано пять троек лошадей, а монастырских лошадей архимандрит Иоанн приказал оставить в монастыре, чтобы в случае крайней опасности вывезти на них оставшееся ризничное имущество. Видимо, и он до конца не верил, что Москва будет сдана французам. Архимандрит Иоанн вместе с другими настоятелями монастырей выехал из монастыря 31 августа вечером на пяти повозках, приехал в Кремль, и, соединившись с ризницами прочих монастырей, выехал из Москвы в Вологду, в Спасо-Прилуцкий Дмитриев монастырь. Штатные служители Донского монастыря, кроме одного, остались при своих семействах. Руководство обозом московских монастырей было поручено члену московской синодальной конторы настоятелю Заиконоспаского монастыря архимандриту Симеону (Крылову-Платонову). Описание путешествия архимандрита Иоанна в Вологду и возвращение в Москву содержится в воспоминаниях иеродиакона (тогда еще монаха) Германа, сопровождавшего настоятеля. В частности, он писал:

Заставу проехали на солнечном восходе, начали тут направляться по назначенному тракту, третью станцию ехали, видели от Москвы пламень исходящий. <...> При всем том погода была осенняя, дождь и холод, а штатных служителей с нами не было, то принуждены были препровождать и ночное время на повозках. С того времени начали чувствовать частые болезни. Приехали в Вологду октября 5-го числа, вот, с лишком месяц ехали от Москвы до Вологды. Проживали все несчастное время в Спасо-Прилуцком монастыре, а имущество нашего монастыря хранилось в соборном храме Преображения Господня, который тогда был обгорелой³⁷.

Монашествующим было разрешено покинуть свои монастыри. В Донском монастыре тогда было 28 человек братии: один архимандрит, десять иеромонахов, пять иеродиаконов, три монаха, два вдовых священника, семь послушников³⁸. Донские монахи, несмотря на опасность, не захотели покидать свою обитель. Только при входе французской армии в Москву шесть человек выпросили у наместника паспорта и до вторжения в монастырь удалились в другие губернии в монастыри или к родственникам. Среди них – иеромонах Анатолий, иеромонах Порфирий, иеродиакон Ювеналий, послушник Михаил Михайлов. В монастыре осталось восемнадцать человек.

Отъехав с ризницей, архимандрит Иоанн поручил монастырь наместнику иеромонаху Вассиану. На содержание братии он оста-

вил по 50 рублей, а прочую сумму (3500 рублей³⁹) взял с собой. На всякий случай, настоятель также оставил наместнику еще 1500 рублей. Иеромонах Вассиан спрятал эти деньги, впоследствии был больно бит, но не признался, где они находятся.

В своих воспоминаниях захват французами монастыря описали подробно и практически одинаково все монахи. Видимо, страшные события 2–4 сентября 1812 г. навсегда отпечатались в их памяти. Монахи думали, что все они будут лишены жизни, потому вхождение французов в монастырь, разорение храмов, келий, ризницы даже спустя пять лет они помнили довольно хорошо. Особенно подробно описали вступление французов в Москву иеромонах Иероним и иеродиакон Ефрем. Последний сохранил в памяти интересные эпизоды о посещении обители донскими казаками во время прохода российских войск через город. 2 сентября, когда французы входили в Москву, из числа казаков, замыкавших российское войско от неприятеля, двое заезжали в монастырь и просили дать им образ Донской Божией Матери, который они всегда носили с собой в военных походах, но недавно потеряли в одном из сражений. Братия Донской обители передала им Донскую икону⁴⁰.

Захват Донского монастыря происходил следующим образом. Сначала 2 сентября к воротам приходили различные партии французов, просили хлеба и вина, им подавали с подворотни, но в обитель их не пускали более суток. Донской монастырь имел достаточно высокие и толстые стены и мог выдержать даже осаду. Единственным уязвимым местом была деревянная калитка у монастырских ворот. Несмотря на отчаянные попытки штатных служителей и монахов заложить ее бревнами, кирпичом, французам все же удалось через нее проникнуть в монастырь. Неприятель вошел в обитель в ночь с 3 на 4 сентября. Монашествующие и миряне заперлись в Большом соборе и просидели там всю ночь. В это время французы грабили настоятельские и братские кельи, монастырские храмы. К утру они залезли на паперть Большого собора и стали стрелять в окошко. Видя опасность, наместник приказал отпереть центральные двери и одновременно открыть боковые, чтобы дать возможность народу спастись. Некоторое количество людей успело выйти, но французы, заметив это, перекрыли все выходы. Особенным мучениям подверглись наместник иеромонах Вассиан, будущий наместник иеромонах Иринея, монах Нифонт. Иеромонах Иринея вспоминал об этом: «Начали меня бить саблями и били долгое время, и руки мне изрубили, и всего штыками искололи, что весь сделался окровавлен. Бросили меня на кладбище едва жива»⁴¹.

Из воспоминаний иеромонаха Илариона:

...и вышел один и взял... за бороду и просил: «Дай рубль». А я ему сказал: «У меня нет». То он меня прикладом оруженным ударил в голову и прошиб до крови, и лежал без чувства на полу. Потом сняли с меня сапоги и рубаху, но я вдруг очуствовался и пошел на паперть к дверям: а у дверей их французской приставлен был караул, один меня и тут пикой по ноге ударил, а другой по руке. И снесли меня с паперти, и положили между каменьев, на голову наклали мне калу лошадиного⁴².

Французы пытали монахов, надеясь найти спрятанное в монастыре золото и серебро, выспрашивали о настоятеле, куда он поехал и что с собой увез. Братия вела себя мужественно, никто из монахов не открыл им правды. Всего в монастырь тогда вошло около 200 вооруженных французов. Они забрали украденное и уехали.

Примерно через неделю по вторжении французов в Москву в Донском монастыре расположилась часть полка второй конной гвардии, около семидесяти человек; у ворот, а также у Большого собора поставили караулы. В Донском монастыре поселились два капитана: один французский, другой – греческий. Французский капитан разместился в доме настоятеля, а греческий – в малых настоятельских покоях, или викторовых кельях⁴³. По братским кельям поселились рядовые, с некоторыми стояли лошади. Братия отмечала различия в поведении народов Великой армии. Греческий капитан был милостив к монахам, обещал защитить в случае притеснения и даже разрешал им готовить на своей кухне. Французский капитан заставлял монахов разыскивать продовольствие и работать на французов: таскать тяжести, ходить в город за продуктами, носить воду и чистить навоз: «Положение было самое трудное. В раздранных рубищах, изнуренные голодом, мучены были беспрестанной работой»⁴⁴. В воспоминаниях монашествующих сохранилось множество бытовых подробностей их взаимоотношений с неприятелями. Монахи оказывали некоторое сопротивление французам, по возможности вредили им. Иеромонах Ириней вспоминал:

А бойня у них была в монастыре: кололи коров и овец, а я рыл картофель и рубил на них капусту, и клал им навоза. Потом отняли у меня лопату железную, но я упорствовал с ними, но они меня палкой раз ударили и отняли у меня. Носил я воду на кухню, но также нередко и по кельям на них печки топил (Л. 9 об.).

Иеродиакон Андрей:

...и умножилось более тиранство и мучительства работы и грабежу, а мы проживали в башне. Питались более картофелем, и тот отняли, стали из монастыря вывозить, а нам пришлось есть нечего и ходить не в чем. Носил я самой худейший полшубочек, а рубашки никакой на себе не имел, обувался в лапти. Караул их стоял у обоих ворот, и ожидали ежеминутно смерти (Л. 15).

С большим сочувствием монахи описывали страдания друг друга, но в их описаниях действий французов не видно ненависти, сквозит скорбь и боль о разорении храмов, взятии Москвы, ее пожаре. Так монах Нифонт писал:

И пришел в соборную церковь посмотреть, что делается. И увидев образ чудотворныя Донския Богоматери, что она уже из места выставлена и риза снята, и стоит на полу. Также и протчими ругаются, ризы одирают с образов и попирают своими ногами, то я от ужаса не мог на сие более смотреть, заплакавши, пошел вон. Время приходит к ночи, и я пошел на башню, и, взглянув на царствующий град Москву, и она вся стоит в пламени. Тут еще более умножился источник слез, то я от ужаса не мог и смотреть и, помолившись Богу, лег отдохнуть (Л. 25).

В воспоминаниях иеродиакона Ефрема содержатся интересные подробности о поведении французов в обители, например про поиск ими клада: «Еще на днях по монастырю искали, нет ли зарытого имущества. Однажды в недавнем времени был похоронен покойник, думали, что тут имущество зарыто. Раскопали, однако, и обманулись они» (Л. 21 об.). Иеродиакон Ефрем описал и внешний вид замерзающих французов: «Случилось мне видеть еще француза, выежающа из монастыря верхом на лошади, одет был в женский салоп, а на голове кучерская шапка». Отца Ефрема удивляло знакомство французов с почитаемыми в России святыми, в частности со святителем Николаем Чудотворцем.

Братию шокировало производимое неприятелями святотатство. Они переплавляли оклады и серебряные позументы с риз в слитки, промывали серебро у колодца, особым кнутом снимали украшения с икон, стреляли в главу церкви Архангела Михаила. Монахи не желали прерывать литургическую жизнь монастыря во время нашествия, очистили одну церковь и хотели служить часы, но тут же пришли французы и разместились там на житье.

Французы, отличившиеся жестокостью при вступлении в монастырь, проживая там, не чинили никакой обиды больному иеродиакону Осии. Он вспоминал: «...а нас называли они капуцинами, а не монахами, но я по своей болезни почасту ходил к ним в кухню на печь и лежал, то они мне не делали никакой обиды, а более жалели и говаривали: “Руска, змея люта тебя держит”, а по-русски – лихорадка» (Л. 17 об.). Иеродиакон Осия сохранил в памяти, как одиннадцать монашествующих и князь Волконский прятались от неприятелей в арке в настоятельском саду напротив пруда. Но вскоре их обнаружили поляки, больно били и запретили прятаться. Монахи вспоминали: «Замечательно то, что ни за кем не гонялись, кто вырывался из их рук и скрывался, и после не мстили за побег» (Л. 2).

Иеромонах Иероним, иеродиакон Ефрем и монах Нифонт были очевидцами посещения Наполеоном Донского монастыря, что они описали с разной степенью подробности. Иеродиакон Ефрем: «В одно время видел я въезжал Наполеон в монастырь, с... генералами. Доехал до соборной церкви, посмотрел на оную и на монастырь. Вдруг, обратясь, поехал из монастыря. А гвардия его стояла за монастырем, ехавшей с ним от Данилова монастыря» (Л. 22 об.). Монах Нифонт: «Не помню, в которое число был сам Наполеон у нас в монастыре со своими начальниками и с гвардией и, доехав до паперти соборной церкви и посмотрев на монастырь, вскоре назад уехал» (Л. 25 об.). Иеромонах Иероним записал даже шутку неприятеля по поводу приезда Наполеона: «После спрашивал я гвардейца, который был из греков: “Какие чиновники были?”. Он сказал: “Сам Наполеон для того приезжал, хотел больше поставить конницы воды, мало для водопоя”» (Л. 8).

Братия покинула монастырь только после того, как переводчики сказали, что молодых насельников возьмут во французскую армию. Это особенно испугало монахов, так как они опасались, что их заставят воевать против России. Иеродиакон Ефрем вспоминал, как монахи, узнав об этом, пели на монастырской стене, где они жили, покаянный и скорбный 136-й псалом, написанный евреями во время вавилонского плена, после падения Иерусалима и разрушения Первого Храма. Монахи видели в своем положении аналогию с судьбой израильского народа и потому плакали. Уходу насельников из обители также предшествовали следующие обстоятельства. Иеродиакон Осия писал:

Французский начальник, ни на что не взирая, начал у нас требовать пиво, вино, мастеровых людей и девок: «Вы жители здешние, вы знаете все». Но мы ему отвечали: «Хоть мы и здешние, но у нас ни на-

питков, ни девок нет». А он нам сказал: «Ежели вы мне не приготовите к утру, то я с вами сделаю по-своему». Но мы, убоявшись, в ту же ночь вдруг человек по 10 во 2-м часу за полночь из монастыря ушли (Л. 18).

Иеродиакон Андрей:

И через переводчика своего [капитан] говорить начал самые страшные приказания: если вы не успеете в скором времени представить для меня девятерых человек, то до смерти, хотя не засеку, но здоровья вас лишу (Л. 15).

С 22 по 27 сентября монастырь покинули все монашествующие, кроме престарелых ризничего иеромонаха Илариона и свечника монаха Вениамина. Таким образом, они дождались и ухода французов, и возвращения братии.

Уйдя от французов, братия испытала необыкновенную радость. Иеродиакон Андрей писал: «И так вышли в Троицкую заставу и ударились от радости бежать и больше плутили, нежели дорогой шли» (Л. 16). Монахи пробирались в Троице-Сергиеву лавру, замерзали, не имея на себе достаточно одежды, в дороге «совершенно обголодали, питались прошением подаяния» (Л. 22). Придя в лавру, они стояли всеобщую, «пели Богу на клиросе» (Л. 16 об.). Другие монашествующие пережили тяжелые времена в Николо-Пешношском монастыре, ярославском Толгском монастыре, а некоторые – у родственников.

Узнав об оставлении французами Москвы, братия поспешили в свою разоренную обитель. В основном все вернулись в течение недели, очень немногие – через месяц. Наместник иеромонах Вассиан вернулся раньше всех, когда французы еще не вышли из Москвы. Он был пойман неприятелями, которые решили, что это казак, и снова сильно избит. Иеромонах Иларион и монах Вениамин, несмотря на свой преклонный возраст, прибежали и спасли его, уверив французов, что это их брат. Вассиан был одним из первых, кто принял на себя труд очищения храмов и территории, возобновления богослужений. Вторым вернулся в монастырь казначей иеромонах Иероним. Он вспоминал:

14 октября пришел в Донской монастырь, в коем был наместник, ризничий и монах, и некоторые служители после их. Вытащили из погреба упавшую лошадь, на коей и вывезли из монастыря двенадцать лошадей мертвых, да корову. В теплой церкви на престоле одежды и срачицы не было, и сено лежало, а вокруг престолов был кал лошадиной и коровий и навоз, также и по всей церкви, который нами был

очищен. Иконы частью расколоты и обгорелые валялись по монастырю, некоторые были истыканы, по примечанию, шомпиллом, даже глаза у Божией Матери запрестольной и Николая Чудотворца, а в Соборном алтаре был и человечесий кал (Л. 7–8 об.).

Монах Нифонт писал:

Пришел в монастырь свой, также ничего нет, всио разграблено, одни мертвые скоты и церкви полны навозу. Но только одна лошадь осталась живая в погребу, то мы ее вытащили и на ней из церквей навоз вытаскивали и вымели и потом начали служить часы (Л. 24–25 об.).

26 декабря 1812 г. в обитель вернулся настоятель архимандрит Иоанн с ризничным имуществом. Вскоре он рапортовал преосвященному Августину, епископу Дмитровскому, что из церковного имущества было вывезено в Вологду, а что подверглось расхищению. Серебряные, серебряные позолоченные, частично и медные посеребренные венцы с икон, иконостасов, а также оклады, ризы, все драгоценные украшения на них были полностью сняты неприятелями. Сами же иконостасы сохранились, лишь частично подвергшись повреждению. Французы украли и драгоценную ризу с храмового образа Донской Божией Матери; саму икону монахи подняли из кучи мусора перед солеей. Украшавшие восемнадцать богослужебных Евангелий разных форматов серебряные, финифтяные и медные оклады были сняты. Листы Евангелий были частично испорчены, частично выдраны. Дорогие закладки богослужебных Евангелий исчезли. Пропала церковная утварь и богослужебные облачения. Была утрачена медная, оловянная, фарфоровая, фаянсовая и хрустальная посуда, слесарные, кузнечные, столярные, плотницкие инструменты. Французам не хватало дров: во многих братских кельях они выломали полы, двери, рамы, перегородки, заборы вокруг келий у палисадников, вокруг монастырских садов и роц. В некоторых кельях были испорчены печи.

Преосвященный Августин запросил у настоятеля сведений, сколько денег требуется на исправление повреждений, ремонт, плату мастерам. Архимандрит Иоанн рапортовал:

...доношу, что в сем монастыре во время нашествия неприятельского и после никакие здания сожжены и разорены не были... но из келий некоторые починками уже исправлены, а в них монашествующие размещены жить без дальнего утеснения, и прочие повреж-

дения по времени починкой исправлены быть имеют монастырскими суммами наличными и впредь в монастырский приход поступить имеющими, и как ни в стенах, ни в кровлях никаких повреждений не встретилось, то и смету вышеописанным повреждениям, яко мало значущим, я чинить почел за безнужное. марта 18 дня 1813 г. (Л. 36–36 об.).

К сожалению, из рапорта архимандрита Иоанна в московскую синодальную контору также следовало, что «монастырский архив разбит, и дела разбросаны, а потому из них многих дел и документов и не отыскивается» (Л. 29).

Епископ Августин поинтересовался, все ли монашествующие вернулись в обитель и не нуждается ли кто из братии и монастырских служителей, пострадавших от нашествия, в денежном пособии. Архимандрит Иоанн с большим сочувствием и любовью рапортовал о братии, остававшейся в монастыре и много потерпевшей от французов, признав нужным выдать им и разоренным служителям денежное пособие.

Отказавшись от денежной помощи, монастырь восстанавливал все имеющиеся повреждения самостоятельно, при помощи частных вкладчиков и донских казаков, собравших от полков десять пудов серебра и 20 тысяч рублей. Из этого серебра были изготовлены драгоценные ризы на местный ряд иконостаса Большого собора, а денежные средства положили в московский Опекунский Совет. Проценты со вклада шли на украшение церквей обители⁴⁵.

В начале февраля 1813 г. были исправлены приделы великомученика Федора Стратилата и преподобного Сергия Радонежского; все было подготовлено к освящению. Вскоре были выданы новые антиминсы, и Малый собор был освящен 4 января. Придел Федора Стратилата освятили 18 февраля, преподобного Сергия – 2 марта, Большой собор – 10 августа, храм Архангела Михаила – 11 сентября⁴⁶. В 1815 г. князя Меншиковы возобновили Сретенскую церковь; она была освящена 20 мая 1815 г. Церковь Тихвинской иконы Богоматери освятили 24 июня. Разоренный храм свв. прав. Захарии и Елизаветы до революции так и не был восстановлен. По высочайшему указу в 1817 г. монашествующие и священники, «бывшие в сане священства» во время войны 1812 г., а также некоторые священники, рукоположенные после 1812 г., были награждены высочайше пожалованными крестами⁴⁷. Среди них – настоятель Донского монастыря архимандрит Евгений (Казанцев), бывший настоятель архимандрит Виктор (Прокопович-Антонский), архимандрит Гедеон, иеромонах Иларион, иеромонах Ириней, иеромонах Порфирий, иеромонах Ириней, иеромонах Филарет, священник Никита,

иеромонах Иероним, иеромонах Владимир, иеромонах Ипатий, иеромонах Мартиниан, иеромонах Анатолий.

Война 1812 г. является скорбной страницей в истории Донского монастыря. Монахи разделили со своей обителью поругание, подверглись истязаниям и лишениям. При этом они, как могли, защищали свои святыни, поддерживали друг друга. Вместе со всей Россией они скорбели о пожаре Москвы, разорении ее храмов. Глубокое уважение вызывает их христианская и гражданская позиция. Воспоминания монашествующих Донского монастыря о военном времени уникальны тем, что содержат довольно подробную информацию обо всех событиях истории Донской обители в 1812 г.: о вступлении французов в монастырь, его разграблении, постое в нем неприятельских войск и взаимоотношениях с ними, бегстве насельников из монастыря, их возвращении, очищении и восстановлении монастырских храмов. Довольно полно сохранившиеся документы архива Донского монастыря вводят в научный оборот ранее неизвестные материалы по истории Отечественной войны 1812 г., позволяют конкретизировать положение монастырей Московской епархии в этот период.

Примечания

- ¹ Например, довольно подробный указатель опубликованных источников об Отечественной войне 1812 г.: Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 год // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 577–676.
- ² *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. М., 1871. Ч. III. Кн. 2; *Он же.* Московские святыни в 1812 году. М., 1912.
- ³ *Забелин И.Е.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893.
- ⁴ *Дмитриев Н.В.* Донской монастырь. М., 1857.
- ⁵ *Дмитриев Д.С.* Исторический очерк Московского Богоявленского первоклассного монастыря. М., 1902. *Он же.* Московский Никитский девичий монастырь. Сергиев Посад, 1908. *Он же.* Вознесенская св. княгини Евфросинии обитель. Сергиев Посад, 1908.
- ⁶ *Токмаков И.Ф.* Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского девичьего монастыря. М., 1889. *Он же.* Московский Страстной девичий монастырь: Краткий историко-археологический очерк с рисунками. М., 1897.

- Он же.* Краткий исторический очерк Московского Ивановского девичьего монастыря. М., 1882. *Он же.* Краткий исторический очерк Московского Рождественского женского монастыря. М., 1881. *Он же.* Историческое и археологическое описание Московского Никитского девичьего монастыря. М., 1888.
- ⁷ *Снегирев И.М.* Знаменский монастырь и Палата бояр Романовых. М., 1860. *Он же.* Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице. М., 1864. *Он же.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1863. *Он же.* Покровский монастырь, что на убогих домах в Москве. М., 1863, 1872, 1877, 1883, 1899. *Он же.* Ивановский монастырь в Москве. М., 1862, 1864, 1877, 1883. *Он же.* Новодевичий монастырь в Москве. М., 1857.
- ⁸ *Тольчева Т.* Рассказы о 1812 годе. М., 1877; *Она же.* Рассказы старушки о 1812 годе. М., 1879; *Она же.* Рассказы очевидцев о 1812 годе. М., 1912.
- ⁹ *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX – нач. XX в. М., 2002.
- ¹⁰ *Мельникова Л.В.* Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.
- ¹¹ Путеводитель по Москве и указатель ея достопримечательностей / Сост. М.П. Захаровым. М., 1865. С. 193–196; Москва. Ея прошлое и настоящее / Сост. С.Х. Торопов. М., 1896. С. 113–114.
- ¹² Московские монастыри во время нашествия французов // Рус. арх. 1869. Кн. 2. № 8. С. 1392–1393; Там же. № 9. С. 1387–1388.
- ¹³ Описание, что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года // Там же. 1891. Кн. 3. № 10. С. 265–269.
- ¹⁴ О доставленных сведениях, о том, что происходило в монастырях московских по обстоятельствам 1812 г. // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. С. 35–48.
- ¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 5354.
- ¹⁷ Описание, что происходило...
- ¹⁸ См.: *Артюшенко М.В.* Воспоминания монахов Донского монастыря об Отечественной войне 1812 г. // Вестник церковной истории. М., 2015. № ¾ (39/40). С. 305–344.
- ¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 1–42.
- ²⁰ Там же. Д. 5355. Л. 36.
- ²¹ Там же. Д. 5351. Л. 40–42 об.
- ²² Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7734. Л. 14 об.–15.
- ²³ Разговор войскового атамана графа Платова с донским генерал-лейтенантом Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым (1) // Рус. Вестн. 1813. № 9. С. 51–61; Памятник благочестия Донского войска и графа М.И. Платова // Отечеств. зап. 1824. Ч. 17. С. 77–90.
- ²⁴ *Горчаков Н.Д.* Описание Донского монастыря. [б. м.], 1840. С. 19–20.
- ²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 1.
- ²⁶ Архимандрит Иоанн (Терликов) (1755–1814) был переведен из Симонова монастыря на место настоятеля Донского монастыря 26 февраля 1810 г. Управлял

Донским монастырем в 1810–1814 гг. При нем в 1812 г. было нашествие французов на Москву. В 1814 г. был переведен на место настоятеля в первоклассный Николаевский Киевский монастырь настоятелем, но, по его прошению, был уволен на покой, с пребыванием в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре; скончался на своей родине в г. Кашине в 1814 г. (Там же. Д. 7734. Л. 12 об.).

²⁷ Там же. Д. 5331. Л. 4.

²⁸ *Дубровин Н.Ф.* Указ соч. С. 116, 421–423.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 11.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же.

³² *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления. М., 1871. Ч. III. Кн. 2. С. 50–51.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 1.

³⁴ Русская старина. 1889. Т. 4. С. 718.

³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 31 об.

³⁶ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 59.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 58 об.

³⁸ Там же. Д. 5325. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 5331. Л. 24.

⁴⁰ Там же. Д. 7734. Л. 14 об.–15.

⁴¹ Там же. Д. 5354. Л. 5 об.

⁴² Там же. Л. 13–13 об.

⁴³ Викторovy кельи – кельи, построенные в начале XIX в. у северных ворот монастыря архимандритом Виктором (Прокопович-Антонский; 1749–1825). Архимандрит Виктор был настоятелем Донского монастыря в 1801–1809 гг. С 11 декабря 1809 г. проживал в Донском монастыре в построенных кельях на покое. Скончался 28 апреля 1825 г., погребен в трапезе Малого собора.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 1 об. (Далее ссылки на архив даются в тексте в скобках с указанием номера листа).

⁴⁵ Подробнее см.: *Артюшенко М.В.* «Во славу веры донцов». Московский Донской монастырь и казачество // Моск. журн. 2015. № 1 (289). Янв. С. 63–74.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Д. 5332. Л. 1–1 об.

Московский храм святителя Николая в Кленниках на Маросейке

В статье реконструируется история московского храма святителя Николая в Кленниках на улице Маросейке. Так как в разные века храм назывался по-разному, рассматриваются различные топонимы в связи с привязкой к месту. Дана характеристика служения в этом храме старца в миру святого праведного Алексия и его сына священномученика Сергия Мечёва. Прослеживается преемственность в пастырской деятельности настоятелей Николо-Кленниковской церкви, когда создавалась покаяльная маросейская семья-община.

Ключевые слова: Храм святителя Николая в Кленниках, Маросейская община, покаяльно-богослужебная семья, старец в миру Алексей Мечёв, священномученик Сергей Мечёв.

История Николо-Кленниковского храма, расположенного в самом центре Москвы (ул. Маросейка, 5), уходит своими корнями в далекое прошлое. Первое упоминание о церкви на этом месте относится еще к XV в.: в 1468 г. в память спасения города от пожара Великий князь всея Руси Иоанн III поставил здесь деревянный храм во имя преподобного Симеона Дивногорца. В 1657 г. к нему пристроили Никольский придел, по которому позднее храм и стал называться. В 1690 г. возвели Казанский придел. После сооружения новой колокольни (1749) завершилось формирование архитектурного облика всего ансамбля, несмотря на позднейшие переделки, сохранившегося до сих пор.

Говоря об истории храма, невозможно обойти вниманием и такой факт: в разное время он именовался по-разному. Так, в клировых ведомостях церковей Сретенского сорока за 1775 г. имеется следующая запись: «Церковь приходская во имя Николая Чудотворца,

что в Блинниках, каменная, в твердости, с одним приделом, утварью довольна». А вот опись Сретенского сорока за 1814 г. называет эту церковь уже «Никольской, что в Кленниках».

Подобное разночтение в названии одного и того же храма требует разъяснения, которое мы находим в «Московских церковных ведомостях» за 1901 г., где в нескольких номерах между священниками Г. Холмогоровым и Н. Романским развернулась целая полемика по поводу названия и датировки храма. Священник Г. Холмогоров пишет:

О первоначальном построении сей церкви клировые ведомости говорят так: «Построена означенная церковь 1657 г. неизвестно чьим иждивением, в 1748 г. сгорела, а в следующем построена вновь и освящена преосвященным Гавриилом, архиепископом Устюжским».

Из сохранившихся приходных окладных книг жилых данных церковей патр[иаршего] Казенного приказа видно, что «церковь Николая Чудотворца» – с 1628 по 1694 г., а с 1695 г. – «Казанския Пресв[ятыя] Богородицы», с разными названиями урочищ, а именно: «что на Покровке», «у решетки за Никольскими вороты», «в Блинниках», «в Клиниках», существовала уже в 1628 г., и нет сомнения, что существование ее ранее и позднее означенного года произошло не без изменений как внешнего, так и внутреннего устройства.

В строительных книгах 1657 г. и в клировых ведомостях 1785 г. она именуется церковью Николая чуд[отворца], а в именной переписи 1722–1726 гг. – Казанскою Пресв[ятыя] Богородицы, и во всех случаях значится «каменной».

Из нижеписанного документа мы полагаем, что первоначальное существование сей церкви в том виде, как она до сих пор существует, относится к 1701 г. В частных приходных пошлинных книгах патр[иаршего] Казен[ного] приказа 1701 г. написано: «Августа 24 числа выдан антиминос в новопостроенную церковь святителя Николая чудотв[орца] в Клиниках, взял поп Исидор Никитин». Название урочища «в Клиниках» встречается только в этом документе, «поп» же «Исидор Никитин», упоминаемый неоднократно в книгах патр[иаршего] Казен[ного] приказа как священник означенной церкви, подтверждает, что сей документ относится именно к этой Николаевской церкви «в Блинниках». И откуда, с какого времени причт означенной церкви стал писать в (своих) клировых ведомостях с урочищем «в Кленниках», нигде в старинных документах не упоминается. <...>

Изменение редакции в приход[ских] оклад[ных] книгах патр[иаршего] Каз[енного] приказа вместо «Николая чуд[отворца]»

«Казанския Пресв[ятыя] Богородицы», в Блинниках, произошло не без причины, и 1698 г., близкий к 1701 показывает, что церковь была построена во имя Пресв[ятыя] Богородицы Казанския, – но был ли освящен храм ранее 1701 года, об этом мы сказать ничего не можем; выданный же в 1701 г. антиминс указывает, что церковь была готова к освящению именно в 1701 г. И текущий 1901 г. есть год 200-летнего юбилея церкви¹.

Священник Н. Романский возражает:

В истор[ических] изв[естиях] о всех церквах стол[ичного] гор[ода] Москвы 1796 г. (стр. 104 и 106), а также в географ[ическом] слов[аре] Максим[ова] и Щекотова 1801 г. (ч. 1, стр. 673) согласно с клировыми ведомостями сказано, что церковь «Казанския Пресв[ятыя] Богородицы, что на Покровке, в Клиниках, по сгорании в 1748 г., в следующем потом году вновь построена и освящена Гавриилом, архиепископом Устюжским». О возобновлении сей церкви в 1748 г. упоминают гг. Мартынов и Снегирев (Москва, подр[обное] истор[ическое] и археол[огическое] опис[ание] гор[ода]. Т. 1, стр. 65). Об этом же свидетельствует хранящийся в николаевской, в Кленниках, церкви и св[ятой] крест – серебряный с св[ятыми] мощами. На сем кресте имеется след[ующая] надпись: «Сей крест дан в погорелую церковь Николая Чудотворца, в Блинниках, от регистратора Алексея Иванова, 1748 г.» Есть известие, что на стене сей церкви была следующая надпись: «Сия святая церковь покрыта железом в 1740 г., а в 1748 г. выгорела вся и возобновлена подаванием христоролюбивых людей и освящена в 1749 г. июня 17 дня преосвящ[енным] Гавриилом, арх[иепископом] Устюжским». Из этих свидетельств несомненно явствует, что Николаевская, в Кленниках, церковь после 1701 г. была вновь построена и освящена в 1749 г.; конечно, был выдан в новопостроенную церковь и св[ятой] антиминс.

Таким образом, если отыскивать юбилейную дату Николаевской, в Кленниках, церкви в том виде, как она существует ныне, то следует остановить внимание не на 1701 г., но на 1749 г.

<...> На Маросейке росли клены, тогда урочище там церкви св. Николая было «в Кленниках», с устройением в Москве уличных решеток «на Покровке у решетки», с водворением клинников, делавших шпажные клинки, – «в Клиниках», с заведением близ церкви блинных – «в Блинниках», «в Блинной».

При этом замечательно, что с перестановкою или изменением букв от времени урочищные названия приняли совсем другое наименование: от сего обратились Кленники – в Блинники (Москва.

Подр[обное] истор[ическое] и арх[еологическое] опис[ание] города; изд[атель] А. Мартынов. Текст составлен Снегиревым. 1865. Т. 1, предис[ловие] XXIII и стр. 6–10).

Таким образом, самое древнее урочище церкви св[ятого] Николы было «в Кленниках», почему и клировые ведомости с конца 18 века совершенно правильно именуя церковь сию «в Кленниках»².

* * *

Любопытные соображения и выводы содержатся в статье рассмотревшего ту же тему современного исследователя В.А. Киприна:

Топоним «в Клиниках» появился не ранее 1701 года. До революции в различных церковных документах и деловой переписке он присутствует часто. В XVIII–XIX веках встречается также написание «в Клённиках». Оно обусловлено тогдашней неустойчивостью правила употребления букв «и» и «е» – к примеру: «Володимер» и «Владимир», «Дмитрей и Димитрий». Два «н» остались от первоначального «в Клиниках». Между тем многие краеведы и журналисты сфантазировали, что на месте церкви когда-то существовала кленовая роща.

А вот почему в «Клиниках»? Не от слова ли «клин»?

Церковь находится, повторим, на нечетной (левой) стороне Маросейки (Покровки). Покровка с ее продолжениями в черте Камер-Коллежского вала приводила к царской усадьбе Покровское-Рубцово, к мосту через Язу, а далее через Измайлово на Стромьинскую дорогу. С другой стороны старая дорога Стромьинка в Москве пролегла по современному Щелковскому шоссе, Большой Черкизовской улице, улицам Стромьинке, Русаковской, Краснопрудной, Комсомольской площади, Орликову переулку, Мясницкой улице, Большому Златоустинскому и Лучникову переулкам к Ильинским воротам Китай-города. Получается, что построенная в начале 1610-х годов Казанская церковь с Никольским приделом располагалась между двух древних дорог в черте Белого города – как бы в клине³.

В целом жизнь небольшого и весьма скромного по убранству храма протекала тихо и размеренно. Из событий XIX в. отметим следующие.

В 1810 г., как указывал в своей книге «Боратынский. Истинная повесть» известный филолог, историк литературы А.М. Песков, здесь отпевали отца будущего поэта Е.А. Боратынского, о чем вдова извещала через газеты: «Александра Федоровна Боратынская с душевным прискорбием объявляет о кончине супруга своего Абрама Андреевича, последовавшей сего марта 24 числа в 8 часов пополу-

ночи. Вынос тела и отпевание будет в приходской церкви Николая Чудотворца, что в Кленниках, марта 26-го, в 9-м часу»⁴.

Еще одно событие стало важным в истории Николо-Клёниковской церкви:

14 марта 1870 года в первый раз торжественно совершено в Николаевской, что в Кленниках, церкви празднование Феодоровской иконе Божией Матери, пожертвованной в 1869 году ноября 23 числа в храм святителя Христова Николая московскою почетною гражданскою Анною Васильевой Левиной, с испрошением у Его Высокопреосвященства дозволения священно-церковнослужителям означенного храма совершать празднование ей 14 числа марта ежегодно⁵.

Отныне с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери многое будет связано в истории храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Во время своего настоятельства здесь протоиерей Алексий Мечёв установит правило еженедельно служить пред этим образом молебен – правило, которое исполняется и в наши дни. Однажды накануне октябрьского переворота 1917 г. потрясенные богомольцы увидят, как из глаз Богородицы катятся слезы...

Заметим, однако, что другой список Феодоровской иконы Божией Матери находился в храме задолго до описанного выше торжества, т. е. на Маросейке и раньше молились перед этим образом. Вот фрагмент «Описи имуществу церковному Николо-Кленниковской церкви» 1840 г.:

Взди сей придельной церкви (имеется в виду Никольский придел. – А. Г.) между окон стоит большая икона Божией Матери Утоление Печали. <...> Против сей иконы над аркою вверху находится икона Феодоровския Божией Матери, на ней оклад медный высеребранный, а венец серебряный в 92 золотника 84-й пробы⁶.

Из того же документа следует, что почитание при старце Алексии и священномученике Сергии Мечёвых преподобного Феодосия Тотемского имело на Маросейке давнюю традицию:

У левого клироса (Никольского придела. – А. Г.) образ преподобного Феодосия Тотемского. На нем поля, оплечья и венец серебряные вызолоченные весом в 77 золотников 84-й пробы. При сем образе в особом месте хранится часть святых мощей сего преподобного Феодосия и часть Честныя Ризы Господа нашего Иисуса Христа в серебряном сверху вызолоченном ковчежце, в коем весу 61 золотник. Вклад г-жи Екатерины Матвеевны Копт 1820 года.

Кстати, опись проясняет до сих пор дискутируемый вопрос: пострадал ли храм во время оккупации Москвы наполеоновской армией. Пункт 27 документа гласит:

У левого клироса большая икона святителя Николая Чудотворца; на ней оклад и венец серебряный, последний и позлащен, и простыми синими и зелеными крупными камнями украшен. Над митрою крест из простых разноцветных камней. <...> На окладе сей иконы внизу высечена надпись, которую смотри на сем же листе... на обороте...⁷

Смотрим указанное примечание:

Надпись, высеченная на серебряном окладе иконы святителя Николая Чудотворца: «Молитвами изображенного на сей иконе святого чудотворца Николая сия серебряная риза, бывшая на сей иконе во время пребывания французов в Москве, не токмо сохранилась в совершенной целости от их хищничества, но и вся церковная утварь также осталась неприкосновенною в то самое время, когда все прочие святые храмы московские были ими совершенно ограблены». Сия надпись сделана при священнике сей церкви Георгии Львове, с 1809 года по 5 генваря 1830 года служившем при оной⁸.

Отсюда следует, что в 1812 г. грабители Николо-Кленниковский храм не тронули, а также то, что и пламя московского пожара его не коснулось (ибо в сгоревшем храме вряд ли пришлось бы констатировать «совершенную целость» ризы «от хищничества»).

* * *

Особую известность Маросейский храм приобрел в первые десятилетия минувшего века, когда его настоятелем был (с 1893 г.) старец Московский протоиерей Алексей Мечёв (1859–1923). Именно при нем еще в дореволюционный период начала складываться, а при его сыне, священномученике протоиерее Сергии Мечёве (1892–1942; служил на Маросейке в 1919–1923 гг.), окончательно оформилась Маросейской община, ставшая значительным явлением православной жизни Москвы.

Монахиня Иулиания (Соколова) отмечает:

...отец Алексей создал удивительную духовную общину в миру, действительно возродившую, как он и хотел, дух древней Апостольской Церкви. Отец Алексей и его община, впоследствии возглавленная его сыном, отцом Сергием Мечёвым, привлекли и объединили многих

замечательных людей – священников и мирян. Эта община одна из немногих выдержала времена самых страшных гонений и воспитала новое поколение ревностных служителей Церкви и благочестивых церковных людей, воспринявших дух подлинной, благодатной христианской жизни, которой научал отец Алексий⁹.

По словам очевидца, после революции, «в этот период общего гнева и раздражения отраднo было посещать тесный, скромный, но дышащий благодатной обстановкой храм святителя Николая на Маросейке, слушать службу и безыскусные проповеди отца Алексия, шедшие из глубины его души. Внимая постоянно горячему призыву батюшки к деятельной любви, кротости, прощению обид и замечая настойчивое указание на то, что спасение возможно при всякой обстановке, совершенно забывалось все грубо материалистическое, совершавшееся за стенами храма... а глядя на лицо отца Алексия, излучавшее неуловимый тихий свет радости, каждый ощущал подъем духа. <...> “Дух уныния”, с которым обыкновенно приходили в то время в храм молящиеся, бесследно исчезал здесь»¹⁰. Все больше людей устремлялось на Маросейку к старцу Алексию. Так умножалась и духовно крепла община Маросейского храма.

Опираясь на многочисленные свидетельства, мы можем с уверенностью утверждать: поистине беспримерная жизнеспособность Маросейской общины изначально была предопределена тем, что создал и окормлял ее не просто священник, но именно старец в миру, по духу равный оптинским подвижникам. Епископ Арсений (Жадановский) свидетельствует:

Отец Алексий перенес Оптину в Москву, заключил ее в свою многолюбивую душу и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни: смирение, радость, милость и дар даров – любовь¹¹.

Священник Павел Флоренский:

Маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте¹².

В 1919 г. Патриарх Тихон благословил создание маросейского братства – чисто духовного (без официальной регистрации) объединения верующих вокруг старца Алексия Мечёва. Этим, в сущности, оказалось лишь констатировано существование задолго до того уже созданной «в духе» Маросейской общины.

Принявший после кончины старца Алексия храм и общину отец Сергей Мечёв продолжил дело родителя, параллельно формулируя ранее остававшуюся во многом еще не вербализованной, лишь «духовно постигаемой» суть того, что являла собой Маросейская община. По воспоминаниям, «Отец Алексей часто говорил, что его задача – устроить [на Маросейке] “мирской монастырь”»¹³. Этому следовал и отец Сергей, однако определение «монастырь в миру» (думается, не в последнюю очередь из-за возможности его неадекватных толкований) он заменил взятым из церковной практики Московской Руси гораздо более простым, однозначным понятием «покаяльная семья», внося сюда принципиальное уточнение: «Мы не только покаяльная, но и богослужбная семья. <...> Именно богослужбная»¹⁴, поскольку богослужение стояло на Маросейке во главе угла, обнимая собой и заключая в себе всю жизнь общины.

Протоиерея Сергея Мечёва арестовали 29 октября 1929 г. Начались скитания по тюрьмам, лагерям и ссылкам. Но он и там не терял связи со своими духовными детьми. И одной из его неотступнейших забот было сохранение и духовное возрастание Маросейской общины. В посланиях отца Сергея к пастве учение о «покаяльно-богослужбной семье» получает окончательное «словесное оформление»:

Мы не только покаяльная, но и богослужбная семья, я не только отец ваш, но и предстоятель церкви вашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся... Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего – все переплелось, все составило новый организм соборно совершающей служение духовной семьи. <...>

Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужбная семья? <...> Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдем и туда, к Богу. <...>

Дети мои! Ведь и наша семья от Господа! <...> Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце! <...> Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью. <...> *«Любите семью, служите ей», – так учил нас Батюшка»*¹⁵.

И Маросейская община именно потому, что представляла собой не просто приход, а «соборно совершающую богослужение духовную семью», «редчайшую полноту, почти не встречающуюся», в отличие от многих других общин и братств, не сгнула в своей сокровенной сущности ни с отъятием пастыря, ни с закрытием храма.

После закрытия храма святителя Николая в Клённиках в 1932 г. маросейцы «являлись членами различных приходов, участвовали в их жизни, пели на клиросе и вместе с тем имели тесную связь друг с другом и никогда не теряли молитвенной связи с отцом Алексием и отцом Сергием»¹⁶, сумев в самые тяжкие времена сохранить и передать потомкам «дух Маросейки», который живет и сегодня. Как сообщает справочник «Православная Москва» (1999), «Маросейская община, бывшая в 1910–1920-х годах одной из самых крепких в Москве, возродилась, лишь только храм был возвращен Церкви».

Примечания

- ¹ *Холмогоров Г., свящ.* Юбилейные церкви // Моск. церков. ведомости. 1901. № 20. С. 259–261.
- ² *Романовский Н., свящ.* Заметка к статье «Юбилейные церкви» // Там же. № 27. С. 326–328.
- ³ *Киприн В.А.* На Покровке, в Блинниках, в Клиниках, в Клённиках // Моск. журн. История государства Российского. 2014. № 9. С. 50–57.
- ⁴ *Песков А.М.* Боратынский. Истинная повесть. М., 1990.
- ⁵ Торжество в Николаевской, что Кленниках, церкви // Моск. епархиальн. ведомости. 1870. № 11. С. 6–7.
- ⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 624. Д. 49.
- ⁷ Опись имуществу церковному за 1840 г. Архив храма свт. Николая в Кленниках. Там же.
- ⁹ *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание московского старца отца Алексия Мечева. М.: Ред. журн. «Московский журнал. История государства Российского», 2011.
- ¹⁰ *Дурьлин С.Н.* Памяти отца Алексия. [Электронный ресурс] URL: www.klenniki.ru (дата обращения: 30.08.2016).
- ¹¹ *Арсений (Жадановский), еп. Серпуховской.* Воспоминания о замечательных московских протоиереях: О. Алексей Мечёв // Православный путь. 1987. С. 69–76.
- ¹² *Флоренский П., свящ.* Рассуждения на случай кончины о. Алексея Мечёва // Флоренский П. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 597.
- ¹³ *Иулиания (Соколова), мон.* Указ. соч.
- ¹⁴ «Вы – мой путь ко Христу». Проповеди, письма к общине, воспоминания чад священномученика Сергия Мечева / Сост. А.Ф. Грушина. М.: Правосл. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2009. С. 28.
- ¹⁵ «Друг друга тяготы носите...»: Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва: В 2 кн. Кн. 2: Беседы, проповеди, письма / Сост. А.Ф. Грушина. М.: Правосл. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2012. С. 441–459.
- ¹⁶ *Грубе А.А.* «Сын мой будет выше меня» // Моск. журн. 2005. № 8. С. 45.

Православные центры бывшего села Преображенского (Москва) как объекты культурного наследия

В статье рассматривается история православных центров бывшего села (ныне района Москвы) Преображенского и его ближайших окрестностей: Преображенского старообрядческого кладбища, Никольского единоверческого мужского монастыря и синодальных храмов Спаса Преображения и соседнего Введенского в Черкизове. Каждый из этих духовных и культурно-исторических центров имел свое особенное лицо, отличался в функциональном и архитектурном плане. Эти центры рассматриваются во взаимодействии, комплексно, а также как уникальные культурные явления, развивавшиеся на одной исторической территории. В статье речь идет об истории появления, особенностях повседневной жизни и деятельности и о дальнейшей судьбе этих православных центров.

Ключевые слова: старообрядчество, единоверие, православие (синодальное), Преображенское кладбище, Преображенский богаделенный дом, Никольский единоверческий мужской монастырь, храм Спаса Преображения, храм Введения Пресвятой Богородицы в Черкизове.

«Ни одна местность Москвы, кроме самого Кремля, не имеет такого значения в новой истории нашей, как село Преображенское...», – такими словами начинается первая, еще дореволюционная, монография о Преображенском П.В. Синицына¹, и с этим нельзя не согласиться. Действительно, Преображенское является уникальной исторической территорией, богатой неординарными историческими событиями и культурными традициями, оно занимает особое место в истории России и Москвы. На разных этапах своего социокультурного развития Преображенское претерпевало изменения территориальных границ, духовного уклада, некоторых функциональных особенностей и культурной среды, в связи

с изменениями характера местности варьировался и социальный аспект. Преображенское теряло и приобретало объекты культурного наследия. Можно смело утверждать, что каждая историческая эпоха оставила свой след в истории этого современного московского района. Безусловно, большое влияние на бывшее село оказала деятельность царей Алексея Михайловича (1645–1676) и Петра I (1682–1725), а также одного из создателей Федосеевской старообрядческой общины, купца и благотворителя Ильи Алексеевича Ковылина (1731–1809)².

Остановимся более подробно на этапах формирования и развития Преображенского и превращения его из подмосковного села в современный муниципальный район Восточного административного округа Москвы. Исторически район сформировался на землях бывшего села Преображенского³. История Преображенского в значительной степени зависела от политических аспектов отечественной истории, особенностей развития городского хозяйства. Уникальность Преображенского, его социокультурный потенциал были заложены еще в конце XVII–XVIII в.

Своим возвышением и известностью Преображенское в первую очередь обязано царю Алексею Михайловичу, с именем которого связано строительство и обустройство здесь царской вотчины. К сожалению, о деревянных царских хоробах того времени, которые располагались на правом берегу р. Яузы, сохранились немногочисленные сведения. Например, курляндский путешественник Яков Рейтенфельс, поставивший Преображенское в один ряд с Коломенским и Измайловым, отозвался о дворце так: «Величавое и живописное летнее местопребывание» (1670-е годы)⁴, а личный врач царя Самуэль Коллинс писал своему другу в Лондон:

Ежегодно под исход мая царь отправляется за 3 мили от Москвы в увеселительный дворец, который называется Преображенским, потому что он посвящен Преображению (Спаса) на горе; у царя есть три великолепные палатки. Собственная его палатка сделана из золотой материи и украшена соболями; царицына (палатка) из серебряной материи и украшена горностаями; палатки князей соответствуют их степеням. Палатки царя, царицы, одиннадцати (его) детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид у них так величествен, что я не видывал ничего подобного в этом роде⁵.

Кстати, в этой записке впервые упоминается церковь Спаса Преображения, тогда представлявшая собой церковную палатку. С 1666 г. окончательно складывается царская резиденция на Яузе.

Преображенское становится излюбленным местом царской охоты, благо для этой потехи здесь существовали все условия⁶.

Времена Алексея Михайловича в Преображенском связывают и с появлением здесь первого в России театра. На берегу Яузы у дворца существовало театральное здание, а при нем – первая профессиональная придворная труппа.

Существенные изменения произошли в Преображенском при Петре I. Значительная часть строительных работ здесь была связана уже с потешным военным хозяйством, а не с хоромами, что повлияло на состав населения дворцового села: плотников, ремесленников и людей, обслуживавших царское хозяйство, сменили офицеры, капралы, сержанты и рядовые. Постепенно Преображенское из села с царскими охотничьими забавами и придворным театром превратилось в Потешную, а затем в Солдатскую слободу⁷. Именно здесь Петром были заложены основы регулярной армии, и здесь появились первые гвардейские полки. В Преображенском существовали такие мануфактуры, как Хамовный двор, канатный завод, работали корабельная верфь и пильная мельница. Село было неразрывно связано и с историей русского флота, неслучайно именно здесь на воды Яузы спустили знаменитого «дедушку русского флота» (ботик). В это же время за частью территории села закрепилось название Матросской слободы. Сегодня о ней напоминает ул. Матросская тишина, долгое время именовавшаяся Матросской.

После смерти Петра наступил новый этап в жизни Преображенского, которое постепенно утратило свой военный уклад. Новые правители не проявляли интереса к Преображенскому. В то время как Анна Иоанновна построила в соседнем Лефортове летний Анненгоф, Преображенское переживало упадок.

Есть сведения о населении Преображенского в XVIII в. С 1714 г. район из солдатского превратился в купеческо-ремесленный. В 1730 г. из 486 дворов яузского предместья около половины принадлежало разночинцам. В 1749 г. была составлена новая опись, обозначившая в Преображенском около 400 дворов. Владельцами около трети дворов были «матросы», за приехавшими из разных уголков Москвы и Подмосковья купцами и крестьянами оставалось порядка четверти всех домов слободы. В 1766 г. была сделана перепись всех ремесленников в Преображенском, их оказалось 382 человека, среди которых преобладали крестьяне. Они занимались производством шерстяных и шелковых изделий. Также встречались и позументчики, крашенинники. Перепись Москвы конца XVIII в. выделяет среди обитателей яузского предместья множество «экономических крестьян»⁸.

XVIII век стал важным периодом в истории района. В первой половине столетия Преображенское входит в состав городских территорий Москвы. В 1768 г. строится каменный полковой храм Спаса Преображения, ставший важнейшим православным духовным центром села.

Во второй половине XVIII в. Преображенское вновь изменило свой характер, став крупнейшим старообрядческим районом Москвы, всероссийским центром старообрядцев-беспоповцев. Это было связано с основанием здесь в 1771 г. купцом второй гильдии И.А. Ковылиным Преображенского кладбища. В конце XVIII – начале XIX в. здесь возникает и развивается старообрядческий монастырский по своей сути комплекс, сохранившийся до наших дней. Вновь меняется социальная составляющая: о военных теперь напоминает немного, большую часть поселения составляли дворы купцов и зажиточных крестьян, переселившихся в Москву.

Вторая половина XIX в. связана в Преображенском с борьбой старообрядчества и единоверия, когда в сердце федосеевской общины, на бывшей ее мужской половине, появился враждебный старообрядчеству Никольский мужской единоверческий монастырь. Опыт устройства подобных обителей уже был – в 1862 г. неподалеку от Рогожского кладбища (еще одного крупнейшего центра старообрядчества в Москве) возник Всехсвятский женский единоверческий монастырь.

С конца XIX в. Преображенское преобразилось: появилось много красивых зданий, купеческих особняков и многоэтажных доходных домов. Территория оставалась промышленной окраиной, где располагались текстильные фабрики Гучковых, Котовых, Носовых, а также различные предприятия Алексеевых, Борисовских, Берманов и др.

К сожалению, сегодня мало что напоминает о Преображенском Алексея Михайловича и Петра. Однако кое-что еще можно отыскать. Сохранились отчасти культурный ландшафт, историческая топонимия⁹, ряд архитектурных памятников и ансамблей, немногочисленная жилая застройка конца XVIII – начала XX в. И сегодня украшают Преображенское Крестовоздвиженский храм, храм святого Николая Чудотворца, готическая часовня на Преображенском кладбище, колокольня («Преображенская свеча») бывшего Никольского единоверческого монастыря. Но в сравнении с прочими территориями бывших царских подмосковных резиденций XVII – начала XVIII в. Преображенское в наибольшей степени утратило свою историко-культурную среду и памятники (объекты наследия). К тому же сохранившиеся здесь памятники ни в какой

мере не затронуты музейфикацией в отличие, например, от Измайловского или Коломенского.

Однако Преображенское уникально тем, что является духовно-культурным и православным центром, сосредоточившим на своей территории три разных направления в православии: старообрядчество и близкие по своей природе единоверие и православие (синодальное). Специфика их состоит в том, что они все существовали самостоятельно и были локализованы в виде отдельных храмов, монастырей, молелен.

Остановимся более подробно на истории появления, особенностях повседневной жизни и на дальнейшей судьбе этих православных центров. Надо сказать, что каждый из них отличался неповторимостью в духовном, историческом, функциональном и архитектурном плане – каждый имел свое особенное лицо.

Преображенское кладбище появилось в 1771 г., когда в Москве свирепствовала чума. Его основанию немало способствовала личность Ильи Алексеевича Ковылина, оброчного крестьянина князя А.Б.Голицына, купца второй гильдии, владельца лавки и кирпичного завода за Семеновской заставой¹⁰. Земли под Преображенское кладбище были выделены за Камер-Коллежским валом из прежних владений села Черкизова. С юга кладбище граничило с Хапиловским прудом, вырытым в 1710 г., а с севера – со Стромьинской дорогой. Постепенно из членов старообрядческой федосеевской общины образовался поселок. Настоятелем общины был избран И.А. Ковылин. Со временем территория общины и ее состав увеличивались, деревянные постройки сменялись каменными. В 1784 г. появилась Успенская соборная часовня (самая старая постройка на территории Преображенской общины была незначительно перестроена в 1854–1857 гг.), а в 1798 г. – больничный корпус. Позднее, в 1804–1805 гг. (по другой версии, в 1783–1785 гг.), соорудили Никольскую часовню готической архитектуры на самом кладбище, а уже в 1811 г. появилась Крестовоздвиженская часовня, внешне имеющая вид полного храма, но без алтаря. В начале XIX в. владение Общины разделили на две части – Мужской (южный) и Женский (северный) дворы. На женской и мужской половинах был введен строгий монастырский устав, фактически здесь существовали два монастыря. Стрoения обоих находятся на Преображенском валу. Слева (№ 17) бывший женский монастырь (Богаделенный дом), а справа (№ 25) – мужской. Их разделяет дорога, которая ведет на кладбище. В целом архитектурный ансамбль кладбища складывался 27 лет, с 1784 по 1811 г.

Интенсивное каменное строительство федосеевцев свидетельствовало о богатстве общины, которая одновременно была и крупнейшим богаделенным центром Москвы. Известно, что в 1790-х годах в приютах на территории Преображенского кладбища насчитывалось до 500 человек, а прихожан – до 3000¹¹. К 1825 г. численность прихожан достигла уже 12 000, а призываемых – 2000¹². Своему расцвету Преображенское общежитие было во многом обязано тому же И.А.Ковылину.

Несмотря на быстрый рост и благоустройство, положение Преображенского кладбища было непростым, поскольку в течение почти 40 лет оно существовало как частная собственность И.А. Ковылина. Впоследствии было решено узаконить существование Преображенского кладбища с его заведениями как богаделенного дома. В 1809 г. был даже выработан его Устав¹³.

К началу Отечественной войны 1812 г. Преображенское кладбище, которое с 1809 г. официально именовалось Преображенским богаделенным домом, представляло собой громадное заведение, где соседствовали и духовный центр с 10 старообрядческими моленными, при которых были устроены и богадельни с сотнями призываемых, и детский приют, в котором жили и обучались многие сироты. На территории кладбища проживало более 1500 человек¹⁴, тогда как в самой Москве насчитывалось до 10 тысяч¹⁵ прихожан-федосеевцев. Кроме этого, в детской палате помещалось до 200¹⁶ малолетних детей. Настоятелем тогда был уже московский купец Григорий Степанович Гончаров.

Во время Отечественной войны 1812 г. все ценности Преображенского кладбища были эвакуированы в село Иваново Владимирской губернии. Во время «великого» московского пожара в сентябре 1812 г. строения Преображенского, к счастью, не пострадали.

В 1820 г. кладбище подверглось ревизии, спустя несколько лет права богаделенного дома были во многом урезаны. А в 1853 г. Преображенский богаделенный дом передали в ведение Императорского Человеколюбивого общества, что означало потерю самостоятельности кладбища. Тогда же были снесены многие деревянные постройки. В это же время начинается постепенное вытеснение общины единоверцами (о чем будет сказано ниже).

В период с ноября 1868 по январь 1872 г. Императорским Человеколюбивым обществом был разработан проект инструкции об управлении Преображенским богаделенным домом. В ЦГА Москвы в фонде Московской духовной консистории хранится отдельное дело, посвященное этому вопросу¹⁷.

Преображенское кладбище всегда являлось очагом преображенского старообрядчества. Община была самостоятельным живым организмом со своими учебными, просветительскими, медицинскими и благотворительными учреждениями, а также с различным производством. Известно, например, старообрядческое медное литье. На территории частных домовладений в Лефортовской части и на ул. Девятая Рота, т. е. в непосредственной близости от Преображенского кладбища, располагались медные заведения, отливавшие иконы, кресты и складни для старопоморцев всей России. Производство было налажено очень быстро благодаря финансовой поддержке влиятельного попечителя федосеевской общины Ф.А. Гучкова¹⁸.

Внешняя жизнь старообрядцев была почти незаметна. Довольно богатые внутри молельни снаружи нельзя было украсить ни крестом, ни иконой. Кроме того, старообрядцы не имели права обладать общественным имуществом, строить храмы, соединяться в общины, проводить собрания, заниматься издательским делом.

Гонения на старообрядцев в конце правления императора Николая I привели к появлению в Преображенском единоверческого духовного центра. В марте 1854 г. власти отобрали у беспоповцев их первую и главную Успенскую соборную часовню и передали ее единоверцам. Федосеевцев изгнали и из второй часовни Мужского двора – Крестовоздвиженской надвратной. В ней в декабре 1854 г. была устроена единоверческая церковь. Более полутора тысяч древних икон, собранных старообрядцами, также достались единоверцам. Мужская половина федосеевской общины была переведена на территорию Женского двора.

В ноябре 1865 г. советом Императорского Человеколюбивого общества была одобрена просьба митрополита Филарета (Дроздова) устроить на Мужском дворе Преображенского богаделенного дома мужскую единоверческую обитель. Поводом к организации такого монастыря послужил переход в единоверие в 1865 г. нескольких видных членов Белокриницкой иерархии: трех епископов (Онуфрия, Пафнутия, Сергия), иеромонаха Иоасафа, архидиакона Филарета и двух иеродиаконов¹⁹.

17 декабря 1865 г. все призываемые старообрядцы были переведены на Женский двор, также из мужской молельни туда перенесли иконы и иконостас, не успели только перевезти имущество и продовольствие²⁰.

С открытием в 1866 г. на территории Мужского двора Никольского единоверческого монастыря, главной целью которого стала миссионерская деятельность против старообрядчества, у старооб-

рядческой общины наступили еще более тяжелые времена. Интересные и довольно подробные сведения об открытии монастыря можно найти в исторической записке игумена Филарета (Захаровича)²¹.

13 марта 1866 г. находящиеся на бывшем Мужском дворе жилые и нежилые здания, церкви и земля внутри ограды двора были переданы из ведомства Императорского Человеколюбивого общества единоверцам²², т. е. по сути и Синодальной церкви.

По инициативе митрополита Филарета и с Высочайшего разрешения 16 мая 1866 г. на месте мужского старообрядческого отделения было совершено торжественное открытие единоверческого монастыря, который по просьбе московских единоверцев и с разрешения царя был назван Никольским в память скончавшегося в 1865 г. наследника царского престола Николая Александровича (в 1856 г. он посетил единоверческую церковь в Преображенском, а затем прислал туда образ святителя Николая)²³.

Первым настоятелем новой московской единоверческой обители стал известный и в старообрядчестве, и в единоверии Павел Прусский, в миру Петр Иванович Леднев (1821–1895). Об этом человеке следует сказать несколько слов. Он родился в старообрядческой федосеевской семье города Сызрани. Павел Прусский был наставником федосеевской общины до 1867 г., настоятелем Войновского старообрядческого монастыря в Восточной Пруссии, который он увеличил, построив несколько новых зданий, основал библиотеку. Однако в начале 1868 г. он присоединился к единоверию и стал известным миссионером и борцом против старообрядчества. Павел Прусский сумел сблизиться с митрополитом Филаретом (Дроздовым) и завоевать его доверие. С 25 февраля 1868 г. он жил в Никольском единоверческом монастыре. С этого времени все свои немалые знания и большую энергию он посвятил проповеди единоверия. С 1880 г. был возведен в сан архимандрита.

При обустройстве Никольского монастыря под настоятельский корпус был выделен небольшой каменный флигель с северной стороны Успенского храма, в котором до открытия обители жил государственный чиновник – смотритель Преображенского богадельного дома. До него же в этом доме находилась старообрядческая контора – своеобразный центр федосеевцев, где решались важнейшие вопросы российского беспоповства: здесь избирали и утверждали духовных отцов и направляли их по всей России.

Братские кельи для монахов были устроены в каменном двухэтажном корпусе на восточной стороне Успенского храма, в котором до открытия монастыря находилась беспоповская моленная

бывших приверженцев Белокриницкой иерархии, принявших в 1865 г. единоверие.

В 1860–1870-х годах московские старообрядцы все еще были под надзором государственных властей. При закрытии моленных у старообрядцев изымали не только иконы, книги, но и предметы медного литья. Кстати, одна из ярких страниц старообрядческого меднолитейного производства была связана именно с Преображенским, конкретно с ул. Девятая Рота, где и располагались мастерские²⁴. В ЦГА Москвы есть дела, касающиеся конфискации медного литья в Преображенском богаделенном доме в 1860-х годах.²⁵ В частности, в деле за 1863 г. есть сведения о 152 предметах медного литья, среди которых 30 крестов, 12 трехстворчатых складней и 110 икон²⁶. В 1870-е годы значительно увеличился объем меднолитой продукции, кроме того, расширился ассортимент, постоянно совершенствовалось декоративное оформление произведений. Таким образом, сформировался особый тип медной продукции, известный как «преображенское литье», отличающееся повышенной декоративностью, яркой цветовой гаммой эмалей, золочением²⁷.

В конце 1870-х годов в монастыре у западного входа в Успенский храм появилась высокая стройная колокольня, сооруженная в готическом стиле по проекту архитектора Ф.И. Горностаева. Значительную часть средств на ее постройку дали известные благотворители А.И. Хлудов и И.В. Носов. Первый по завещанию передал в Никольский единоверческий монастырь замечательное личное собрание рукописных и старопечатных книг²⁸.

Храмы Никольского единоверческого монастыря славились древними образами, оставшимися здесь еще со времени старообрядческого Мужского двора. Все иконы в монастыре относились к XIV–XVII вв.

1 июля 1877 г. в Никольском единоверческом монастыре была открыта больница для больных и раненых воинов – участников русско-турецкой войны²⁹.

В Никольском монастыре были погребены игумен Павел Прусский (похоронен у алтаря собора), известный борец со старообрядчеством профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин (1827–1905). Он с 1870 г. занимал кафедру истории и обличения русского раскола в Московской духовной академии, был одним из инициаторов, бессменным секретарем, а в последние годы и председателем противораскольнического Братства св. Петра митрополита. В 1875 г. Братством было предпринято издание первого миссионерско-противораскольнического журнала «Братское Слово». Субботин был не только редактором, но за все время существования

журнала и самым активным сотрудником. К сожалению, надгробные памятники Павлу Прусскому и Н.И. Субботину не сохранились.

В 1887 и 1891 гг. в монастыре состоялись два общероссийских миссионерских съезда, в которых участвовали делегаты практически из всех губерний России³⁰.

Известно, что в 1907 г. в монастыре жили 22 монаха, 41 послушник и игумен³¹, а к 1917 г. монастырь имел два храма с тремя престолами³².

Таким образом, за полвека своего существования единоверие в Преображенском укрепилось настолько, что к началу XX в. представляло собой самый большой в Московской епархии духовный единоверческий центр с богатейшей библиотекой, миссионерскими кадрами, нацеленными на борьбу со старообрядцами. В Никольском монастыре регулярно проходили собеседования со старообрядцами.

16 мая 1916 г. в Никольском монастыре торжественно праздновали 50-летнюю годовщину со дня его основания. В журнале «Братское слово» есть интересное описание этого празднования, в котором приняли участие протоиереи: Соколов (настоятель соседней Петропавловской церкви в Преображенском), Быстрицкий (секретарь Совета Братства св. Петра митрополита), священник А.М. Пятикрестовский (сын бывшего диакона) приходской церкви при монастыре. Среди присутствующих были единоверцы, православные, старообрядцы (представители интеллигенции и видного купечества, миссионерствующая братия)³³.

Единоверческую обитель закрыли в первые послереволюционные годы. Братские кельи 1801 г. в 1920-е годы заняла советская трудовая школа³⁴.

Известно, что искусственно созданное единоверие возникло и активно поддерживалось и государством и Синодальной церковью. После 1917 г. единоверие, потеряв поддержку светских и духовных властей, сошло на нет. Постепенно исчез и единоверческий центр в Преображенском. Любопытно то, что в довоенное время в стены древней Успенской моленной вновь вернулось старообрядчество! В 1930 г. власти города закрыли храм Воскресения Христова и Покрова Пресвятой Богородицы второй Московской общины старообрядцев поморского согласия, а его общине предоставили единоверческий Успенский храм в Преображенском. Таким образом, Преображенское обогатилось еще одним духовным центром самостоятельного старообрядческого согласия.

Что касается старообрядцев, то в 1905–1906 гг. в их судьбе произошли коренные изменения. Вскоре после дарования им свобод

и разрешения образовывать общины, 16 ноября 1906 г., на общем собрании федосеевцы заявили о создании своей общины, а в 1907 г. ее зарегистрировали как «Московскую общину христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия»³⁵. Этот период (1906–1918) можно назвать расцветом Преображенской общины. В это время появляются ее важнейшие социальные учреждения: училища, богадельни, типография и больница за пределами общинной территории. 17 октября 1909 г. была организована школа для мальчиков и девочек в одноэтажном деревянном доме (не сохранился) рядом с современным домом № 16 по ул. Девятая Рота.

Большое место в деятельности общины занимала и благотворительность. На средства, оставленные по завещанию М.П. Сергеева, производились бесплатные погребения неимущих, строились молитвенные дома. Кроме того, на деньги общины осуществлялось бесплатное лечение окрестного населения.

С 1907 по 1917 г. председателем совета общины был почетный потомственный гражданин мануфактур-советник Григорий Клементьевич Горбунов. В 1908–1909 гг. им была открыта старообрядческая типография, где с 1909 г. Преображенская община издавала в виде брошюр ежегодные отчеты о своей деятельности. Была здесь и своя иконописная мастерская (сегодня по адресу Преображенский вал, 25/1 располагается ее в некотором смысле преемница – иконописная мастерская «Александрия»). А владения Г.К. Горбунова и сегодня еще сохраняются на ул. Девятая Рота (д. 16).

Незадолго до Первой мировой войны, а именно в 1912 г., рядом со входом на женскую половину архитектором Л.Н. Кекушевым было сооружено кирпичное трехэтажное здание старообрядческой больницы (ул. Преображенский вал, 19). С 1929 г. здесь располагался противотуберкулезный диспансер, недавно выехавший.

В 1917 г. старообрядцы Преображенского кладбища вступили с большими надеждами. Преображенский богаделенный дом и окружавшие его старообрядческие благотворительные и учебно-просветительные учреждения стали играть все большую роль в социокультурной жизни восточных окраин Москвы.

Но вопреки ожиданиям, после революции 1917 г. в жизни Общины наступили очень тяжелые, беспокойные и трагические времена³⁶. В 1917–1918 гг. Преображенский богаделенный дом, как социально-жилищное заведение, богадельня, был закрыт. Со стороны властей оказывалось всяческое давление на Общину, у нее отбирали имущество, а помещения передавались светским учреждениям. Община боролась как могла, временами даже успешно.

Но постепенно была прекращена деятельность многочисленных старообрядческих обществ и учреждений, лишенных прав юридических лиц. Из-за специфики старообрядчества (моленные располагались в одном корпусе с богадельнями) его моленные и храмы пострадали более, чем церковные здания, принадлежащие другим религиозным конфессиям. Это коснулось и исторических беспоповских моленных на Преображенском кладбище. Печатные заведения прекратили свою деятельность. С осени 1918 г. властями была начата экспроприация имущества старообрядцев³⁷. Беспоповцы одни из первых ощутили на себе влияние антирелигиозной политики. Очень негативно на старообрядческом центре сказалось размещение различных светских учреждений на его территории, что пагубно отражалось на состоянии зданий и помещений. Во многом пострадало Преображенское кладбище и его памятники. Этот период можно назвать закатом в истории духовной жизни Преображенского кладбища. Лишь Крестовоздвиженский соборный храм, наполненный иконами из закрытых молелен, никогда не закрывался и оставался у федосеевцев той ниточкой, которая связывала прихожан с богатой и драматичной историей крупнейшей в России общины беспоповцев-федосеевцев.

В начале 1930-х годов территория бывшего Женского двора была уже заселена новыми жителями, в основной массе далекими от православия и мешавшими деятельности двух оставшихся незакрытыми моленных – теплой Успенской и соборной Крестовоздвиженской. В 1934 г. Успенскую моленную закрыли и приспособили под детский сад. Тогда же был арестован и наставник федосеевской общины.

После войны несколько десятилетий при кладбищенской Никольской часовне существовала небольшая группа филипповского согласия старообрядцев-беспоповцев. Таким образом, в Преображенском в одном месте существовало три самостоятельных старообрядческих течения (согласия) беспоповцев-старопоморцев-федосеевцев, поморцев и филипповцев.

Еще одним духовным и благотворительным центром Преображенского являлся храм Спаса Преображения³⁸, который собственнo и дал имя селу. Эта святыня принадлежала иной конфессии – синодальной Русской православной церкви. Первое упоминание о храме в документах относится еще ко второй половине XVII в. На сегодняшний день, к сожалению, информация о Преображенском храме не столь богата. В литературе мы встретим в основном лишь однообразные и неоригинальные сведения. Поэтому здесь большим подспорьем для исследователя являются документы, хранящиеся в московских архивах.

По опубликованным материалам, в том числе из упоминавшейся уже записки царского врача Самуэля Коллинса, мы узнаем о полотноной церкви Спаса Преображения, стоявшей в центре усадьбы и давшей название всей, тогда еще небольшой резиденции. Эту скромную палатку и можно считать первым православным храмом в местности, на которой позже возникло с. Преображенское.

Историограф Преображенского П.В. Синицын считал, что церковь была построена в 1660 г. около «деревушки Хапиловки, а лет через десять царь Алексей Михайлович построил уже на самом своем дворе другую – во имя Воскресения Христова»³⁹. Есть сведения, что в 1669 г. Алексей Михайлович на праздник Ильи Пророка присутствовал на божественной литургии в храме Преображения Христова в с. Преображенском⁴⁰. Современный исследователь Преображенского А.В. Бугров, опираясь на данные расходной записи 1692 г., хранящейся в РГАДА, указывает, что храм стоял у Конюшенного двора⁴¹, т. е. где-то в районе нынешней Потешной улицы.

В XVIII в. Преображенский храм упоминается как храм Преображенского гвардейского полка. Деревянная полковая церковь в солдатской Преображенской слободе упоминается в 1722–1727 гг. В 1741 г. она «за ветхостью» была «сломана и покладена в костры»⁴².

В 1746 г. сержант Преображенского полка Иван Елисеевич Третьяков приобрел в соседней Семеновской слободе деревянный сруб и перевез его в Преображенское, чтобы устроить полковую церковь⁴³. Осветили ее в 1747 г. во имя свв. апостолов Петра и Павла в честь императора-преобразователя⁴⁴. Важно отметить, что в 1750 г. местные священники Петр Фадеев и Леонтий Васильев освятили при церкви престол во имя Спаса Преображения, впоследствии этот престол стал основным⁴⁵.

Но довольно быстро деревянное здание обветшало, и жители Преображенского решили возвести здесь каменную церковь. В мае 1765 г. было выбрано место для нового храма – рядом со старой деревянной церковью. В январе следующего года была выдана «храмозданная грамота»⁴⁶. Каменный Преображенский храм был поставлен в 1768 г. на средства прихожан и достраивался в последующее время, его строительство было завершено только в 1781 г., когда к нему пристроили колокольню и придел свв. Петра и Павла⁴⁷.

Таким образом, храм в своей истории трижды менялся: был палаточным, деревянным и каменным. В композиционном плане Преображенский храм представлял собой традиционную для русских храмов XVIII–XIX вв. «церковь-корабль» (храм, трапезная и

колокольня расположены на одной оси). Колокольня и трапезная были отделаны в классическом стиле, однако некоторые элементы декора, формы завершений храма и колокольни, компоновка архитектурных объемов говорили о влиянии традиций стиля барокко. На небольшом кладбище рядом с храмом сохранялись захоронения офицеров и солдат Преображенского гвардейского полка.

Иконостас, большинство икон и утварь в храме относились к XVII–XIX вв. Среди икон выделялся образ Знамения Пресвятой Богородицы, написанный в Новгороде в 1715 г. и, по преданию, подаренный церкви самим Петром I⁴⁸. В оформлении некоторых частей интерьера храма в 1860 г. принимал участие известный архитектор М.Д. Быковский, по его рисунку в 1856 г. был выполнен один из киотов⁴⁹.

В начале XIX в. доход Преображенской церкви был скудным. Главный храм на зимнее время закрывался, и служба происходила только в приделе свв. Петра и Павла. Православных прихожан в этот период в старообрядческом Преображенском было мало.

Изменилась ситуация в отношении жизни и устройства храма во второй трети XIX в., и связано это было со стараниями местного купца и фабриканта М.Ф. Котова, избранного церковным старостой (в течение 50 лет представители фамилии Котовых становились старостами храма⁵⁰). С этого момента храм начал благоустраиваться.

Напомним, что история храма в Преображенском была тесно связана с лейб-гвардии Преображенским полком. Известно, что 6 августа 1856 г. полк пожертвовал в церковь храмовую икону Преображения Господня⁵¹, а 19 октября 1886 г., когда происходило освящение приделов митрополитом Московским и Коломенским Иоанникием, Преображенский полк подарил храму икону св. благоверного князя Александра Невского, работы Ф.А. Соколова⁵².

Со второй половины 1880-х годов происходят изменения в жизни храма. Постепенно возросло число прихожан, Преображенская церковь могла вмещать до 1500 человек⁵³. Известно, что в приходе было два городских училища – мужское и женское⁵⁴, а в архивных документах есть сведения о том, что с 1889 г. при храме существовало двухклассное мужское церковно-приходское училище⁵⁵. Кстати, при Преображенском городском женском начальном училище работала и библиотека, учрежденная на средства К.И. Тихомирова в память старшей учительницы этого училища Анны Михайловны Кадомской⁵⁶.

2 октября 1889 г. состоялось открытие церковно-приходской школы по инициативе настоятеля Преображенского храма. Жела-

ние обучаться в ней изъявили более 60 человек, но решено было принять только 60 (38 мальчиков и 22 девочки). Важно отметить, что среди учеников были дети и из соседних сел Черкизова и Богородского. Наем помещений для школы, приобретение классных принадлежностей, покупка учебников производились на средства попечителя школы купца Михаила Ивановича Шишелова⁵⁷.

Еще одним интересным фактом было основание по распоряжению московского митрополита Владимира (Богоявленского) при церковно-приходской школе мужских миссионерских курсов. Они открылись 14 июня 1909 г. «с целью дать людям, не получившим специального образования в духовно-учебных заведениях и по преимуществу рабочим, краткие сведения из церковной истории и по истории русского сектантства и социализма...»⁵⁸. Курсы функционировали только в летние месяцы (с 14 июня по 31 июля), занятия происходили по вечерам (с 19 до 22 ч.) по средам, пятницам и воскресеньям. На них обучалось около 70 курсистов. Известны имена лекторов: по церковной истории – свящ. С. Соколов и А. Пятикрестовский, по истории и обличению социализма – миссионер И.Г. Айвазов, по истории сектантства – свящ. С. Орлов, по обличению сектантских лжеучений – помощник миссионера Н. Варжанский, благочинный В. Недумов⁵⁹.

17 октября 1910 г. были открыты и женские курсы. Под руководством И.Г. Айвазова А.М. Пятикрестовский читал историю церкви, С.В. Калиновский вел сектоведение, И.Н. Смирнов – обличение сект. Численность слушателей доходила уже до 300 человек⁶⁰. Есть сведения о том, что перед курсистами выступал известный московский проповедник и общественный деятель протоиерей Иоанн Восторгов (1864–1918), ныне причисленный к лику святых.

Таким образом, можно говорить о миссионерской деятельности храма, в первую очередь направленной на борьбу со старообрядчеством. И здесь отчасти можно провести параллель с задачами единоверцев соседнего Никольского монастыря. Открытие мужских и женских курсов превращали Преображенский храм в известный церковно-образовательный центр окраин Москвы. Кстати, об общности целей в этом смысле свидетельствуют и церковные мероприятия, проводившиеся совместно с единоверцами. Так, 16 августа 1910 г. в соседнем с. Черкизове из храма Ильи Пророка в день ежегодно отмечаемого (с 1892 г.) чудесного избавления от холеры был совершен крестный ход «в преднесении хоругвей и досточтимых святынь... из храмов Ильинского, Единоверческого монастыря и свв. Петра и Павла в Преображенском многочисленным духовенством при большом стечении молящихся...»⁶¹.

Говоря о Преображенском храме, следует вспомнить еще и домовую церковь во имя святителя Алексия митрополита в Ольгинском детском приюте (Преображенская ул., 5–7), которая во многом была с ним связана. О приюте мало что известно, да и здания его не сохранились, однако общее представление по интересующему нас вопросу мы все же можем получить.

Приют был основан в 1844 г. и назван в честь великой княжны Ольги Николаевны. Изначально он располагался в Хамовнической части, а уже потом обосновался в собственном доме у Язузы в Преображенском. К началу XX в. в нем содержалось 70 мальчиков, которые обучались в трех общих классах и четвертом, где преподавались черчение и рисование. Его выпускники могли поступать в техническое или по механическому делу училище, принадлежавшее Совету детских приютов⁶².

В 1910–1911 гг. к приютскому зданию с западной стороны пристроили церковь святителя Алексия в честь рождения наследника престола цесаревича Алексея Николаевича. С западной стороны к ней примыкала довольно обширная зала. Освящение храма состоялось 28 сентября 1911 г. Он был сооружен на средства благотворителей, имел двухъярусный иконостас. Ко дню освящения благотворителями были пожертвованы ценная утварь и облачения, исполненные А.В. Голосовым. Освящение и литургию совершал преосвященный Анастасий, епископ Серпуховской, с местным благочинным отцом Недумовым и прочим духовенством⁶³. Богослужения в новом храме совершались по воскресным и праздничным дням. Его сразу же приписали к церкви Преображения.

Храм Алексия митрополита закрыли в 1918–1919 гг. по решению местного Благуше-Лефортовского совета рабочих и красноармейских депутатов. Все предметы религиозного культа были переданы в соседний Преображенский храм, а в бывшем помещении церкви расположился детский приют «Улей»⁶⁴. Сохранилась опись церковного имущества домово́й церкви при детском доме за 1919 г.⁶⁵ Среди богослужебных предметов была и икона св. Алексия митрополита⁶⁶. В 1930-е годы церковь вместе с приютом сломали, а на их месте теперь находится жилой семиэтажный дом⁶⁷.

Храм Спаса Преображения в Преображенском избежал закрытия в тяжелые 1920–1930-е годы. С 1922 г. Преображенская церковь была в руках православных обновленцев-реформаторов, что спасло его от вероятного закрытия в довоенный период. Известно, что к концу 1920-х годов приход Преображенского храма объединял верующих сразу нескольких приходов закрытых к этому времени церквей, в том числе Никольской единоверческой церкви. В пер-

вой половине 1930-х годов храм, помимо своего, обслуживал еще три прихода⁶⁸.

Вновь заметную роль в жизни Москвы этот храм стал играть, когда здесь в послевоенное время (до 1960 г.) служил выдающийся деятель Русской православной церкви митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич, 1891–1961). В Преображенском храме находилась его кафедра. Проповеди митрополита пользовались необычайной популярностью и собирали множество верующих⁶⁹.

К сожалению, участь многих православных храмов все-таки настигла и Преображенский. В четыре часа утра 18 июля 1964 г. храм взорвали. Уцелел его иконостас, который и сегодня украшает церковь архангела Гавриила (Меншикову башню), а икона «Преображения Господня» находится в храме Воскресения Христова в Сокольниках.

Таким образом, Преображенское потеряло памятник, игравший важнейшую как духовную, так и культурно-историческую роль. В храм приходили верующие не только из близлежащих домов, но и из других районов. В послевоенный период Преображенская церковь оставалась одной из немногих действующих в Москве и благодаря митрополиту Николаю – самой авторитетной у верующих в восточной части города. Исключительно значение Преображенской церкви и в истории церковных воинских памятников. Кроме того, храм был градостроительным центром Преображенской солдатской слободы и села в последующее время.

К счастью, сегодня Преображенский храм вновь восстановлен на сохранившемся фундаменте, и, как и в прежние времена, его строительство (начато в 2009 г.) проходило за счет частных пожертвований. Как пишет председатель Приходского совета храма Преображения известный исследователь Преображенского И.К. Русакомский, несколько десятилетий посвятивший изучению Преображенского и восстановлению его храма, «старушки приносили по 1 или 5 тысяч рублей»⁷⁰. 8 мая 2015 г. состоялось торжественное освящение храма патриархом Кириллом. Под храмом решено было устроить музей, который еще предстоит наполнить экспонатами (сейчас там находится лишь исторический фундамент Преображенской церкви). Перед храмом разбили сквер, главным украшением которого стал памятник воинам Преображенского полка. По просьбе попечительского совета храма Российское военно-историческое общество изготовило восемь точных копий знамен, относящихся к периоду с 1700 по 1883 г., и передало их в дар церкви. Теперь они встали в один ряд с современным знаменем Преображенского полка в главном приделе храма, слева от алтаря⁷¹.

На наш взгляд, вполне уместно упомянуть еще один духовный центр Преображенского, малоизвестный храм Введения Пресвятой Богородицы⁷², который находился на границе сел Преображенского и Черкизова и имел прямое отношение к духовной жизни Преображенского в начале XX в., поскольку был призван обслуживать прихожан из разросшихся приходов не только Черкизова, но и Преображенского. Храм просуществовал лишь 21 год, но оставил важный след в церковной жизни района.

Несмотря на то что в начале XX в. в Преображенском существовал храм Спаса Преображения, а в Черкизово – церковь Ильи Пророка XVII в., которая тоже была связана с Преображенским храмом из-за увеличения прихода, жители Черкизова решили построить второй православный храм в селе – Введенскую церковь.

Краткая хроника сооружения Введенского храма была помещена в «Московских церковных ведомостях»⁷³. Под постройку был отведен участок в Аптекарском пер. (ныне Зельев пер.) в центре села.

По свидетельству тех же «Московских церковных ведомостей», «только благодаря сочувственному отношению к этому храмоздательству Высокопреосвященнейшего митрополита Макария, коему 28 мая с. г. (1913 г. – К. С.) при посещении впервые Черкизова, причт и церковный староста высказали свою просьбу о построении храма, вопрос сей благоприятно закончился для черкизовских обывателей».

Строительство шло медленно, освятили храм уже в советскую эпоху – в 1918 г. – случай почти беспрецедентный!

Архитектура храма в духе предпочтений начала XX в. была выдержана в русском стиле: архивные документы содержат некоторые важные сведения о внутреннем убранстве Введенской церкви. Большой каменный объем храма был светел и вместителен (рассчитан на 2 тыс. человек). Стены его не были расписаны, но украшением интерьера стал трехъярусный ореховый иконостас⁷⁴. В храме было помещено от 200 до 300 икон, среди церковной утвари – металлические хоругви, деревянные кресты, пелены, сосуды, купели, лампы, кувшины, подсвечники, облачения, воздухи и проч.⁷⁵

По воспоминаниям старожилов, храм внешне напоминал церковь Воскресения Христова в Сокольниках (кстати, именно в этот храм предположительно попала часть утвари Введенского храма после уничтожения последнего). В народе его иногда называли Введением «на платочках», поскольку основные пожертвования на строительство были сделаны местными ткачами⁷⁶.

В начале 1920-х годов к храму была пристроена деревянная колокольня⁷⁷. К 1924 г. строительство было завершено⁷⁸. По другим же свидетельствам, церковь была не достроена еще в 1928 г.: в 1925 г. в ней проводились различные работы, а в 1928 г. над церковным зданием еще не было купола⁷⁹, и в храме проводились штукатурные работы. Тогда же было устроено паровое отопление. Чуть раньше прежнюю ограду сменила новая массивная⁸⁰, было проведено электрическое освещение, затем здание оборудовали железобетонными перекрытиями и заменили деревянные конструкции железными балками.

В архивных материалах можно встретить сведения о жизни прихода храма Введения, о составе и числе учредителей «Введенского общества верующих в Черкизове», списки членов Церковно-приходского совета, исполнительного и ревизионного органов общины верующих. Изначально в списке учредителей общества был 61 человек⁸¹. Известно, что к 1925 г. община состояла из 102 человек, в 1927 г. – уже из 698 человек. Уполномоченными Введенского общества являлись председатель церковноприходского совета, казначей, секретарь, член совета, кандидат в члены совета, член ревизионной комиссии (всего 15 человек)⁸². Приход храма был большим, в 1928 г. его численность составляла 5930 человек⁸³.

К сожалению, жизнь храма оказалась недолгой, его снесли в 1934 г. по традиционной схеме второй половины 1920–1930-х годов закрытия и уничтожения московских храмов. В 1928 г. Бауманский райсовет предложил переоборудовать церковное здание под клуб черкизовских кустарей⁸⁴. Однако от общины поступило большое количество протестов, в том числе заявление о том, что в «Известиях» за № 204 от 2 сентября 1928 г. напечатана статья «Среди кустарей Текстильщиков», в которой даны неверные сведения о храме. В ней говорилось о трех храмах (хотя в Черкизове было только две церкви). Члены общины делали упор на то, что храм был достроен после революции на средства трудового православного населения, с 1921 г. в нем проводятся богослужения, приход храма составляет более 6 тыс. человек. Вдобавок ко всему храм Ильи Пророка обслуживает дер. Колошино и Штатную горку и не вмещает даже своих прихожан. Тогда еще протесты верующих смогли решить ситуацию в пользу храма.

В июне 1929 г., когда вопрос о закрытии храма снова всплыл на поверхность в связи с предложением передать церковь Введения под столовую, храм вновь не закрыли, поскольку со стороны общины (в этот момент она насчитывала 6014 человек⁸⁵) опять поступили решительные протесты. Более того, адмотдел Мосгубисполкома

разрешил группе верующих при Введенском храме устройство общего собрания в помещении храма 26 декабря 1929 г.⁸⁶ Очередное ходатайство о закрытии церкви в целях использования здания уже под кинотеатр поступило в 1933 г. Чиновники писали, что «особых препятствий для закрытия храма нет, а группа верующих может перейти при желании в соседнюю церковь Петра и Павла в Преображенском»⁸⁷. Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период приход храма был весьма значительным – 7086 человек, храм же в Преображенском вмещал, как говорилось выше, не более 1500 человек, к тому же к храму уже было приписано несколько соседних приходов, в том числе приход бывшей Никольской единоверческой церкви в Преображенском⁸⁸. И вновь община заняла активную позицию и попыталась отстоять свой храм. Но на этот раз, несмотря на просьбы и ходатайства, а также на то, что фактически храм был отстроен совсем недавно, решение о его закрытии было бесповоротным. В 1934 г. церковь разрушили, а уже через два года (в 1936 г.) на ее месте построили типовое четырехэтажное школьное здание (бывшая общеобразовательная школа № 379).

В 1992 г. диаконом Николаем Ненароковым было проведено исследование школьного участка и обнаружено, что во дворе школы сохранился пандус высотой около 75 см, под которым располагается подвал глубиной до семи метров со сводами, характерными для церковных построек конца XIX – начала XX в.⁸⁹ В 1989 г. школу закрыли, сейчас в ее здании располагается полк милиции по охране объектов муниципальной собственности (ул. Хромова, 7/1), в связи с чем доступ на территорию и осмотр здания затруднен.

К сожалению, память о Введенском храме в районе стерлась, а в его истории до сих пор есть существенные пробелы, например, мы не знаем доподлинно имени архитектора (возможно, им был Д. Виноградов – его именем подписан проект), не можем с точностью представить, как выглядел храм, так как практически не сохранилось никаких изображений и фотографий⁹⁰, не знаем точной даты закрытия и сноса. А ведь наряду с центрами старообрядчества и единоверия православный Введенский храм, также как и Преображенский, составляли уникальную историко-культурную и социокультурную среду района и должны рассматриваться как объекты его культурного наследия.

Вообще к памятникам Преображенского необходимо привлечь внимание историков, специалистов, требуются путеводители по району, брошюры с описанием памятников, вполне возможно организовать музей в одной из Палат Мужского или Женского двора или в одной из сохранившихся дореволюционных жилых построек

района (например, во владении Горбунова на ул. Девятая Рота) и разработать тематические экскурсии, посвященные истории Преображенского и его духовных православных центров⁹¹. Кстати, в свое время выдвигались и обсуждались идеи подобного музейного комплекса на территории Преображенского⁹², но до сих пор эта проблема не решена.

Автор надеется, что проведенное исследование поможет обогатить знания об уникальной исторической территории Преображенского, где некогда соседствовали значимые не только для истории района, но и в целом для Москвы и России православные центры: моленные, часовни, храмы, монастырь, благотворительные и образовательные учреждения. Ведь сейчас на небольшой по площади территории района мирно сосуществуют храмы и моленные Московской Патриархии, старообрядцев разных согласий, федосеевцев и поморцев.

Примечания

- ¹ *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места, их прошлое. М., 1997. С. 7. (1-е изд. 1895 г.).
- ² Московская энциклопедия. Лица Москвы. Т. 1. Кн. 2. М., 2008. С. 201.
- ³ Подробнее об этом см.: *Смирнова К.А.* Преображенское (Московский уезд, Москва) в XVII–XX вв.: К вопросу об исторических и административных границах // Региональная история. Краеведение. Московведение: Сб. материалов VII–X Всерос. науч.-практ. студенч.-аспирант. конф. / Отв. ред. В.Ф. Козлов; Сост. А.Г. Смирнова. Вып. 2. М., 2013. С. 125–126.
- ⁴ *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме III о Московии // Иностранцы о Древней Москве (Москва XV–XVII веков): Очерки / Сост. М.М. Сухман. М., 1991. С. 351.
- ⁵ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Там же. С. 331.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Смирнова К.А.* Преображенское (Московский уезд, Москва)... С. 126–127.
- ⁷ Подробнее об этом см.: Там же. С. 127–128; *Смирнова К.А.* Преображенское: История этого района Москвы в названиях улиц и переулков // Моск. журн. 2013. № 12. С. 74–76.
- ⁸ *Бугров А.В.* Преображенское и окрестности: Очерки истории. М., 2004. С. 41–42.
- ⁹ Подробнее см.: *Смирнова К.А.* Преображенское: История этого района... С. 74–86.
- ¹⁰ Подробнее об истории старообрядческой общины Преображенского см.: *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святыни. М., 2011.

- 11 *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 201.
- 12 Там же. С. 221.
- 13 Подробнее см.: ЦГА г. Москвы. Ф. 157. Оп. 1. Д. 49. «Устав Преображенского богадельного дома в г. Москве».
- 14 *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 207.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 341. Д. 5.
- 18 Там же.
- 19 *Синицын П.В.* Никольский единоверческий монастырь, что в Преображенском. М., 1896. С. 8; *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков: В 2 т. Т. 2: Монастыри: Китай-город. Белый город. Земляной город. Город в границах 1917 года. Город в границах 1960 года. М., 2007. С. 216.
- 20 ЦГА г. Москвы. Ф. 157. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.
- 21 *Игумен Филарет (Захарович).* Об открытии Никольского единоверческого монастыря в Москве: Историческая записка. М., 1897.
- 22 Там же. Л. 72 об.–73.
- 23 Сведения о Московском Никольском мужском единоверческом монастыре. М., 1883. С. 2.
- 24 Подробнее об этом см.: *Зотова Е.Я.* О московских «медных заведениях» // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 1999. С. 402–418; *Она же.* «Подлежат изъятию...»: Меднолитая пластика по архивным документам 1850–1870-х гг. // Там же. Вып. 3. М., 2004. С. 385–418; *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: Альбом. М., 2000. 136 с.
- 25 См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 318. Д. 43, 100.
- 26 Там же. Д. 43. Л. 5–6 об.
- 27 *Ясинская В.Н.* Улица Девятая рота. Из истории московской улицы. М., 2009. С. 155.
- 28 Подробнее об этом см.: *Смирнова К.А.* Библиотека А.И. Хлудова в Преображенском. О судьбе этого уникального частного собрания древних русских книг и рукописей // Моск. журн. М., 2011. № 4. С. 23–31.
- 29 О архимандрита Павла (Прусского) слово при открытии Больницы для больных и раненых в Никольском Единоверческом монастыре 1 июля дня // Братское слово. 1916. № 21–22. С. 593.
- 30 *Синицын П.В.* Никольский единоверческий монастырь... С. 22–26; *Он же.* Преображенское и окружающие его места... С. 240.
- 31 *Паламарчук П.Г.* Указ. соч. С. 218.
- 32 Там же. С. 220.
- 33 Празднование пятидесятилетней годовщины Московского Никольского Единоверческого монастыря // Братское слово. 1916. № 19. Кн. 1. С. 546–549.

- ³⁴ *Паламарчук П.Г.* Указ. соч. С. 220.
- ³⁵ Подробнее см.: *Смирнова К.А.* Повседневная жизнь московской Преображенской старообрядческой общины в 1906–1918 гг. (по годовым «отчетам общины» и материалам Центрального исторического архива Москвы, Центрального государственного архива Московской области) // Вестн. РГГУ. № 9. М., 2013. С. 107–120. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение».
- ³⁶ О жизни Общины в 1918–1923 гг. см.: *Смирнова К.А.* Старообрядцы московского Преображенского кладбища. 1918–1923 гг. (по материалам ЦГАМО) // Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области: К 75-летию образования Центрального государственного архива Московской области: Материалы Первых област. ист.-краеведч. арх. чтений (Москва, 29 марта 2012 г.); Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области: К 200-летию Отечественной войны 1812 года: Материалы Вторых област. ист.-краеведч. арх. чтений (Подольск, 25 октября 2012 г.) / Отв. ред. П.М. Петров. М., 2013. С. 54–64.
- ³⁷ В результате экспроприации имущества общины в процессе его изъятия производились всевозможные описи этого имущества, святынь и проч., в результате чего сохранились подробные документы (хранятся в фондах ЦГАМО), составленные представителями музеев и представителями власти, по которым возможно реконструировать повседневную жизнь общины в начале XX в. Это в определенной степени восполняет пробел в документальном наследии самой общины, где подобных сведений и подробных описаний храмов, святынь, прихода, самой общины не содержится.
- ³⁸ Храму Спаса Преображения посвящена отдельная статья автора, см.: *Смирнова К.А.* Храм Спаса Преображения в Преображенском: История. Мемориальный характер // Вестн. РГГУ. 2014. № 17. С. 57–69. Сер. «Исторические науки. Региональная история. Краеведение».
- ³⁹ *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 111.
- ⁴⁰ Возвращение к истокам // Преображенка. 2010. Июль. С. 4; *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 115.
- ⁴¹ См.: *Бугров А.В.* Указ. соч. С. 43.
- ⁴² Цит. по: *Михайлов К.* Преображенск. Прогулки по первой петровской столице и ее окрестностям // Московское наследие. 2007. № 4. С. 80. Подробнее об этом периоде в истории Преображенского храма см.: *Смирнова К.А.* Храм Спаса Преображения... С. 58–59.
- ⁴³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- ⁴⁴ См.: *Бугров А.В.* Указ. соч. С. 44; *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 112; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- ⁴⁵ См.: *Мешалкина Ю.* Черкизово, Преображенское: века, события, портреты // Москва. 2007. № 9. С. 205.
- ⁴⁶ Там же. С. 206.

- 47 См.: *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 112–114; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70.
- 48 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 71 об.
- 49 Там же. Л. 70 об.
- 50 См.: Возвращение к истокам. С. 4; *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 118.
- 51 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 70 об.
- 52 См.: Возвращение к истокам. С. 4; *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места... С. 120; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 71.
- 53 ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 9.
- 54 Московские церковные ведомости (МЦВ). 1889. № 43. С. 575.
- 55 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 116. Л. 31 об.
- 56 Собрание 10 июня 1914 г. // Изв. Моск. гор. думы за 1914 г. № 13. С. 28.
- 57 МЦВ. 1889. № 43. С. 575.
- 58 Там же. 1909. № 30. С. 513.
- 59 Там же. С. 513–514.
- 60 Там же. 1910. № 45. С. 828.
- 61 Там же. № 35. С. 617.
- 62 Церковь Святителя Алексия митрополита в Ольгинском приюте (Преображенская ул., 5–7) // Москва православная. Церковный календарь. История города в его святынях. Благочестивые обычаи. М., 1994. Февр. С. 265–266.
- 63 Там же. С. 266; Освящение храма в Ольгинском приюте // МЦВ. 1911. № 42. С. 986.
- 64 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 87. Л. 1.
- 65 Там же. Л. 2–3.
- 66 ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 87. Л. 2 об.
- 67 Церковь Святителя Алексия... С. 266.
- 68 ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 4, 7 об., 9.
- 69 Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М., 2010. С. 199.
- 70 *Пестерева А.* Последний взрыв // Крестовский мост. № 10. 2014. Ноябрь. С. 22.
- 71 Восточный округ. 2015. № 32. Сент.
- 72 Храму Введения в Черкизове посвящена отдельная статья автора см.: *Смирнова К.А.* Об истории и судьбе забытого храма восточной окраины Москвы (церковь Введения в Черкизове в 1913–1934 гг.) // Региональная история. Краеведение. Московведение... С. 214–221.
- 73 МЦВ. 1913. № 41. С. 842–844.
- 74 ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–31.
- 75 Там же.
- 76 *Бугров А.В.* Указ. соч. С. 220; *Мешалкина Ю.* Указ. соч. С. 198; Преображенское. Поэма улиц в именах: исторический альманах. М., 2002. С. 96.
- 77 *Мешалкина Ю.* Указ. соч. С. 198; Преображенское. Поэма улиц... С. 96.
- 78 ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 10.
- 79 ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 52, 55–56.

- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 10.
- ⁸¹ Там же. Л. 16, 16 об.
- ⁸² Там же. Л. 17–20.
- ⁸³ Там же. Л. 52.
- ⁸⁴ Там же. Л. 8–10.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1161. Л. 60.
- ⁸⁶ Там же. Л. 59–61.
- ⁸⁷ Там же. Л. 7.
- ⁸⁸ Там же. Л. 10.
- ⁸⁹ Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Черкизове // Москва православная... М., 2005. Ноябрь. С. 393.
- ⁹⁰ Чертеж (разрез) Введенской церкви под названием «Проект каменного трехпрестольного храма в селе Черкизове Московской губернии Московского уезда» архитектора Д. Виноградова за 1912 г. см.: Церковь Введения во храм Пресвятой... С. 392.
- ⁹¹ Отчасти эту работу проводит сегодня старообрядческий Культурно-паломнический центр имени Протопопа Аввакума, располагающийся на территориях Женского двора.
- ⁹² См. например: *Корнеев В.* Преображенское: возвращение к истокам // Изв. 1989. 5 дек. № 340. С. 6; *Васьков М.* Три проекта возрождения Преображенской слободы: Музей, баня или милосердие? // Моск. правда. 1989. 28 дек.; *Чуваев В.* Преображенское может преобразиться // Территория: журнал о культурном и природном наследии. 1994. № 1. С. 25–26.

Документы по истории разрушения
московского храма
св. Николая Чудотворца на Мясницкой ул. в 1928 г.
в центральных государственных архивохранилищах

Изучение масштаба утрат культурного наследия в 1920–1930-е годы – актуальная задача исследователей. Данная публикация знакомит с документами о сносе в 1928 г. древнего московского храма св. Николая на Мясницкой ул. Здесь приводятся тексты постановлений президиумов ВЦИК и Моссовета, выписки из протоколов заседаний Центральных государственных реставрационных мастерских, обращения общины верующих, различных научных организаций и учреждений и отдельных ученых (академики С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, Н.П. Лихачев и другие) во ВЦИК с просьбой сохранить памятник. Расположение документов по хронологии позволяет увидеть динамику развития событий, предшествовавших сносу, механизм принятия решения московскими и центральными властями о разрушении храма. Документы свидетельствуют, что центральные и местные власти игнорировали просьбы авторитетных научных организаций и известных ученых сохранить древний памятник. В предисловии к публикации дается характеристика документальных комплексов по теме, упоминаются архивные документы, не вошедшие в публикацию.

Ключевые слова: Москва, культурное наследие, охрана культурного наследия, памятник истории и архитектуры, разрушение церковных памятников в СССР, храм св. Николая на Мясницкой ул. в Москве, храм, государственная политика, архивные материалы, московские власти, общественность.

Изучение культурного наследия предполагает и исследование процесса утраты памятников старины. Безусловно, это и важнейшая сторона местной истории. В известный богоборческий период 1920–1930-х годов в нашей стране были разрушены тысячи храмов, представляющих большую историческую и архитектурную ценность. Сегодня, когда идет процесс возрождения Русской

православной церкви, реставрируются и воссоздаются многие полуразрушенные или утраченные памятники, пишется история края, особенно востребована полная информация об истории храмов и обстоятельствах и мотивах их сноса, о внешнем облике и интерьерах зданий. В связи с этим важно определить методику поиска источников в различных архивохранилищах. Помимо чисто практической информации, необходимой для реставрации и воссоздания памятников, такие материалы дают обильные сведения и по истории их охраны, и по истории сноса, позволяют установить конкретные личности, ответственные за это деяние, показывают отношение общества к судьбе памятников.

Ниже, на примере публикации 21 выявленного документа из пяти московских архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – фонд 1235 Секретариата ВЦИК; Центрального архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы) – фонд 1215 Административного отдела Моссовета и фонд Р-1 Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ); Центрального архива Московской области (ЦГАМО) – фонд 4557 Московского коммунального хозяйства (Москоммунхоза); Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева (ГНИМА им. А.В. Щусева) – архив П.Д. Барановского, делается попытка реконструировать трагическую историю сноса в 1928 г. одного из выдающихся памятников старой Москвы – храма св. Николая на Мясницкой улице.

Изучение документов – свидетельств уничтожения этой церкви XVI, XVIII в. – важно потому, что она была первым московским памятником старше XVII в., уничтоженным в советскую эпоху, и потому еще, что в различных фондах отложилось значительное число документов, позволяющих судить обо всех этапах сноса. Храм Николая в Мясниках был и первым культовым зданием, в защиту которого выступили многие известные ученые и общественные деятели, представлявшие ведущие учреждения и институты, занимавшиеся изучением и охраной памятников материальной культуры.

В архивохранилищах Москвы автором выявлено три комплекса материалов (единиц хранения), содержащих различные документы о судьбе храма Николая в Мясниках в конце 1920-х годов. В ЦГА г. Москвы хранится «Дело о регистрации церковно-приходского совета при храме св. Николая Чудотворца по Мясницкой улице» объемом 48 листов. В нем сосредоточены документы, касающиеся как предыстории принятия постановления Моссовета о сносе храма, так и судьбы его церковного имущества. Из этого дела пу-

бликуются два документа: выписка из протокола № 10 заседания Президиума Моссовета от 24 февраля 1928 г. о сносе храма и выписка из протокола № 52 заседания Президиума ВЦИКа от 13 апреля 1928 г. об отклонении протеста верующих общины храма.

Почти такое же по объему дело (49 листов) «О закрытии и сносе Николаевской церкви на Мясницкой» хранится в ГАРФ в ф. 1235 (Секретариат ВЦИК). В деле содержатся материалы, раскрывающие механизм подготовки, рассмотрения и принятия решения по храму Президиумом ВЦИК. В подобных делах аккумулировались документы в защиту храма: заявления прихожан, обращения ученых и общественных деятелей, настаивавших на сохранении древнего памятника. Из этого дела публикуются: заявления прихожан храма, заключение секретаря Президиума ВЦИК Орлеанского, письма известных ученых и общественных деятелей.

Третий цельный комплекс документов о судьбе храма находится в ГНИМА им. А.В.Щусева в фонде П.Д. Барановского. Этот известный реставратор имел прямое отношение к борьбе за памятник, участвуя в совещаниях, фиксируя разборку церковного здания. В личном архиве он бережно сохранил копии многих документов – от постановлений президиумов Моссовета и ВЦИКа до обращений известных деятелей культуры и руководства Главнауки Наркомпроса РСФСР в защиту древней части Николаевского храма. Практически все эти документы встречаются в упомянутых выше делах ГАРФа и ЦГА г. Москвы. Уникальны не встречающиеся в других комплексах документов записки о ходе разборки храма (две из них публикуются ниже).

В статью вошли также несколько документов или их частей, хранящихся в других архивохранилищах. Позицию известных архитекторов-реставраторов раскрывают три выписки из заседаний архитектурно-реставрационного отдела ЦГРМ.

Объем публикации не позволил включить тексты других, весьма важных документов, раскрывающих механизм подготовки решения о сносе и процесс сноса здания храма Николая в Мясниках. Попробуем, используя эти источники, реконструировать картину борьбы за храм и дать хронике его разрушения.

Пожалуй, первым известным документом о планах властей снести храм является докладная записка от 23 января 1928 г. замначальника Административного отдела Мосгорисполкома Яковлева и завчастью Адмнадзора этого же отдела Кусанова в Президиум Моссовета о поддержке ходатайства Центросоюза о сносе храма Николая в Мясниках¹. Уже 7 февраля 1928 г. члены архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ, узнав о планах сноса древ-

него храма, заявили о его «совершенно уникальном значении» и о «безусловном» его сохранении (см. документ № 1). Тем не менее вслед за руководством Административного отдела Моссовета другое его подразделение, Москоммунхоз (руководитель – Домарев), и Отдел Благоустройства (руководитель – Ромин) 16 февраля 1928 г. признали «снос колокольни и церкви целесообразным» (см. документ № 2).

Через три дня после этого встревоженные дошедшими слухами прихожане написали жалобу во ВЦИК, содержащую просьбу «храма не сносить и не ломать» (см. документ № 3). Письмо во ВЦИК подписали (на 16 листах) 1322 верующих².

Несмотря на протесты верующих и реставраторов, Президиум Моссовета 24 февраля 1928 г. вынес постановление «Разрешить сломку колокольни и церкви св. Николая...» (см. документ № 4). Именно с этого документа и развернулась настоящая борьба за храм. Узнав о решении московских властей, отвечавшие за охрану памятников Главнаука и Музейный отдел Наркомпроса РСФСР обратились к возглавлявшим институты и общества специалистам-историкам, искусствоведам, архитекторам с просьбой возвысить свой голос за памятник старины. В течение нескольких дней Главнаукой были собраны и 3 апреля отосланы во ВЦИК семь таких обращений (см. документы № 5–12).

Эти документы – одни из самых информативных и важных. В них можно узнать об уникальности храма Николы в Мясниках и необходимости его сохранения. Так, руководители Главнауки (подписи Ф.Н. Петрова и других) писали: «Среди московских памятников данное сооружение должно быть признано как совершенно уникальное... Исключительное значение здания подтверждается прилагаемыми отзывами высокоавторитетных научных организаций... Уничтожение этого исторического памятника должно быть признано недопустимым в интересах науки и освещения истории края» (см. документ № 5). «Совершенно уникальным» называет храм председатель Общества изучения Московской губернии, историк, археограф, в будущем академик Б.Б. Веселовский (см. документ № 6). Лингвист, археолог и историк академик Н.Я. Марр в своем обращении написал, что «церковь эта... представляет крайне большой интерес; поэтому она должна быть всячески оберегаема как от сноса, так и от неосторожных поправок» (см. документ № 7). Профессор Государственного института истории искусств архитектор, реставратор и археолог К.К. Романов в отзыве отметил: «...я считал бы необходимым самым решительным образом протестовать против сломки древнейшей части церкви Николы

в Мясниках» (см. документ № 8). Еще более определенно высказался историк и искусствовед академик Н.П. Лихачев, назвавший древний храм «выдающимся памятником» и утверждавший, что его сломка «была бы ничем не оправдываемым вандализмом. Никакие снимки и чертежи не заменят утраченных подлинников» (см. документ № 9).

О недопустимости разрушения памятника писали и академик, непреременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, и старый большевик, ректор Академии художеств Э. Эссен, и архитектор и реставратор А.П. Удаленков (см. документы № 10–12). Показательно, что все подписавшие обращения во ВЦИК специалисты шли на компромисс и допускали ради спасения древнего ядра сломку более поздних частей храма (XVIII–XIX вв.).

Казалось бы, вполне очевидно, что столь единодушное дружное мнение ведущих специалистов позволит высшему органу власти страны – ВЦИКу прислушаться к мнению ученых и отменить решение Президиума Моссовета. Возможно, к этому склонялся и готовивший обычно подобные вопросы к рассмотрению на Президиуме ВЦИК его секретарь Орлеанский (см. документ № 14). Но на взвешенном и в целом объективном заключении Орлеанского занимавшийся церковными делами член Президиума ВЦИКа и зампреда ЦИК П.Г. Смидович поставил размашистую резолюцию, заканчивающуюся словами: «...мое мнение: Главнауке и верующим отказать. Постановление Моссовета оставить в силе. 7/IV. П. Смидович».

По-видимому, эта резолюция и определила дальнейшую трагическую судьбу древнего памятника. Не зная об этом мнении П.Г. Смидовича, руководство Главнауки Наркомпроса 11 апреля 1928 г. еще раз пытается в преддверии заседания Президиума ВЦИКа напомнить о заключении «компетентных научных учреждений (в том числе, Академии наук СССР), самым горячим образом протестующих против возможного уничтожения без насущной необходимости замечательного историко-культурного памятника» (см. документ № 15). Развязка наступила через два дня, 13 апреля, когда Президиум ВЦИК отклонил протест Наркомпроса, поддерживав таким образом февральское постановление Моссовета о сносе храма Николы в Мясниках (см. документ № 17). У нас нет информации о том, как проходило это роковое для памятника заседание, хотя известно, что на нем присутствовал П.Д. Барановский. Сам реставратор сохранил для нас несколько документов, позволяющих судить, как шла разборка древнего памятника в июне–июле 1928 г. и какие важные открытия при этом были сделаны (см. документы № 19–21).

Объем настоящей публикации не позволил поместить все выявленные в архивах документы, касающиеся последнего периода существования храма Николы в Мясниках. Так, в деле о регистрации церковно-приходского Совета (в ЦГА г. Москвы) хранится краткая опись имущества, акт о передаче 5 мая 1928 г. общиной ключей от храма представителю адмотдела Моссовета, несколько актов принятия из закрытой церкви культового и иного имущества. В актах содержится подробный перечень вывезенных из храма старинных икон, богослужебных книг, церковных облачений, «лома цветного металла», колоколов³.

Отметим и самое последнее выявленное упоминание реставраторами Николаевского храма: на заседании архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ 2 июля 1929 г. П.Д. Барановский и Максимов сообщили об открытиях, сделанных при разборке нижней части церкви. В частности, было доложено, что «под основным зданием оказался белокаменный подклет с окнами... В центральном подклете 2 окна на западной и восточной стороне довольно высоко от уровня пола с крутыми подоконниками и решетками...»⁴. Реставраторы также сообщили, что обнаружено три печуры, ниши, а в кладке одного из сводов был найден фрагмент от надгробия с датой 1532 г.

Немало уникальных неопубликованных материалов хранится и в упоминавшемся деле в фонде П.Д. Барановского в ГНИМА. В первую очередь это многочисленные чертежи и планы храма и его частей, фиксационные фотографии разборки (своды, главы, фрагменты находок), смета на научную фиксацию (составлена П.Д. Барановским), переписка (краткие карандашные записки) по поводу разборки памятника в 1928–1929 гг. и др.⁵

В целом выявленных текстовых и изобразительных материалов о сносе храма Николы в Мясниках вполне хватит для составления большого сборника документов. Исчезнувший уникальный храм того заслуживает. Вообще каждый крупный утраченный памятник – вырванная страница из летописи Москвы, и восстановление таких важнейших вех истории города – общая задача историков, архивистов, краеведов, искусствоведов, музейных работников. Изучение судьбы памятников в Советской России в 1920–1930-е годы поучительно. Публикуемые ниже отдельные документы иллюстрируют механизм принятия властью решений о сносе памятников. Один из ключевых моментов этого процесса – полное игнорирование московскими и всероссийскими органами управления протестов со стороны общин верующих, выдающихся ученых, авторитетных государственных учреждений и общественных организаций.

Такое положение складывалось не только вокруг сноса древнего храма Николы в Мясниках. Ведь в том же 1928 году в Москве

шла борьба за сохранение известных храмов-памятников: Трех святителей на Красноворотской площади, Параскевы Пятницы в Охотном ряду, Константина и Елены в Кремле, Панкратия близ Сухаревой башни, трапезной и колокольни Сретенского монастыря. Увы, отстоять все эти храмы XVII–XVIII вв. не удалось, ситуация развивалась по тому же «николомясницкому» сценарию⁶.

№ 1

1928 г. 7 февраля.

Из протокола № 6 (448)

заседания архитектурно-реставрационного отделения

**Центральных государственных реставрационных мастерских
с информацией о предполагаемой разборке храма Николы в Мясниках**

4. Слушали: О церкви Николы в Мясниках.

Н.Р. Левинсон сообщил, что в том же заседании (Заседание Губмузея. – В. К.) рассматривался вопрос о предполагаемой Центросоюзом постройке дома на месте церкви Николая в Мясниках; причем представители Центросоюза указывали на необходимость сноса всего комплекса церковных построек.

Постановили: Ввиду совершенно уникального значения центральной части церкви как единственного образца сохранившегося восьмикатного перекрытия городского типа – признать необходимым настаивать на безусловном ее сохранении, допуская отломку всех пристроек.

ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–24. Машинопись.

№ 2

1928 г. 16 февраля.

Отношение заведующего Московским коммунальным хозяйством

Домарева и заведующего Отделом благоустройства Ромина

в Московский отдел народного образования

«О сломке церковных зданий во владении № 35 по Мясницкой ул.».

Дело № Г-89а

Согласно предложения Президиума Московского Совета от 5.01.28 г. за № 116 Центросоюзу, на правах застройки, должны быть переданы в аренду земельные участки по Мясницкой ул. за № 35 и 43.

На участке владения № 35 по Мясницкой ул. имеется колокольня и церковь так называемая «Николы», части которой, а именно: центральная и южная, как здания древней постройки находящиеся под охраной Музейного подотдела МОНО (Центральная часть – XVI века, а южная – XVIII века).

Предполагаемая Центросоюзом постройка здания 150.000 куб. м вызывает необходимость сломки всех церковных зданий на территории участка под № 35 по Мясницкой ул.

По мнению Москоммунхоза снос колокольни и церкви целесообразно, так как помимо освобождения земельного участка под застройку в центре города будет возможно улучшить уличное движение в этом месте по Мясницкой ул., ибо означенные здания, выступая на тротуар, нарушают нормальное пешеходное движение.

Кроме того, благодаря сносу церковных зданий, возможно будет проложить новый проезд от Мясницкой ул. до Уланского пер., согласно схемы планировки «Большой Москвы». Прилагая при сем проект ходатайства во ВЦИК и отмечая, что в план работ Москоммунхоза на 1928 г. утвержденный Президиумом Московским Советом от 11/1 с. г. (прот. № 4), сломка как церкви, так и колокольни во владении № 35 по Мясницкой ул. не входит, Московское коммунальное хозяйство просит возбудить ходатайство перед ВЦИК о разрешении на снос вышеуказанных церковных зданий средствами самого Центросоюза с обращением полученного от сломки материала в пользу его.

16/II–28 г.

Зав. Московским коммунальным
хозяйством Домарев
Зав. Отделом благоустройства Ромир

ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 413. Л. 6. Копия. Машинопись.

№ 3

1928 г. 19 февраля. Заявление прихожан церкви Св. Николая на Мясницкой улице во ВЦИК с просьбой не закрывать и не разрушать их храм

До сведения нашего дошло, что находящийся в нашем пользовании храм Св. Николая на Мясницкой улице № 35 предназначается к сломке.

Если эта сломка действительно осуществится хотя бы и частично ввиду разборки одной лишь стороны храма, граничащей, например, с мостовой и тротуаром Мясницкой улицы, то мы, нижеподписавшиеся и многие другие, принадлежащие к группе верующих и живущие в нашем районе – на Мясницкой улице, в переулках: Уланском, Водопьянном, Гусятниковом, Фокином (б. Чудовском), и частью в М. Харитоньевском, а также на Чистопрудном проезде, на Тургеневской площади и по Садовой-Спасской улице – будем лишены возможности удовлетворять наши религиозные потребности по месту нашего жительства и, главное, в таком храме, который пользуется издавна известностью среди христиан в г. Москве, и, сравнительно с другими наиболее посещается молящимися.

Разборка только упомянутой части (Духосошестввенского придела) имеет существенное значение потому, что она составляет большую половину всего храма и без нее, в дни, когда бывает особенный наплыв молящихся, другая половина не может вместить всех желающих.

Потребность в нашем храме для верующих и теперь велика, а в ближайшем времени должна возрасти еще за счет массы прихожан ближайшего к нашему храму Трех святителей, что на Красноворотской площади, который, как известно, подлежит разборке.

Кроме того, помимо указанной потребности в нашем храме и увеличения и без того большого числа верующих, обслуживаемых им, посещающих его и нуждающихся в нем, храм Св. Николая следует сохранить и потому, что средняя – основная часть как существующая с XVI столетия является историческим памятником, а также и потому, что покрывающие эту часть храма своды Новгородско-Псковской конструкции, представляют редкий по своей типичности образец Русского зодчества.

На основании изложенного и, имея ввиду, что Советская власть, если и не покровительствует религиозным убеждениям, то в то же время и не запрещает гражданам великого Союза ССР удовлетворять свои духовные потребности как наедине, так и в собраниях для общих молитв и совершение церковных Богослужений и обрядов в храмах, предоставляя эти последние в пользование верующих безвозмездно и не чиня им никаких препятствий в деле этого удовлетворения, мы заявляем о своем душевном желании, чтобы храм Св. Николая на Мясницкой улице был сохранен не только для нас, но и многих других верующих нашего района, и никакой сломке, хотя бы и частичной, не подвергался и убедительно просим Всероссийский центральный исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов удовлетворить это наше желание и храма не сносить и не ломать.

19 февраля 1928 г.

***Заявление изложенного содержания
за подписями 1322 лиц представлено во ВЦИК
(сдано в будке у Троицких ворот Кремля) 2 марта.**

Мы, нижеподписавшиеся, не успевшие подписать его вместе с упомянутыми лицами, присоединяемся к нему полностью и также просим Всероссийский центральный исполнительный комитет советских рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о том, чтобы храм Св. Николая на Мясницкой (№35) не сносился и никакой сломке не подвергался**.

**ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 36.
Подлинник. Машинопись, рукопись.**

* Далее приписано от руки.

** Далее до Л. 46 следуют подписи 1322 человек.

№ 4

**Выписка из протокола Президиума Московского Совета Р., К. и К. Д.
№ 18 от 24 февраля 1928 г.**

Слушали: Об отводе Центросоюзу под постройку дома Центросоюза участка на Мясницкой ул., под №№35–43. Дело № 979.

Постановили: Считая постройку торгово-конторского здания Центросоюза в центральной части города весьма целесообразной, утвердить постановление Комиссии по регулированию застройки г. Москвы от 12/Х 27 г. (прот. № 63) и передать владения №№ 35, 37, 39, 41 и 43, в том числе и церковь св. Николая по Мясницкой ул., Центросоюзу на следующих условиях:

- а) Участки передаются Центросоюзу по договору сроком на 65 лет.
- б) Центросоюзу предоставляется право сноса строений, находящихся на передаваемых владениях... <...>
- е) Разрешить Центросоюзу сломку колокольни и церкви св. Николая...
С подлинным верно
Секретарь В. Каравайкова – Подпись.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 5. Копия. Машинопись.

№ 5

1928 г. 3 апреля.

**Отношение Начальника Главнауки Наркомпроса РСФСР
Ф.Н. Петрова в Секретариат Председателя ВЦИК
и в Президиум Моссовета с обоснованием необходимости
сохранения древней части храма Николы в Мясниках**

По поводу постановления През[идиума] Моссовета от 24/II-с.г. прот[ок] № 18 относительно сломки здания церкви и колокольни Николая на Мясницкой, Главнаука имеет сообщить: здание церкви состоит из нескольких разновременных построек, в центре которых находится одно из красивейших сооружений Москвы – небольшое церковное здание начала XVI в. Это сооружение представляет замечательный исторический памятник в том отношении, что в нем сохранились в неизменном виде сложные архитектурные влияния, существовавшие в ранней поре Московского строительства.

Особый интерес представляют устройство крыши по щипцам на 8 скатов и конструкция сомкнутого свода с большими распалубками, свидетельствующие о Новгородско-Псковских традициях, сложившиеся под несомненным воздействием северо-германских форм; обработка главы обладает типично-московскими чертами, другие декоративные детали навеяны постройками итальянских мастеров, работавших в Москве в конце XV и начале XVI века. Особенностью этого сооружения, неповторяемую ни в одном из других сохранившихся образцов, является наличие стрельчатых сводов, м[ожет] б[ыть] такие навеяны немецкой архитектурой.

Среди московских памятников данное сооружение должно быть признано как совершенно уникальное по воспроизведению в чистом виде новгородских приемов строительства несохранившихся ни в одном из памятников старинной архитектуры Москвы и и чрезвычайно ценным в показательном отношении для истории края.

Исключительно значение здания подтверждается прилагаемыми отзывами высокоавторитетных научных организаций, как то, Всесоюзной Академии Наук, Академии Истории Материальной Культуры, Ленинград[ского] Высш[его] Худож[ественного] Технич[еского] Института, Института Истории Искусств, Об[щест]ва изучения Моск[овской] губ[ернии]. Ценность здания также была отмечена специальной комиссией Моссовета по пересмотру списка памятников церковн[ой] архитектуры, отнесшей постройку XVI в. к «высшей категории».

Таким образом, уничтожение этого исторического памятника должно быть признано недопустимым в интересах науки и освещения истории края.

Практические вопросы, связанные с сохранением здания церкви могут быть разрешены путем разбора всех прилегающих позднейших частей и колокольни, относящихся к XVIII–XIX вв., таким образом должно быть освобождено основное здание, занимающее около 10 мтр в квадрате. Застройка участка должна быть произведена в расчете на сохранение здания XVI в., что вполне возможно соответственной планировкой новой постройки с открытым двориком ок. 25–30 м в квадрате; такая планировка мало отнимет от нового здания, т[ак] к[ак] удлинит линию его фасада по улице и увеличит его световую поверхность.

Нельзя также не отметить, что на противоположной стороне Мясницкой ул. находится весьма обширное владение № 40 слабо застроенное ветхими зданиями и весьма неблагоустроенное, тогда как в части участка расположенного за церковью, имеются значительные зеленые насаждения, которые целесообразно было бы сохранить в целях гигиены и благоустройства города.

Ввиду изложенного Главнаука в случае утверждения данного участка под застройку считает необходимым сохранение древнейшего здания XVI в., допуская возможность разборки колокольни начала XVIII в. и пристройки XVIII и XIX вв. к основному зданию, хотя и обладающих самостоятельной историко-архитектурной ценностью, но менее значительных, чем указанный памятник новгородской архитектуры.

При этом возможна ликвидация отправления культа в этом здании, так его внутреннее декоративное убранство ценности не представляет.

Приложения: 1) Отн[ошение] непрямого секретаря Акад[емии] Наук акад[емика] С.Ф. Ольденбурга № 1729 с отзывами ак[адемика] Н.П. Лихачева и арх[итектора] А.П. Удаленкова; 2) Отн[ошение] Г[осударственной] Акад[емии] Ист[ории] Матер[иальной] Культуры № 1138; 3) Отношение Ленинградского Худ[ожественно]-Технич[еского] Института № 1167; 4) От-

ношение Гос[ударственного] Института Истории Искусств № 444 с отзывом проф. К.К. Романова; 5) Отношение Об[щест]ва изучения Моск[овской] губ[ернии] № 349.

Начальник Главнауки Петров
Зав. Музейным отделом Вайнер
Секретарь Управления Лукьянов

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 7–8. Подлинник. Машинопись.

№ 6

1928 г. 28 февраля. № 349.

**Отношение председателя Общества изучения Московской губернии
Б.Б. Веселовского в Музейный Отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР
с описанием историко-архитектурных достоинств храма Николая
в Мясниках и о необходимости сохранения древней его части**

По полученным сведениям в настоящее время готовится проект застройки территории участка по Мясницкой улице, где находится здание церкви «Никола в Мясниках», при чем предполагается сноска всего здания церкви.

Между тем необходимо заметить, что это здание, состоящее в настоящее время из нескольких разновременных построек, в своей центральной части является одним из редчайших архитектурных памятников Москвы.

Эта постройка относится к I-ой половине XVI века, когда наряду с иноземцами к строительству Москвы были привлечены лучшие мастера из других частей государства – главным образом из Новгородско-Псковской области, славившейся своими достижениями. Этими мастерами было возведено много московских построек, в подавляющем большинстве уже утраченных.

Единственно церковь Николая в Мясниках сохранила архитектурное Новгородское устройство перекрытия на 8-мь скатов с особой конструкцией сводов (некоторые исследователи объясняют происхождение этой кровли по щипцам северо-немецкими влияниями); также единственный сохранившийся без изменения барабан главы, некоторые окна, декоративная обработка щипцов и др[угие] детали.

Таким образом, этот памятник, являющийся совершенно уникальным для Москвы, чрезвычайно показательно свидетельствует об эволюции материальной культуры в XVI в., являющемся особенно значительным в разработке облика города, принявшем свои характерные черты уже во второй половине XVII века.

Таким образом научная и показательная ценность древнейшей части Николая в Мясниках является совершенно уникальной и заставляет самым настойчивым образом заявить о необходимости ее сохранения.

Остальные пристройки XVIII и XIX вв. могут быть удалены, что позволит выявить основную часть XVI в. В этом случае здание, подлежащее охране кажется весьма незначительных размеров и лишь в небольшой степени ограничит возможность застройки участка.

Председатель Общества Б. Веселовский
Секретарь Н. Гагарина
С подлинным верно

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 15. Копия. Машинопись.

№ 7

1928 г. 20 марта.

Отношение председателя Государственной академии истории материальной культуры Н.Я. Марра в Главнауку Наркомпроса РСФСР с обоснованием архитектурной ценности древней части храма Николая в Мясниках

Государственная академия истории материальной культуры сообщает нижеследующее: Церковь «Николы в Мясниках» в Москве на Мясницкой ул. представляет собой группу разновременных построек разного значения. На улицу алтарной частью выходит огромное здание новой церкви, во дворе – крыльцо XIX в. Среди этих пристроек теряется небольшое здание древней церкви, кажущееся маленьким приделом, скрытым во дворе. Между тем это здание имеет первостепенное значение при изучении техники и строительных форм в Средней России в период их образования. Здание датируется в литературе началом XVI столетия и стоит в ближайшей связи с новейшими формами этой эпохи, в которой слились на московской почве старые традиции Средней России, влияние привлеченных к работам в Москве псковских мастеров и архитекторов-итальянцев.

Церковь внутри бесстолпная, крыша особой разновидностью сомкнутого свода с распалубками и одним светлым барабаном, при четырехщипцовой обработке фасадов.

Сложность сводчатой конструкции при крайне простой, можно сказать, бедной обработке фасадов, указывает на конструктивные задачи, по преимуществу, у ее строителей и дает отличный пример одного из древнейших сомкнутых сводов, вызвавших позднее подражания. Церковь эта, как многие древние памятники, подробно еще не изучена и представляет крайне большой интерес; поэтому она должна быть всячески оберегаема как от сноса, так и от неосторожных поправок.

На основании изложенного, Академия полагает, что нет особой надобности в защите от разрушения большой ц[еркви] Николая в Мясниках, хотя и выполненной хорошим мастером, но древнюю часть церкви необходимо ох-

ранить и, пользуясь разборкой соседних пристроек, подвергнуть тщательно-му изучению.

Председатель Академии (Н. Марр)
Управляющий делами (Миханкова)
Верно – Подпись

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 11. Копия. Машинопись.

№ 8

1928 г. 20 марта.

Отношение проф. К.К. Романова в Государственный институт истории искусств с протестом против сноса древней части храма Николая в Мясниках

В ответ на переданное мне 19/III-28 г. отношение Главнауки от 18/III-28 г. за № 50/631, настоящим уведомляю, что среди комплекса сооружений разного времени в церкви Николая в Мясниках в Москве ее основная часть, внешне кажущаяся маленьким приделом, заслуживает всяческого оберегания. Это древнейшая часть церкви относится, в литературе, к началу XVI в. и особенно интересна в ее сложных сводчатых конструкциях, связанных с четырехщипцовым фасадом. Церковь одна из самых старых в этом типе и не изучена.

Поэтому я считал бы необходимым самым решительным образом протестовать против сломки древнейшей части церкви Николая в Мясниках.

п/п К. Романов
20/III-28 г.

Верно: делопроизводитель
ГИИИ – Двораковская?

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 13. Копия. Машинопись.

№ 9

1928 г. 21 марта.

Письмо академика Н.П. Лихачева академику С.Ф. Ольденбургу с протестом против сноса храма Николая в Мясниках

Многоуважаемый Сергей Федорович!

В ответ на письмо Ваше от 17 марта 1928 г. за № 1517, по вопросу о предполагаемой сломке Николаевской церкви, что на Мясницкой ул. («Николая в Мясниках»), считаю долгом сообщить, что эта церковь представляет конгломерат построек и пристроек, в центре которого находится основное здание, представляющее выдающийся памятник архитектуры, имеющий важность для истории Московского зодчества. Вопрос о том, из каких элементов сложилось это строительное искусство, является в науке очередным, немалого

интереса и значения. Если вопрос об осторожной сломке позднейших пристроек может быть мотивирован именно научным значением выявления во всех деталях основного архитектурного ядра XVI столетия, то сломка исторического памятника складывающейся самобытной архитектуры была бы ничем неоправдываемым вандализмом. Никакие снимки и чертежи не заменят утраченных подлинников.

Уважающий Вас, Н. Лихачев.

21 марта 1928 г.

С подлинным верно:

Делопроизводитель Секретариата Академии наук СССР

Верно

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 10. Копия. Машинопись.

№ 10

1928 г. 23 марта.

Отношение ректора Ленинградского художественно-технического института Э.Э. Эссена от 23 марта 1928 г. № 1167 в Музейный отдел

Наркомпроса РСФСР о недопустимости сноса здания

древней части храма Николая в Мясниках

Правление Ленинградского художественно-технического Института на основании Вашего запроса по вопросу о сломке здания церкви «Николы в Мясниках» имеет сообщить нижеследующее:

Здание это сохранившееся в своей основной части неприкосновенным является настолько ценным по своей архитектурной обработке, представляя памятник художественных стремлений XVI в., что сломка его явилась бы совершенно недопустимым в настоящее время.

Аналогичных памятников в Москве не имеется. Сломка этого здания обозначает утрату архитектурного документа, характеризующего народную работу по организации архитектурного облика города – столицы XVI в., с другой стороны, необходимость дать место современным требованиям жизни и увеличить участок для новой застройки может быть удовлетворена путем сломки всех позже пристроенных к церкви частей, уменьшив таким образом занимаемую ею площадь.

Таким образом не пострадают потребности нового строительства и будет сохранен и древний памятник, причем при сломке поздних пристроек, последний может быть восстановлен в первоначальном виде.

Ректор /Э. Эссен/

Управделами /Н. Кузнец/

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 14. Копия. Машинопись.

№ 11

1928 г. 26 марта.

**Отношение Непременного секретаря Академии Наук
Союза Советских Социалистических Республик
академика С.Ф. Ольденбурга****в Главное Управление Научных Учреждений. Срочно. № 1729**

Вследствие отношения от 13 марта с.г. № 50/631, Академия Наук СССР препровождает при сем в копиях отзывы по возбуждаемому в упомянутом отношении вопросу академика Н.П. Лихачева и члена Государственной Академии Истории Материальной Культуры А.П. Удаленкова.

Вполне присоединяясь с своей стороны к означенным отзывам выдающихся специалистов, Академия Наук СССР не может не выразить надежды, что возникшее предположение о сломке столь выдающегося исторического памятника, как здание церкви Николы в Мясниках, осуществлено не будет.

Непременный Секретарь академик /С. Ольденбург/
Академик
Заведующий Секретариатом /Молас/
Верно – Подпись

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 9. Копия. Машинопись.**№ 12****Письмо архитектора А.П. Удаленкова академику С.Ф. Ольденбургу
о необходимости сохранения и реставрации храма
Николая в Мясниках**

Многоуважаемый Сергей Федорович!

С большой тревогой ознакомился с материалами о предполагаемой сломке древней церкви Николы в Мясниках. Церковь эта в своей наиболее древней части относится к середине XVI века и является действительно редчайшим памятником, как в художественном его разрешении, так и в конструктивном. Памятник этот бесстолпный и купол его основан на особой очень остроумной комбинации сомкнутых сводов, что вместе со щипковым разрешением общего перекрытия, являющегося типичным для древней новгородской архитектуры, представляет собой исключительный в художественно-историческом отношении интерес, я полагаю, вполне заслуживает принятия всех мер для его сохранения. Что же касается удаления позднейших пристроек, то это желательно, так как будет способствовать выявлению всей значительности этого памятника.

Искренне уважающий Вас – Удаленков
С подлинным верно: Делопроизводитель
Секретариата Академии Наук СССР

Верно

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 10. Копия. Машинопись.

№ 13

1928 г. 27 марта.

Из протокола № 13 (455)

**заседания архитектурно-реставрационного отделения
Центральных государственных реставрационных мастерских
от 27 марта 1928 г. о необходимости сохранения древнего храма
Николая в Мясниках**

16. Слушали: О церкви Николая в Мясниках.

Н.Р. Левинсон сообщил о получении отзывов о церкви Николы в Мясниках от Академии Художеств, Академии Истории материальной культуры, Института Истории искусств, отмечающих безусловную необходимость охранения основной части XVI в. И.Э. Грабарь сообщил, что по имеющимся сведениям старую церковь предположено включить в застройку.

Постановили: Обратиться в Центросоюз и в Архитектурное Общество с просьбой настоять на включении древней церкви в проекты, имеющие быть представленными на конкурсе.

ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 45–48. Копия. Машинопись.

№ 14

1928 г. Апрель.

**Заключение секретаря ВЦИК Орлеанского
по вопросу закрытия и сноса храма Николая в Мясниках**

Заключение

24 февраля с.г. Президиум Моссовета вынес постановление о закрытии Николаевской церкви на Мясницкой ул. в гор. Москве и сносе здания.

Из постановления видно, что участок занимаемый зданием церкви передается Центросоюзу, который имеет выстроить на нем новое здание торгово-конторского типа.

Вместе со зданием церкви Моссовет полагает к сносу ряд строений поблизости.

Постановление Моссовета обжаловано группой верующих.

Главнаука также возражает против сломки основного церковного здания начала XVI века, отмечая, что данное строение признано совершенно уникальным, что подтверждают: Всерос[сийская] Академия Наук, Академия истории матер[иальной] культуры и проч. учреждения.

Главнаука допускает лишь возможность разборки колокольни начала XVIII века и пристроек XVIII и XIX вв. к основному зданию, как менее значительных.

Полагал бы: Внести вопрос на Секретариат или Президиум ВЦИК с вызовом сторон.

Секретарь Пред[седателя] ВЦИК [Подпись]

[На заключении рукописная резолюция П. Смидовича]: «С заключением согласен. Вопрос сложный. [два слова неразборчивы] Мое мнение: Главнауке и верующим отказать. Постановление Моссовета оставить в силе. 7/IV. П. Смидович.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 4. Подлинник. Машинопись.

№ 15

1928 г. 11 апреля.

**Отношение Начальника Главнауки
и Заведующего Музейного Отдела Наркомпроса РСФСР
Председателю Центросоюза И.Е. Любимову с протестом против
возможного уничтожения храма Николая в Мясниках**

В связи с намечаемым Вами проектом застройки участка № 35 по Мясницкой ул., Главнаука Наркомпроса обращает Ваше внимание на наличие в этом участке одного из древнейших зданий города, являющегося уникальным образцом новгородско-псковских влияний в Москве – древнейшей части XVI века группы церковных построек.

Так как этот исключительный исторический памятник подлежит тщательной охране, то является необходимым учесть это обстоятельство при разработке постройки и дав соответствующее членение его поверхности. Здание церкви, подлежащее охране весьма невелико и своими размерами будет контрастировать с новыми постройками, выгодно подчеркивая ее объем. С другой стороны сохранение указанного памятника никакого ущерба новому сооружению не нанесет, так как несомненно окажется необходимость устройства двориков, которые могут быть распределены соответствующим образом.

Главнаука просит Вас учесть приведенные указания и прилагает свой отзыв по этому вопросу, а также заключение компетентных научных учреждений (в том числе Академии Наук СССР), самым горячим образом протестующих против возможного уничтожения без насущной необходимости замечательного историко-культурного памятника.

Просьба уведомить о последующем.

Приложения: Копия отношения № 50631 от 3/IV с приложениями.

Нач. Главнауки
Зав. Музейным Отделом
Секретарь управления

ГНИМА им. А.В. Щусева.

Отдел хранения архитектурных архивов. Ф. Р-ХIV. Папка № 1.

№ 16

1928 г. 11 апреля.

**Записка прораба Д. Ермолаева П.Д. Барановскому
с информацией о предстоящем заседании во ВЦИК,
где будет решаться судьба храма Николая в Мясниках**

Многоуважаемый Петр Дмитриевич! Сегодня утром к нам на работу заходил Грабарь и просил Вам передать, что завтра в 10 ч. утра во ВЦИКе будет разбираться вопрос о Николе на Мясницкой. Сам он во ВЦИК идти не хочет и просил разыскать Вас и просить туда пойти. Мандат будет заготовлен и лежать у Левинсона. Я его сейчас видел и он просит, если Вы вернетесь, сегодня вечером к нему вечером побывать.

У нас на Параскеве* работу закончить сегодня не пришлось: такой ветер, что я побоялся ставить щиты, как бы их не сорвало вниз. Наличник один готов, другой будет готов завтра...

Желаю Вам всего доброго
Уважающий Вас Д. Ермолаев.

**ГНИМА им. А.В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов.
Ф. Р-ХIV. Папка №1. Подлинник, рукопись.**

№ 17

**Выписка из протокола № 52
заседания Президиума ВЦИК
от 13 апреля 1928 г.**

22. Слушали: Протест Наркомпроса РСФСР на постановление Московского Совета о сносе Николаевской церкви на Мясницкой улице.

(Внесено Секретариатом ВЦИК, прот. № 49. П. 19. Д. № ЦП 819.04.21)

Постановили: Протест оставить без последствий.

Секретарь ВЦИК А. Киселев
Верно – Подпись

**ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 1.
Копия. Машинопись.**

* Речь идет о разбираемом храме Параскевы Пятницы в Охотном ряду.

№ 18

**Из протокола № 16 (458) заседания
архитектурно-реставрационного отделения Центральных
государственных реставрационных мастерских от 17 апреля 1928 г.
с информацией об окончательном решении
о разборке храма Николая в Мясниках**

8. Слушали: О церкви Николы в Мясниках.

Н.Р. Левинсон сообщил, что в заседании Секретариата ВЦИК от 12 апреля с[его] г[ода] состоялось постановление о разборке церкви Николы на Мясницкой улице.

Постановили: Принять меры к обеспечению возможности дальнейшего обследования и фиксации этого исключительного памятника.

ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 11. Л. 56–58. Машинопись.

№ 19

1928 г. 3 июня.

**Записка Л. Любимова П.Д. Барановскому о разборке храма
Николая в Мясниках**

Петр Дмитриевич!

Иконостас сегодня разбирали. Разобрали наружный купол и открылся под ним внутренний – столярной работы очень крепкий и в то же время тяжелый, чтобы дальше вести разборку – нужно его осторожно разобрав спустить – но не хватает у нас народу – необходимо прислать еще 2-х человек (о чем Вы вчера и говорили).

Если возможно, то присылайте завтра с утра, я буду в церкви к 6–6.30 утра.
Уважающий Вас Л. Любимов [автограф]

**ГНИМА им. А.В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов.
Ф. Р-ХIV. Папка № 1. Подлинник. Рукопись.**

№ 20

**Из протокола № 30 (470) заседания
Архитектурно-реставрационного отделения
Центральных государственных реставрационных мастерских
от 24 июля 1928 г. о ходе разборки и обмерах храма Св. Николы в Мясниках**

5. Слушали: О церкви Николы в Мясниках.

П.Д. Барановский сообщил, что работы по научной фиксации древней церкви Николы в Мясниках продолжаются: производится фотографирование, археологические обмеры, съемка шаблонов наиболее важных частей и прочее. Исследование перекрытия дало ряд интересных особенностей: на сводах алтарных апсид найдена крупная черепица с заостренным концом (форма

утога), по-видимому такова была и на сводах здания... Главка была покрыта черепицей обычного городчатого типа, из очень светлой глины с зеленой облицовкой. Главка интересна по своей конструкции и технике... В настоящее время крест XVII в. снят силами докладчика и его помощников... у главки обнаружались кокошники барабана с забеленными иконостасами раньше закрытыми наполовину их высоты...

Исследование южной внутренней стены церкви показало, что внутренняя отделка стен представляет известный в архитектуре этого времени прием: каждая стена обработана тремя арками с пилястрами тонкой кладки, над арками проходит карниз.

В процессе работ по разборке здания, производимой Центросоюзом – уже разобрана абсидная часть и купол.

ЦГА г. Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 104. Копия. Машинопись.

№ 21

1929 г. 22 июня.

**Записка П.Д. Барановскому о ходе разборки основания храма
Николая в Мясниках**

Петр Дмитриевич, непременно побывайте в понедельник у Николы в Мясниках. Я боюсь, что татары* разрушат то, что Вам будет очень важно повидать.

Кстати, там нужно выяснить, можно ли лишать стенку примыкающую к наружной стороне окна. Оставлена до Вашего решения.

Внутри левого подклета обнаружены удивительные вещи – в левой стороне три арки, а в глубине средней (большой) два окна в обе стороны. Все это белокаменное, очевидно, старое. Очень интересно.

22.VI/29 [Подпись]

**ГНИМА им. А.В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов.
Ф. Р-ХIV. Папка № 1.**

Примечания

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 19. Л. 19.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 73. Д. 1663. Л. 37–46.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 19. Л. 24–30.

⁴ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 82.

⁵ ГНИМА им. А.В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов. Ф. Р-ХIV. Папка № 1. Церковь Николы в Мясниках.

⁶ *Козлов В.Ф.* Хроника разрушений. Год 1928-й // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 12. С. 25–27.

* К работам по разборке храмов была практика привлекать представителей других национальностей не православного вероисповедания.

Историко-краеведческие исследования регионов России

Э.Г. Истомина

Корабельные леса Европейской России как ресурс регионального развития в XVIII–XIX вв.

Статья посвящена корабельным (заповедным) лесам России XVIII–XIX вв., которые являлись мощным общественно-экономическим ресурсом и фактором, способствующим созданию законодательной базы в сфере природопользования. Проанализирован процесс становления хозяйства и охраны корабельных лесов и их влияния на различные виды промышленного производства регионов. Особое внимание уделено проблемам управления и эксплуатации этого вида лесов (заготовки и доставки к портам для нужд морского флота).

Ключевые слова: корабельные (заповедные) леса, уставы и инструкции, посвященные лесным ресурсам, корабельные округа, лесной департамент, лесоохранительная политика.

Территория Европейской России с незапамятных времен считалась самой лесистой в Европе. «Вряд ли какой другой народ вступал в историю со столь богатой хвойной шубой на плечах; именитым иностранным соглядатаям, ездившим сквозь нас транзитом повидать волшебные тайны Востока, Русь представлялась сплошной чащобой с редкими прогалинами людских поселений», – как образно выразился Л.М. Леонов, автор знаменитого романа «Русский лес»¹. Масштабные и интенсивные социоэкономические процессы, связанные с эксплуатацией лесных ресурсов, действительно давали основание говорить о России как территории с высокой степенью лесистости. Однако не было в Европе и страны, где можно было найти столь большие пространства, совершенно

лишенные лесов. На Европейско-Уральскую зону, где проживало три четверти населения, приходилось всего около четверти лесных площадей. Между тем лес в России являлся природным ресурсом, заключавшим в себе огромные потенциальные возможности и выполнявшим значительные социоэкономические и экологические функции. Лес требовался на строительство городов, сел и деревень, на топливо, на создание самых различных видов транспорта, начиная от малой тележки и кончая самыми крупными речными и морскими судами, на различные виды промыслов. Он же являлся и потенциальным фондом пашни. Чем быстрее шло развитие производительных сил и ускорялись темпы роста населения, тем больше лесных площадей подвергалось вырубке, как правило, беспорядочной, стихийной.

До начала XVIII в. вопросы лесопользования, охраны и лесной собственности в государственных масштабах практически не рассматривались. Лишь благодаря взятому Петром I курсу на развитие кораблестроения и создание собственного морского флота отношение к лесным ресурсам коренным образом изменилось не только со стороны властей, но и во всех слоях общества. Ранее же в государстве не имелось не только конкретных сведений, но и общего представления о количестве и качестве лесов. К моменту издания первых «лесных» указов Петра в стране существовало в значительной степени условное деление лесов на собственно государственные (казенные), владельческие, а также въезжие и спорные. Условность этого деления усугублялась множеством ошибок и неточностей предшествовавших межеваний, просчетами при составлении писцовых книг. Да и при относительном изобилии лесов в точном определении границ лесных участков особой нужды не было.

В ходе решения поставленных Петром I задач по выявлению и сохранению строевого леса стало очевидным, что дальнейшее развитие различных важнейших отраслей хозяйства потребует значительных объемов лесных ресурсов и, соответственно, определенной регламентации в их использовании. Существенным импульсом к появлению лесов, которым уделялось особое внимание, явилась обширная серия указов Петра, направленных на решение главной задачи – выявление и сбережение лесных ресурсов для нужд кораблестроения. Особое значение в этом отношении имел указ от 19 ноября 1703 г. «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону до 50, а от малых до 20 верст»². Описание производилось независимо от того, кому принадлежал лес. Сохранение лесных угодий предусматривалось, прежде всего, в местах, удобных для недорогой перевозки, т. е. вблизи судоходно-сплавных рек.

На территориях, подлежащих описанию, запрещалась рубка таких пород, как дуб, клен, ильмовые, лиственница и сосна (последняя – определенных размеров). Так, в начале XVIII столетия появились особые заповедные леса, отдельные участки которых сохранились до настоящего времени (Шипов лес, Теллермановская роща в Воронежской области и др.). Наказания, штрафные санкции за нарушение петровских указов были необычайно суровыми. За срубленный дуб или значительную порубку прочих заповедных деревьев виновного ожидала смертная казнь или отправка на многолетние каторжные работы «с вырезанием ноздрей».

Кроме общих указов о назначении заповедных пород для нужд Адмиралтейства, были выделены определенные массивы лесов по берегам Невы, Тосны, Охты (в семи верстах от берега) и на двух верстном расстоянии от прочих притоков Невы³. По особым указам берегались заповедные леса, расположенные вблизи сплавных рек Мсты, Свири, Паши, Волхова, Ловати, Шелони, Полы и их притоков, служивших важнейшими водными путями для доставки корабельной древесины в Петербург⁴. Строгий надзор за лесами осуществлялся в Ладожском и Шлиссельбургском уездах⁵. Указ, подтверждавший суровое наказание за рубку лесов, объявленный в 1703 г., появился и в январе 1718 г.⁶ Распоряжения Петра, направленные на сохранение заповедных лесов, учреждение в них охраны, описание, межевание, превратились в ежегодные действия и распространялись не только на территорию, ближайшую к Петербургу, но и на такие отдаленные местности, как Казанская и Астраханская губернии⁷. В 1719 г. были определены функции «по смотрению и бережению» лесов в лице чинов Адмиралтейств-коллегии, ставшей на ближайшие десятилетия основным учреждением, ведавшим лесным хозяйством страны⁸.

Основная часть всех предписаний в 1720-е годы нашла отражение в двух документах: Инструкции от 19 июля 1722 г., данной обер-вальдмейстеру Глебовскому, и широко известной, так называемой обер-вальдмейстерской инструкции от 3 декабря 1723 г., положения которой действовали многие годы⁹. Этот документ преследовал лишь одну цель – создание лесного фонда исключительно для кораблестроения. Штрафы были несколько смягчены, хотя за умышленный поджог леса по-прежнему грозила смертная казнь. Не утрачивали своей силы и указы, направленные, по мнению законодателя, на употребление древесины (например, веками бытовавший обычай хоронить в дубовых гробах, использовать «топорные» доски вместо «пилёных» на строительство судов и т. д.).

В «лесных» указах Петра I просматривалось пренебрежение к правам лесовладельцев, что создавало в обществе мнение о лесных

ресурсах как о государственном достоянии. А суровость наказаний за лесопользование могла сравниться лишь с карой за преступления государственной важности. Однако политика Петра вполне соответствовала духу времени и взглядам на этот предмет во всех европейских государствах, где, как правило, за правительством признавалась верховная власть над лесами. Во Франции, например, действовали законы, разработанные в 60–70-е годы XVII в. при участии известного государственного деятеля Ж.Б. Кольбера, министра Людовика XIV. Знаменитый «Ордонанс вод и лесов» узаконил использование для флота не только казенного леса, но и частновладельческого. Подобные законы во имя обеспечения нужд народного хозяйства были приняты в Дании и Германии¹⁰.

Однако основные нормы петровских указов в последующие десятилетия все более и более расходились с реальной действительностью. Все явственней стали обозначаться и обостряться проблемы, связанные с собственностью на леса. Резкое увеличение спроса на древесину (на нужды строительства, топлива и внешней торговли) порождало в лесной сфере множество жалоб и разбирательств. Тем не менее законодательная основа в отношении корабельных лесов, заложенная в первой четверти XVIII столетия, просуществовала без радикальных перемен почти до 80-х годов, т. е. до знаменитого указа 1782 г. Екатерины II о предоставлении частных лесов в полное распоряжение их владельцев¹¹. Однако, заботясь о лесах, идущих на нужды кораблестроения, Екатерина в 1786 г. обнародовала следующее предписание:

Из лесов, данных заводам и фабрикам, также всем селениям и деревням, ведомству директоров домоводства отделить, окопать рвами и беречь на государственное кораблестроение пятые части высокоствольных лесов 1-й и 3-й статей во всех лесных дачах, выбирая преимущественно участки вдоль больших судоходных рек и притоков их, лежащих также по морскому берегу и близ морских пристаней¹².

Эти «пятые части» превратились в так называемые заказные рощи.

С 1797 г. лесное хозяйство оказалось под пристальным вниманием и Павла I, проявлявшего особый интерес к речному и морскому судостроению и – как следствие этого – к лесным ресурсам. В инструкции форстмейстерам (ученым лесоведам) от 12 марта 1798 г. Павел подтвердил необходимость выявления заказных корабельных рощ¹³. В этот же год был создан Лесной департамент, функционирующий некоторое время в ведомстве Адмиралтейств-коллегии, власть которой распространялась и на корабельные леса. Название

«заповедные» леса, необходимые для флота, сохранялось до 1802 г., когда на основе Устава о лесах, утвержденного 11 ноября 1802 г., были созданы комиссии «для проведения в известность государственных лесов». В инструкции, подготовленной для этих комиссий, название «заповедные» было заменено на «корабельные». Под ними подразумевались произраставшие на хорошей почве, от больших рек в стороны на 100, а от малых на 25 верст дубовые, лиственничные и сосновые мачтовые деревья¹⁴. Само понятие «заповедные леса» постепенно исчезло из практики и официальных документов.

После учреждения Департамента госимуществ в 1811 г. корабельные леса отграничили от всех прочих государственных. Однако широкомасштабное выделение заказных рощ началось лишь с 1819 г., т. е. после того как начал действовать специальный Устав о корабельных лесах 1817 г.¹⁵ Все они подверглись административно-территориальному делению, составившему три округа: Низовой, Северный и Западный. В состав Низового округа были включены корабельные леса восьми губерний: Вятской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской. В основном это были массивы дубовых и сосновых (мачтовых) деревьев, произраставших в бассейне Волги. Они предназначались для Балтийского флота, Каспийской флотилии и Казанского адмиралтейства. Для последних двух часть лиственничного леса поступала дополнительно и из Пермской губернии. В Северный округ вошли Архангельская и Вологодская губернии, где в бассейне Северной Двины были сосредоточены корабельные лиственничные, сосновые большемерные и мачтовые леса, в которых нуждалось Архангельское адмиралтейство. Дубовые леса на северных землях отсутствовали, и заготовка их велась в Костромской, Вятской и Казанской губерниях. Некоторое количество корабельного леса сюда также шло из Пермской губернии. Западный округ объединял в своем составе корабельные лесные массивы в Могилевской, Минской, Киевской губерниях (в бассейне Днепра). Из первых двух губерний часть корабельного леса по Западной Двине можно было доставлять на верфи Балтийского флота¹⁶. Дополнительно для Петербургского адмиралтейства и балтийских портов на строительство военных и транспортных судов малого ранга лес поставляли из Олонецкой, Петербургской и Новгородской губерний. К Рижскому и Ревельскому портам для ремонта военных судов и для прочих портовых надобностей корабельная древесина частично заготавливалась в Лифляндии и Эстляндии¹⁷.

Во главе каждого округа стояло правление, на которое возлагались как забота о благополучном состоянии корабельных рощ,

так и их эффективное использование. Но надзор за корабельными лесами, выделение их из состава прочих государственных лесных дач, составление планов и описаний оставались на обязанности чиновников Лесного ведомства. Состав окружных правлений имел обширные штаты: советники (среди них корабельные инженеры и ученый форстмейстер (лесничий), канцеляристы, комиссионеры (для поиска, заготовки и вывоза леса), помощники корабельных инженеров (наблюдали отделку, сортировку и сдачу лесоматериалов флоту), комендоры, подрезчики, плотники, пильщики и другие мастеровые. Однако, несмотря на «раздутые» штаты, окружные правления явно не справлялись со своей важнейшей обязанностью – содержать в нужном состоянии корабельные леса, тем более что выделы их и в 40-е годы не прекращались. Следует отметить и то, что ежегодная работа в корабельных лесах имела значительные масштабы. Каждую весну окружное правление отправляло в ряд губерний особые партии «приисщиков» и заготовителей (под присмотром ученых лесничих и тиммерманов – корабельных плотников), снабженных картами и планами корабельных лесов. Вырубки велись под наблюдением указанных лесных чиновников. Здесь же, на местах, корабельные мастера и их помощники осуществляли сортировку и отбраковку деревьев. В обширном Низовом округе заготовку (рубку и вывозку) корабельных лесов производила специально выделенная для этой цели одна из категорий государственных крестьян из татарских, мордовских, марийских и других селений, так называемые лашманы (*нем.* laschen – обрубить, обтесывать, mann – мужчина, человек). Вместе с увеличением объема заготовок число лашманов постоянно увеличивалось. Эта одна из тяжелейших повинностей к 1817 г. охватила около 1 млн человек. Сокращение этого количества осуществилось лишь после многолетней борьбы лашманов (было оставлено 120 тыс. человек). И лишь благодаря социоэкономическим сдвигам, образованию рынка наемной силы и постоянных попыток поволжских крестьян освободиться эта повинность была отменена¹⁸. В других округах заготовка осуществлялась разными способами – нередко путем «нарядов местных поселян по сдельной плате»; в Западном округе найм рабочей силы производился через комиссионеров. Во второй половине XIX в. заготовительные работы и подвоз к конечным пунктам отправки производился путем найма.

К 40-м годам XIX в. находить участки леса под корабельные рощи становилось все сложнее. Если раньше нужные вырубки осуществлялись на расстоянии не далее 25 верст от рек, то теперь обнаружение их чаще всего происходило нередко за 50 и более

верст от пристаней. Необходимое количество большемерных корабельных деревьев ежегодно отправляли «приисщиков» искать в бассейны рек Ветлуги, Вятки, Унжи. Отборные экземпляры сосен (для крупнокалиберных частей кораблей) можно было найти лишь за 80–100 верст от сплавных рек. География поисков высококачественной корабельной древесины постоянно расширялась, все больше захватывая западные губернии и Север. Рощи отделялись от прочих лесов просеками, от полей – межами. Так, в Низовом округе (Казанская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Симбирская, Оренбургская и Вятская губернии) к 1828 г. было выделено 238 рощ на 358 тыс. десятинах. Приоритетное положение корабельных лесов предъявляло к ним и особые требования. Кроме качеств обычного строевого леса, корабельный должен был отличаться особыми свойствами, необходимыми в деле кораблестроения. При этом мачтовыми деревьями признавались лишь те, которые могли дать бревно в длину не менее 19,5 м, с диаметром на высоте 6 м – около 51 см, а в отрубе – 30,5 см. Обычно сосна становилась пригодной на мачты лишь со 150-летнего возраста. Лиственница достигала размеров, позволяющих считать ее полноценным корабельным материалом, только в возрасте 150–200 лет. Самые крупные части кораблей требовали дубовых деревьев в возрасте 350 лет¹⁹. Для строительства одного 60-пушечного корабля нужно было 1700, для 100-пушечного – более 6000 большемерных деревьев. В среднем на постройку корабля выделялось до 3000 деревьев. В первой четверти XVIII в., когда шло интенсивное создание флота, на кораблестроение (без учета малых судов) ежегодно использовалось до 84 000 большемерных деревьев дуба и сосны. В период 1726–1762 гг. строительство сократилось почти в три раза, соответственно уменьшились и поставки древесины. В первой половине XIX в. ежегодные расходы не превышали 99 000 корабельных деревьев. Но заготовки, как правило, более чем в два раза превышали поступления, так как на пристанях всегда отбраковывалось не менее 45 % древесины. Часть ее попадала в продажу, а около 10 % леса терялось в пути к пристаням²⁰.

Низовой округ сразу после утверждения открыл свое правление в Казани, которое в первые же годы своего существования стало заниматься выделом корабельных рощ. Часть рощ, особенно в Вятской и Казанской губерниях, действительно представляли собой участки с отборным, высококачественным корабельным лесом. Но во многих уездах Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерний отводили под рощи леса, мало отвечающие предъявляемым требованиям. Многие из них вообще не имели дубовых насаждений и нередко преобладающей породой являлись осина и липа.

Значительные злоупотребления при заготовке корабельных лесов, неупорядоченная тяжелая служба лашманов в Низовом округе вызвали необходимость создания в 1826 г. Комитета, в задачу которого входило детальное исследование положения дел в корабельных рощах и «приведение в известность» этого вида леса. Материалы, собранные представителями Комитета в 30-е годы, послужили основой для дальнейшей корректировки постановлений о корабельных лесах, об управлении и эксплуатации этих важнейших лесных ресурсов. Основой для этой работы послужили документы, полученные от представителей Морского ведомства, обследовавших корабельные рощи. Так, побывавший в Низовом округе вице-адмирал Рожнов обнаружил в Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Казанской губерниях «разнокалиберные» корабельные рощи, каждая из которых могла быть площадью от двух–трех до нескольких сотен десятин. Средние из них достигали 3–5 тыс. дес. «Величайшая из всех корабельных рощ» встретилась в Лукояновском уезде Нижегородской губернии (Починковская – вблизи с. Печи), площадь которой насчитывала 16 500 дес. Однако существовали и более грандиозные по своим размерам рощи. Так, Большая Сурская роща начиналась в 10 верстах ниже г. Курмыша и простиралась по р. Суре до границы с Алатырским и Ядринским уездами почти на 70 верст. Она делилась на пять частей, среди которых выделялась средняя часть – между селами Четай и Ходар, занимая площадь в 18 167 дес.²¹

Состояние лесных насаждений в рощах было различным. Так, в известной Починковской роще имелся дуб, в основном непригодный для кораблестроения (множество экземпляров испорчено подсежкой, с гнилой сердцевиной и т. п.). Роща оказалась нечищенной, забитой валежником, просеки заросли, межевые столбы если и попадались, то более всего походили на кольца, нежели на какие-либо знаки. Вывоз леса из рощи осуществлялся на Кабаноскую пристань на р. Мокше, для чего нужно было преодолеть 50 верст сухопутной дороги. Прочие ближайшие рощи, осмотренные Рожновым в Нижегородской губернии, оказались в таком же состоянии. Самое ближайшее расстояние до пристаней р. Суры было не меньше 25–35 верст. Почти такая же картина открылась ревизору и в Тамбовской губернии. Выяснилось, что младшие лесничие (унтер-форстеры) сведений о рощах не имели, а сторожа из ближайших селений надежностью не отличались. Некоторые поляны внутри рощ были заняты под сенокосы. Во многих местах были заметны следы самовольных вырубок. Так, после осмотра Анаевской рощи (4150 дес.) по р. Вад в Спасском уезде Тамбовской губернии Рожнов в своем рапорте отметил:

Вольная порубка корабельного леса производится в большом количестве и с наглой дерзостью и насильством противу караульных, что наиболее производят крестьяне Анаевской волости, неповинуясь даже земским чиновникам и ферстерам²².

Количество роц по настоянию Морского ведомства продолжало увеличиваться, но состояние их мало изменялось к лучшему. В 1833 г. директор Департамента корабельных лесов генерал-лейтенант Орловский поставил вопрос о новой ревизии роц с целью выявления и сохранения среди них лишь тех, которые действительно могли снабжать флот нужными лесными материалами. В итоге осмотра корабельных лесов в Нижегородской, Пензенской, Вятской, Казанской, Пермской, Оренбургской и Тамбовской губерниях стало очевидно, что под корабельные рощи выделены огромные площади, но на всех участках, откуда был возможен незатруднительный вывоз леса, корабельные деревья уже вырублены²³.

Ревизия начала 30-х годов XIX в. показала, что в Низовом округе под корабельные рощи было выделено 809 304 дес. леса, в Балтийском округе 480 000, при этом нарезка леса под рощи в эти годы там еще продолжалась. В Северном округе лиственничные и сосновые мачтовые леса, составлявшие более 18 млн. дес., считались «неприкосновенными для других ведомств», но выдел роц там еще не начинался²⁴. В целом положение дел в корабельных рощах после проведения ряда ревизий несколько улучшилось (кроме государственных лесничих появились еще и лесные чиновники от Морского ведомства, была усилена охрана). Но такая организация управления с двойным надзором порождала постоянные конфликты между чиновниками лесного ведомства и Морского министерства. Лесной департамент обвинял представителей Департамента корабельных лесов в уклонении от прямых обязанностей, связанных со своевременным освидетельствованием корабельных лесов, правильным их клеймением и т. п. В свою очередь, Морское министерство считало, что Лесной департамент при заготовках ведет нерациональные рубки лесов, осуществляет неумеренную продажу и проч. Однако усиленная, практически двойная охрана корабельных лесов, их особый статус, постоянные ревизии лесных чиновников возымели положительный результат. Именно в корабельных рощах производилось менее всего незаконных опустошительных рубок, в них время от времени закладывались площади под новые насаждения самых ценных древесных пород. Крестьяне опасались использовать древесину из корабельных роц и чаще всего «обходили их сто-

роной». В 1844 г., когда в Госсовете рассматривался проект нового «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», Морское министерство прислало свое заключение о главах, касавшихся наказаний за преступления и проступки, наносившие ущерб доходам казны. Оно отметило необходимость включения статей, посвященных рассмотрению нарушения Устава о корабельных лесах. При этом особо подчеркивалось, что наказания за порубки собственно казенных лесов и корабельных рощ не могут быть одинаковыми. Хищение и порча корабельных деревьев требовали оценки по особой, более строгой, шкале, что также приостанавливало незаконное сведение ценных лесов²⁵.

Тем не менее в конце 40-х годов встал вопрос об окончательной передаче корабельных лесов в Лесное ведомство. В этот период по-прежнему функционировали три округа корабельных лесов – Низовой, Северный и Балтийский. Из ряда участков корабельных лесов, не вошедших по разным причинам в эти округа, были составлены отдельные лесничества (в Нижегородской, Воронежской, Олонецкой и Пермской губерниях), которые остались в непосредственном ведомстве Департамента корабельных лесов. Опыт работы в корабельных лесах показал, что Морское министерство никогда не могло иметь на местах достаточное количество квалифицированных кадров и охраны. При этом требования Морского ведомства, предъявляемые к поставкам корабельной древесины, не учитывали состояния лесных ресурсов. Правительство пришло к решению, что Министерство госимуществ будет более успешно справляться с обеспечением флота корабельным лесом. За Адмиралтейским ведомством оставалось право пользоваться корабельными лесами, самостоятельно делать выборку нужной древесины и доставлять ее к верфям. Окружные управления, как изжившие себя, ликвидировались²⁶. При передаче корабельных лесов в Лесное ведомство в 1849 г. были описаны все корабельные рощи в 17 губерниях (Архангельской, Владимирской, Вологодской, Вольнской, Воронежской, Вятской, Казанской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Олонецкой, Пензенской, Симбирской, Таврической, Тверской). Общий итог – под корабельными лесами находилось 1 559 297 дес. Кроме того, для Петербургского адмиралтейства и Кронштадтского порта «на вечные времена» ежегодно выделялось из Олонецкой губернии (Олонецкий, Петрозаводский, Лодейнопольский, Вытегорский, Пудожский и Повенецкий уезды) 80 000 деревьев на 1 257 496 дес. В целом вместе с этой площадью Морскому министерству было предоставлено 2 816 793 дес. леса²⁷.

Неудобства от «раздвоения власти» над корабельными лесами были очевидны как для Морского министерства, так и для Лесного департамента, но разделение функций затянулось на несколько лет. И лишь с декабря 1853 г. основные обязанности по отношению к корабельным лесам перешли к чиновникам Министерства госимуществ, хотя Морское ведомство продолжало оставаться причастным к заготовке и доставке корабельной древесины. Однако и оно вскоре предоставило снабжение всех адмиралтейств путем закупки леса у частных лиц, отказавшись от права брать леса беспошлинно из казенных дач. Это привело в 1859 г. к окончательной ликвидации Департамента корабельных лесов. Лесной департамент Министерства госимуществ получил в полное распоряжение обширный фонд корабельных лесов, который явно превышал потребности российских верфей и портов. Естественно, в разные периоды требовалось неодинаковое количество корабельной древесины – были годы, когда на некоторых верфях не строилось ни одного корабля. В конце 1840 – начале 1850-х годов самым крупным адмиралтействам – Кронштадтскому и Петербургскому – ежегодно требовалось около 130 тыс. куб. футов, что составляло ничтожное количество леса по отношению к имеющимся площадям. Однако адмиралтейские наряды-заявки зачастую составлялись с учетом того, что далеко не весь затребованный лес доходил до потребителя. Так, в 1851 г. из Низового округа по адмиралтейской заявке для Петербурга требовалось 14 571 штук дубовых, лиственничных и сосновых деревьев – 672 550 куб. фут., а заготовлено и доставлено – 176 157 куб. фут.²⁸ В 1853 г. для постройки 74-пушечного корабля в Архангельске понадобилось 27 748 штук бревен, брусьев, сосновых мачт, рангоутов, деревьев с корнями и проч., а прибыло 37 145 штук²⁹.

При передаче корабельных лесов в Министерство госимуществ особенно остро стоял вопрос о состоянии их в западных губерниях. Контр-адмирал Истомин, обследовавший эту территорию в 1853 г., писал, что леса в этих губерниях уже «не представляют особого изобилия» и «в будущем ужасают невозможностью обеспечивать потребности черноморского флота, если не будет обращено особое внимание на сохранение казенных лесов этого края собственно для надобностей адмиралтейских»³⁰. Он, предлагая всевозможные меры для экономного расходования корабельных лесов, считая, в частности, что заготовку леса следует поручать не комиссионерам, а флотским инженерам, особое внимание обращал на создание питомников с целью заведения новых дубовых лесов. Предложения Истомина нашли поддержку в правительстве.

Подсчеты, осуществленные в 1859 г., когда корабельные леса окончательно перешли в ведение Министерства госимуществ, показали, что в европейской части России сохранилось 1206 роц на площади в 1 983 344 дес.³¹ В декабре 1859 г. часть корабельных лесов была передана в Департамент уделов: в Вологодской губернии 14 роц на 5459 дес. 1942 саж.; в Архангельской 51 роца – на 28845 дес. 1502 саж. Помимо массовой передачи в Вологодской и Архангельской губерниях, в Удельное ведомство отошли отдельные роци в ряде других мест: в Вятской губернии, Уржумском уезде – 471 дес. 2088 саж.; в Казанской губернии – 303 дес. 1370 саж.; в Костромской губернии – 9391 дес.; в Новгородской губернии – 614 дес. 1500 саж.; в Пермской губернии (роци Пермской и Вятской губерний находились в ведении Сарапульской конторы) – 12 492 дес. 1022 саж.; по Алаторской конторе – 1774 дес. 216 саж.; по Симбирской конторе – в даче – 499 дес. 1417 саж. Общая площадь отошедших к Департаменту уделов корабельных роц составила 59 852 дес. 1457 саж.³²

Итак, корабельные леса влились в общую структуру государственных лесов после 150-летнего периода самостоятельного существования. 10 февраля 1860 г. Министерство госимуществ утвердило «Инструкцию для устройства корабельных роц», чем подчеркивалось в определенной мере особое отношение к флотским лесным ресурсам. Первый параграф инструкции гласил: «Корабельные роци и усвоенные флоту леса оставляются в прежних границах, за ними удерживается их прежнее название и их граничные знаки». Там, где роци граничили с крестьянскими лесами, предлагалось вырыть каналы в 1,5 аршина глубиной при двух аршинах ширины по верху и при одном аршине – по дну. Из дорог оставлялись только те, что были необходимы для сообщения между селениями. В начале и конце дорог ставились столбы с названиями роц и их величиной. Для лучшего сбережения молодых насаждений создавались заказные части. Роци делились на кварталы – 1–4 кв. версты. Величина ежегодного отпуска определялась по оборотам рубки. Если лес имел возраст 60 лет и оборот рубки составлял 160 лет, то роца делилась на 100 частей и ежегодно вырубалась только одна часть, причем только «спелые» деревья. Нормы вырубki для флота определялись таксаторами. Продажа леса из роц осуществлялась с торгов³³.

Крупные лесные образования (в первую очередь многие годы функционирующие округа) определили специфические условия развития значительной территории в Европейской России. По многим рекам Среднего Поволжья (Вятке, Каме, Волге, Суре, Сви-

яге) были сформированы крупные пристанские производственные структуры, откуда шла отправка корабельных лесов к портам Архангельска, Санкт-Петербурга, Астрахани и безлесным территориям Донского края. Лесом, произраставшим на территории бывшего Низового округа, снабжалась горнозаводская промышленность Урала, сформировались и поддерживались лесообрабатывающее производство и различные промыслы. На Севере широкое использование корабельных лесов, помимо снабжения судостроительной промышленности, определило специфические условия развития данной территории, оказало значительное влияние на социально-экономический рост территорий, связанных с заготовкой и отправкой древесины. Оно способствовало развитию многих отраслей деревообрабатывающей промышленности и лесной экспортной ориентации региона. Разработка лесных ресурсов западных губерний позволила создать условия для бесперебойных поставок высококачественной древесины в портовые структуры Санкт-Петербурга, Кронштадта и Нарвы, создала возможность организации лесных внешнеторговых операций через Рижский порт.

В целом ресурсы, связанные с корабельными лесами, в значительной мере обусловили в рассматриваемый период развитие базовых макроэкономических функций, нацеленных на лесопромышленность, транспорт, дорожное строительство, лесную внутреннюю и внешнюю торговлю, способствовали геоэкономической целостности Северного, Средневолжского и Западного регионов.

Примечания

¹ *Леонов Л.М.* Русский лес. М., 1991. С. 208.

² ПСЗ-1. Т. 4. № 1950.

³ Там же. Т. 6. № 3548.

⁴ Там же. Т. 4. № 2607.

⁵ Там же. Т. 5. № 3440.

⁶ Там же. № 3149.

⁷ Там же. Т. 6. № 3593.

⁸ Там же. Т. 4. № 2017.

⁹ Там же. Т. 6. № 4060 и Т. 7. № 4379. Вальдмейстеры – особые чиновники, следившие за исполнением «лесных» указов.

¹⁰ *Истомина Э.Г.* Лесоохрнительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечеств. история. 1995. № 4. С. 36.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 21. № 15518.

¹² Там же. Т. 24. № 17564.

- ¹³ ПСЗ-1. Т. 25. № 18429.
- ¹⁴ Там же. Т. 27. Устав о лесах 1802 г. Ст. № 38; *Шелгунов Н.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 349–350.
- ¹⁵ ПСЗ-1. Т. 34. № 27023.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22634. Л. 96.
- ¹⁷ Там же. Л. 96–100.
- ¹⁸ *Клеянкин А.В.* Ясашные крестьяне и старослужилые люди Среднего Поволжья на адмиралтейских работах в XVIII – первой половине XIX в. // *Вопр. аграр. истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период.* Йошкар-Ола, 1978. С. 51–55.
- ¹⁹ *Редько Г.И.* Учебное пособие для студентов Лесотехнической академии. Л., 1984. С. 7–10.
- ²⁰ Там же. С. 17–18.
- ²¹ РГАВМФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 72. Л. 10–15, 25.
- ²² Там же. Л. 20.
- ²³ Там же. Д. 223. Л. 6–6 об., 11–12.
- ²⁴ Там же. Л. 9–11.
- ²⁵ Там же. Д. 555. Л. 42–47.
- ²⁶ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21705. Л. 33–35.
- ²⁷ Там же. Л. 39–39 об. (без западных губерний).
- ²⁸ *Арнльд Ф.* К истории Русского государственного управления // *Лесной журнал.* 1886. Вып. 6. С. 547–551.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 895. Л. 87–90.
- ³⁰ Там же. Д. 868. Л. 4.
- ³¹ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22634. Л. 105.
- ³² Там же. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22634. Л. 36–38.
- ³³ Там же. Д. 22304. Л. 15–21.

Благоустройство Москвы и Городская дума в 1797–1799 гг.

В статье показана роль Городской думы в мероприятиях по благоустройству Москвы в начале царствования Павла I вплоть до введения новой системы общественного управления старой столицей весной 1799 г. Особое внимание уделено влиянию на работу Думы распоряжений императора. Дается характеристика произошедших в 1797–1798 гг. изменений компетенции Думы в вопросах, связанных с проблемами благоустройства города. Рассматривается деятельность Думы по регулированию городской торговли и организации переправ через Москву-реку.

Ключевые слова: Городская дума, городское благоустройство, Павел I, оброчные статьи, мощение мостовых, пожары, переправы.

В ноябре 1796 г. после смерти императрицы Екатерины II на престол вступил ее сын, император Павел I. В начале его царствования активизировались работы по благоустройству старой столицы. По распоряжению императора было возобновлено строительство городского водопроводного канала, продолжилось благоустройство набережных Москвы-реки, проводились мероприятия по очистке р. Яузы. Городская дума не принимала участия в этих мероприятиях. Основная ответственность за их проведение ложилась на московских военных губернаторов, Экспедицию кремлевского строения, Управу благочиния (полицию) во главе с обер-полицмейстером и инженеров-строителей. В то же время согласно 167-й статье «Городового Положения» городское благоустройство находилось в том числе и в ведении Думы. Шестым пунктом 167-й статьи ей предписывалось «наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребнаго, о заведении

площадей для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно»¹. В данной статье проанализирована роль первой Думы в мероприятиях по благоустройству Москвы в последний период ее работы, при этом речь пойдет только о Шестигласной думе, так как изредка собиравшаяся Общая дума в этот период времени не выносила решений по интересующим нас вопросам.

В начале правления Павла I на деятельности Думы продолжали сказываться негативные тенденции, обнаружившиеся еще в екатерининское царствование. Губернская администрация по-прежнему стремилась контролировать каждый шаг учреждения общегородского самоуправления. В свою очередь, гласные находились под давлением городского головы. Немногочисленные инициативы Думы не получали поддержки со стороны высшего начальства. Дума оставалась купеческо-мещанской по своему составу. Отсутствовало взаимодействие между общегородским и дворянским самоуправлением. Негативное влияние на работу Думы имели пробелы и противоречия екатерининского законодательства. Ее компетенция и взаимоотношения с другими учреждениями были очень приблизительно обозначены в «Городовом Положении». Однако, несмотря на указанные затруднения, Дума продолжала работать, оказывая значительное влияние на экономику города.

Проблемы городского благоустройства в деятельности Московской думы затрагивались в работах А.А. Кизеветтера², П.В. Сыгина³, Л.Ф. Писарьковой⁴. Исследователи обращали внимание на незначительность проводившихся Думой мероприятий по благоустройству столицы. Так, Л.Ф. Писарькова приходит к подобному выводу на основе анализа доходных и расходных статей совокупного бюджета Москвы за 1786–1792 гг. Статья «Благоустройство» включала в себя затраты на изготовление рыночных знамен и покупку весов для скотопригонного двора, платежи за наем помещения для аптеки и «музыку у Воскресенских ворот». Эти расходы были далеки от решения тех задач, которые входят в понятие «благоустройство»⁵. Между тем некоторые направления деятельности Думы на сегодняшний день остаются за рамками научных интересов историков. Особенно плохо изучена ее работа в начале царствования Павла I вплоть до ликвидации учреждения в связи с введением новой системы общественного управления столицей весной 1799 г.

Для решения поставленной задачи были актуализированы неизученные архивные источники из двух фондов ГБУ «Центральный

государственный архив города Москвы» (ЦГА г. Москвы). В фонде 14 (Московские городские Общая и Шестигласная думы) привлекались погодные журналы и протоколы заседаний Шестигласной думы. В фонде 16 (Управление московского генерал-губернатора) были выявлены документы, проходившие через канцелярию московских военных губернаторов. Характеристика деятельности Думы в начале правления Павла I потребовала актуализации отдельных документов и из Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В фонде 263 (V департамент Сената) интерес вызвали журналы и протоколы заседаний 5-го московского департамента Сената, который контролировал деятельность находившихся в Москве центральных и местных учреждений. Департамент отвечал на запросы Губернского правления, некоторые из которых касались изменений в работе Думы в связи с претворением в жизнь указов и распоряжений Павла I. В фонде 16 (Внутреннее управление) была проанализирована переписка о водоснабжении Москвы за 1797–1803 гг. Актуализация новых архивных материалов необходима для оценки степени эффективности и выявления конкретных результатов работы Думы по тем направлениям деятельности, которые имели отношение к проблемам благоустройства столицы.

Привлекая материалы перечисленных выше архивных фондов, рассмотрим изменения в работе Думы в начале павловского правления. В 1786–1796 гг. проблемы благоустройства в деятельности Думы были тесно связаны с отдачей в содержание оброчных статей. Так назывались объекты городской собственности, сдававшиеся с торгов в аренду просителям (купцам и мещанам). Они служили важным источником поступления доходов в бюджет города. К ним относились весы, подвижные лавки, оброчные земли, рыбные ловли, лодочные перевозки, платьемойные плоты, водопойные и конопойные проруби. При Павле I в 1797–1798 гг. произошло сужение компетенции Думы в вопросах эксплуатации оброчных статей, из-за чего по некоторым из них прекратились поступления в городской бюджет. Так, Дума потеряла право отдавать в оброчное содержание весы. 9 февраля 1797 г. в Думе рассмотрели сообщение от полицмейстера П.Н. Каверина о торговых площадях, где указывалось на завышение цен арендаторами за пользование весами, отмечалось, что торговые флаги «пришли в совершенную ветхость», а многие торговые площади не мощены⁶. Полицмейстер потребовал от Думы поставить новые весы и флаги и вымостить площади. 8 мая 1797 г. обер-полицмейстер вошел в присутствие Думы и объявил собравшимся устное соизволение Павла I:

1е чтоб на Москве-реке впредь никаких шелашей не было для торговли во оных; 2е чтоб все торговые площади мостить от Шестигласной думы и иметь на оных весы сходственно с Городовым Положением для всех приезжающих на торг даром, также флаги иметь на всех площадях⁷.

Таким образом Думу лишили одного из источников дохода, но при этом расширили ее полномочия, вменив в обязанность мощение торговых площадей⁸.

Вероятно, инициатором указа от 8 мая 1797 г. был не Павел I, а П.Н. Каверин, обер-полицмейстер сам активно занимался благоустройством Москвы. В 1797 г. он иногда контактировал с императором по этому поводу напрямую, т. е. в обход московских властей. Так, в 1797 г. П.Н. Каверин доносил военному губернатору Москвы князю Ю.В. Долгорукову, что государь приказал ему посадить березки в Белом городе, на что требовалось 16 560 рублей. Военный губернатор отвечал, что на это он ни повеления, ни денег у себя в распоряжении не имеет⁹. Следует обратить внимание и на тот факт, что передача в ведение Московской думы мощения торговых площадей противоречит общему направлению политики Павла I в области городского самоуправления, направленной в целом на сужение компетенции екатерининских городских учреждений.

По поводу необходимости исполнения устного указа Павла I от 8 мая 1797 г., переданного через обер-полицмейстера, у Думы возникли вопросы (по законодательству обер-полицмейстер не относился к категории чиновников, которые были правомочны передавать устные распоряжения императора¹⁰), в связи с чем она апеллировала к Губернскому правлению¹¹ и 5-му департаменту Сената¹². В конечном итоге ответственность за исполнение устного указа была переложена на управляющего гражданской частью в Москве и Московской губернии военного губернатора князя Ю.В. Долгорукова, который издал отдельные предписания о размещении шалашей¹³ и об установке казенных весов и флагов на торговых площадях. О мощении торговых площадей общего распоряжения военного губернатора не последовало.

19 августа 1797 г. Ю.В. Долгоруков приказал Управе благочиния наблюдать за тем, чтобы никто не строил шалашей на льду Москвы-реки. В тот же день военный губернатор сообщил Шестигласной думе, что по требованию Я.Е. Сиверса предписал полиции следить, чтобы реки в Москве не были засорены навозом и нечистотами. Ю.В. Долгоруков констатировал, что загрязнение Москвы-реки зимой происходит из-за размещения на льду шала-

шей для торговли щепным и прочим товаром. Вследствие этого и в соответствии с упомянутым устным указом Павла I он запретил Думе позволять постройку шалашей. 21 августа 1797 г. Дума приказала Купеческому обществу шалашные места больше из оброка не отдавать и прислать сведения о том, за какую сумму они были отданы¹⁴. 22 января 1798 г. вопрос рассматривался на Гражданском совете Купеческой гильдии, было решено полностью отказаться от содержания шалашей с исключением за них из оброчной суммы 931 рубля 98 ½ копеек¹⁵. 3 марта 1798 г. Дума отрапортовала об этом в Казенную палату¹⁶.

Более сложным представляется вопрос о передаче Шестигласной думе полномочий по мощению торговых площадей. Ю.В. Долгоруков не сделал общего распоряжения по данному вопросу. При просмотре документов за 1797–1799 гг. удалось обнаружить лишь единственное краткое упоминание об этом в связи с прошением купца Николая Сергеева сына Шевелева от 16 сентября 1797 г., где речь шла о площади рядом с Тверским лесным рядом по дороге от Триумфальных ворот к Тверской заставе (в 13-й Пресненской и 14-й Сушевской частях), на которую приезжают поселяне для продажи леса. Шевелев просил разрешения на казенной земле позади площади поставить для поклажи леса пять сараев. А поскольку вся площадь была в глубоких рытвинах, заполнявшихся водой в непогоду, особенно весной и летом, отчего «бывает неудобольствие такое, что во оные времена едва можно проехать чрез то место конным, а пешком и пройти никакого способу нет», он предлагал на свои деньги заровнять рытвины. По справке из Управы благочиния на площади имелся ветхий мост и были рытвины, что действительно создавало множество проблем в плохую погоду. По этому вопросу Дума обратилась за резолюцией к Ю.В. Долгорукову¹⁷. 15 октября 1797 г. в Думе заслушали «предложение» военного губернатора, который отказал в прошении Шевелеву, поскольку «площади назначены для привозу в город всего нужнаго к продаже, то и не должно оныя ничем застроивать», но при этом указал Думе, что «если приезд на той площади неудобен в грязное время, то Дума долг имеет, дабы удобнее было привозить все туда для продажи, исправить оную площадь и вымостить, где должно, что на ее попечение и относит». Однако в резолюции Думы про мощение площадей ничего не было сказано¹⁸.

Как видим, из всех частей устного указа императора от 8 мая 1797 г. полностью было выполнено только распоряжение о запрете размещать шалашы на льду Москвы-реки. К мощению торговых площадей и установке на них казенных весов Дума так и не приступила.

В документах Думы нашли отражение проблемы санитарно-гигиенического состояния реки Яузы, хотя сама Дума в этом участия не принимала. В 1797–1798 гг. меры по очистке и благоустройству берегов Яузы предпринимались по распоряжению Павла I, поскольку жители Немецкой слободы жаловались на неприятный запах, распространявшийся от загрязненной реки. В ходе работ в 1797 г. были спущены пруды на Яузе ниже Дворцового моста¹⁹.

В 1797 г. по распоряжению московских властей Дума вместе с Городовым магистратом выдвигала инициативы по борьбе с пожарами. 7 августа 1797 г. гласные узнали о том, что гражданский губернатор П.М. Козлов дал городскому голове В.Я. Жигареву копию указа 1-го департамента Сената с орденом, по которому Дума и Магистрат должны были решить вопрос о компенсации за утраченное имущество пострадавшим при пожарах и других «общественных нещастиях»²⁰. Однако военный губернатор этих инициатив не поддержал. Через П.М. Козлова Ю.В. Долгоруков сообщил Думе, что она «весма далеко уклонилась от предмета ей предлежащего и обратила внимание свое на часть ей непринадлежащую». Военный губернатор считал, что Московская полиция хорошо справляется с обязанностями по тушению пожаров²¹.

В 1798–1799 гг. Дума вместе с полицией обеспечивала действие переправы через Москву-реку, когда в весеннее половодье разбирался «живой» Москворецкий мост. С этой целью Дума выдавала изобретателю Н.И. Платонову разрешения на запуск паром «самолета» его собственной конструкции для перевозки пассажиров. Одновременно с паромом продолжали функционировать лодочные перевозки на Москве-реке и Яузе, сдававшиеся Думой купцам и мещанам в оброчное содержание.

16 марта 1798 г. гласные заслушали предписание первого военного губернатора Москвы И.П. Салтыкова. В преддверии вскрытия льда на Москве-реке он приказал Думе организовать перевоз военнослужащих, для чего, помимо вольного перевоза у Дорогомиловского, Москворецкого и Краснохолмского мостов, иметь наготове по четыре большие лодки. Военный губернатор также распорядился до починки Москворецкого моста на прежнем месте запустить паром «самолет». Обер-полицмейстер П.Н. Каверин требовал прислать к нему лодочников, которые должны были обслуживать лодки для перевоза военных, чтобы сделать им особое наставление. Вызванные в Думу по повестке перевозчики-мещане обязались, помимо малых лодок, держать для перевоза военнослужащих днем и ночью «без малейшей остановки» четыре большие лодки. С пере-

возчиками на основании Камер-коллежского регламента заключили контракт с поручительством и выдали им билеты с прописанием следующих условий:

1е чтоб лотки иметь твердые и безопасныя и все принадлежности исправныя; 2е брать за перевоз без малейшаго притеснения, пьяных к перевозу по известной опасности отнюдь не допускать; 3е лотки чрезмерным количеством людей не отягощать и сажать посколку от будущих для сего со стороны Полиции зрителей будет; 4е во время несчастных от пожара и от наводнения случаев быть им как днем, так и ночью порою безотлучно и имеющим нужду подавать руку помощи; 5е сверх полного перевоза для военнослужащих иметь всегда в готовности четыре большие лотки, коих перевозить поспешно, не требуя с них отнюдь никакого платежа, а в случае переезда воинской команды и всех вообще военнослужащих последует хотя малейшая остановка, то подвержены будут всякому законному взысканию²².

22 марта 1798 г. в Думу явился отставной коллежский регистратор Никита Платонов. Он выразил желание поставить на свои деньги у Москворецкого моста прочный и безопасный для перевозок паром «самолет» и перевозить на нем как военных, так и людей всякого звания, не требуя ни от кого никакой платы. Из городских доходов он просил на это 147 рублей. В Думе с Платоновым заключили контракт, оговорив в нем условия содержания парома:

1е паром называемой самолет иметь ему, Платонову, твердой и к перевозу прочной и все ко оному принадлежности исправныя; 2е за перевоз ему, Платонову, отнюдь ни с кого не брать, а перевозить как военнослужащих, а равно и всякаго звания людей даром; 3е оной паром чрезмерным количеством людей не отягощать, но сажать по сколку от будущих для сего со стороны зрителей назначено будет; 4е во время несчастных от пожара и от наводнения случаев быть ему, Платонову, и работникам ево в готовности как днем, так и ночью порою и имеющим нужду подавать руку помощи...

Половину денег отставному коллежскому регистратору должны были выдать в апреле, а оставшуюся часть после завершения постройки Москворецкого моста. О своем решении Дума постановила доложить обер-полицмейстеру П.Н. Каверину, чтобы Платонова допустили к содержанию, а за паромом организовали присмотр²³.

30 апреля 1798 г. на заседании Думы рассматривалось прошение Никиты Платонова о взятии в содержание «самолета» на четы-

ре года с платежом в городской бюджет 50 рублей в год²⁴. Впервые оно упоминается в документах Думы еще до того, как в нее поступило распоряжение И.П. Салтыкова об организации перевоза военнослужащих и запуске парома²⁵. Платонов хотел построить «самолет» на собственные деньги и брать с переезжающих только добровольную плату. Он планировал получать с людей за переезд не более одной копейки, а «казенных» и бедных перевозить бесплатно²⁶. К тому моменту изобретатель уже содержал паром на других условиях, и, судя по документам Думы за более позднее время, его прошение не было удовлетворено.

23 марта 1799 г. гласные заслушали «предложение» И.П. Салтыкова. Он приказал на одну весну на время разборки Москворецкого моста отдать в содержание паром Н.И. Платонову. Изобретателю в Шестигласной думе выдали билет на перевоз пешеходов у Москворецких ворот до возобновления моста. Он должен был построить прочный «самолет» из хорошей и твердой барки и на свои деньги содержать рабочих, а на случай опасности иметь две большие лодки. Платонову разрешалось взимать только добровольную плату с переезжающих по одной копейке с человека. Военных и «недостаточных» людей он был обязан перевозить бесплатно. Содержателю предписывалось лично наблюдать за безопасностью парома. Если же «самолет» к началу половодья приготовлен не будет или после его постройки при перевозе пешеходов «сделается остановка» или кто-то утонет, то за это Платонов понес бы ответственность в соответствии с указами. С него взяли обязательство в выполнении этих условий и приняли 80 рублей за содержание парома²⁷. 14 апреля 1799 г. обер-полицмейстер Ф.Ф. Эртель отпартовал второму военному губернатору И.П. Архарову, что «самолет» был за день до того спущен на воду в десятом часу по полуночи. Полицмейстер первого отделения засвидетельствовал его прочность и безопасность для перевоза людей²⁸.

Таким образом, при организации переправы через Москву-реку в весеннее половодье роль Городской думы обычно сводилась к выдаче разрешений и получению от содержателей доходов в московский бюджет. Реже Дума по распоряжению властей выделяла арендаторам средства из городских доходов. Постоянный же надзор за мостами и перевозами был вне компетенции Думы, его осуществляла Управа благочиния, которая должна была наблюдать за исправным состоянием дорог, улиц, мостов и переправ в городе, предместье и на городской земле²⁹. На деле нечеткость в законодательстве относительно разграничения функций Думы и полиции приводила к тому, что оба учреждения занимались решением разных аспектов одних и тех же проблем.

17 января 1799 г. Павел I распорядился упразднить Городскую думу³⁰. В тот же день он подписал «Устав столичного города Москвы». По нему заведывание городским хозяйством передавалось Камеральному департаменту Московского ратгауза, который подчинялся Департаменту Комиссии о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до Полиции относящихся³¹. Складывалась новая модель общественного управления Москвы.

Таким образом, при Павле I произошло сужение компетенции Думы в вопросах эксплуатации доходных мест. Тем не менее в 1797–1799 гг. Дума наряду с полицией продолжала играть важную роль в регулировании городской торговли и организации переправ через Москву-реку. В этих направлениях деятельности Дума влияла на благоустройство через выполнение отдельных распоряжений московских властей и отдачу в содержание оброчных статей. Главной целью значительной части принимавшихся Думой решений было увеличение доходов городского бюджета, который затем расходовался по усмотрению губернского руководства. Проблемы благоустройства города в этой системе часто отодвигались на второй план. Московские и центральные власти не привлекали Думу к проводившимся в этот период крупным мероприятиям по городскому благоустройству (благоустройство набережных Москвы-реки, строительство городского водопроводного канала). При решении проблем благоустройства столицы ей обычно принадлежала не главная, а вспомогательная роль. Однако эту роль нельзя недооценивать.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16188. С. 383.

² *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комменатария. М., 1909. С. 410–412.

³ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: В 3 т. М., 1954. Т. 2. С. 221–223.

⁴ *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 49–53.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Подробно о мостовых в Москве см.: *Щербо Г.М.* Московские мостовые за 900 лет. М., 1995.

⁷ ЦГА г. Москвы Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 163–163 об.; Д. 493. Л. 299 об.–300.

- ⁸ За мощение мостовых в Москве отвечала Управа благочиния и лично обер-полицмейстер, отчитывавшийся за состояние мостовых перед военным губернатором.
- ⁹ *Гастев М.С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. С. 164–165.
- ¹⁰ См.: ПСЗ-1. Т. 16. № 11592. С. 9, 10; № 11704. С. 107.
- ¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 163–163 об.; Д. 493. Л. 299 об.–300.
- ¹² РГАДА. Ф. 263. Оп. 2. Д. 76. № 74.
- ¹³ По всей вероятности, распоряжение Павла I о запрете ставить шалаши на Москве-реке наложилось на требования главного директора водяных коммуникаций Я.Е. Сиверса о содержании в чистоте московских рек от 28 апреля 1797 г. Доклад Я.Е. Сиверса был утвержден императором (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 585. Л. 2–4 об.). 27 мая 1797 г. ответственность за эти мероприятия была возложена на обер-полицмейстера (ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2974. Л. 384–386).
- ¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 261–261 об.
- ¹⁵ Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры / Сост. Н.А. Найденов. Т. 1. М., 1892. С. 173. № 4; *Кизеветтер А.А.* Гильдия Московского Купечества: Ист. очерк. М., 1915. С. 171.
- ¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 498. Л. 75–76.
- ¹⁷ Там же. Д. 493. Л. 277–290.
- ¹⁸ Там же. Д. 492. Л. 329 об.–330.
- ¹⁹ *Сытин П.В.* Указ. соч. С. 353–354.
- ²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 247, 259.
- ²¹ Там же. Л. 268 об.–269; Ф. 16. Оп. 3. Д. 2974. Л. 897–897 об.
- ²² Там же. Ф. 14. Оп. 12. Д. 498. Л. 93–94 об.
- ²³ Там же. Л. 105–105 об.
- ²⁴ Там же. Л. 163–164.
- ²⁵ Там же. Д. 503. Л. 69 об.
- ²⁶ Там же. Д. 498. Л. 163–164.
- ²⁷ Там же. Д. 517. Л. 96–97.
- ²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 225. Д. 239. Л. 1.
- ²⁹ ПСЗ-1. Т. 21. № 15379. С. 464.
- ³⁰ Там же. Т. 25. № 18821. С. 527–528.
- ³¹ Там же. № 18822. С. 528–540.

Отечественная война 1812 г.
и экономическое положение усадеб
Центральной России
(по материалам РГАДА)

Военные действия коснулись всех губерний Центральной России. В статье рассматриваются процессы, происходившие в имениях, прилегающих к району боевых действий. Речь пойдет о рекрутском наборе и о его влиянии на ведение хозяйства; о сборе продовольствия для армии; об усадебной экономике периода военных действий. Упомянется разорение хозяйств от воинских команд и беглых крестьян.

Ключевые слова: рекрутский набор, сбор продовольствия, армия, губерния, Центральная Россия, усадьба, дворянство, вотчина, крестьяне, Отечественная война 1812 г.

Русская усадьба уже не одно столетие является предметом изучения. Историки и искусствоведы, специалисты по генеалогии и садово-парковому искусству оставили многие страницы фундаментальных исследований, раскрывающих феномен, именуемый «усадебная культура». Особое место в изучении русской усадьбы принадлежит краеведению. Изучение повседневной жизни усадеб, судеб ее владельцев, словом, всего того, что именуется «бытованием», – вот аспекты, составляющие «краеведческий интерес» к данной теме. Есть и еще одна сторона усадебно-краеведческих исследований. Это выявление региональных особенностей усадеб, особенно когда это касается переломных моментов в истории российского общества.

Военные события 1812 г. коснулись всех без исключения губерний Центральной России. В статье делается попытка рассмотреть процессы, происходившие в имениях, расположенных на территории губерний, не охваченных нашествием в буквальном смысле этого слова, но прилегающих к району боевых действий.

Дворянское поместье – крупная хозяйственная единица – являлось во время войны, по сути, поставщиком как материальных, так и физических ресурсов для ведения боевых действий.

Речь идет прежде всего о рекрутах, которых владельцы должны были регулярно поставлять из числа своих крепостных. Принимая во внимание то, что войны с Наполеоном продолжались практически непрерывно в течение целого ряда лет, можно себе представить масштаб этого процесса, который негативно отражался на развитии хозяйства помещичьей вотчины, так как это влекло за собой нехватку рабочих рук. Поэтому в рекруты в первую очередь старались отдать не особо пригодных к хозяйственной деятельности крестьян либо проявляющих неповиновение. Это видно из предписания князя Голицына его управляющему Ивану Шумкову:

Вследствие высочайшего Его Императорского Величества манифеста, состоявшегося в 6-й день июля, о составлении внутренних военных сил для защиты веры, государя и отечества, если дано будет знать тебе от предводителя или земского исправника о требовании людей, сколько для вооружения с тамошней вотчины нашей причтется, то, созвав крестьян в земскую, объявить им об оном и приступить к выбору из семьянистых от 17-ти до 47-ми лет, несмотря на рост и какие-нибудь не важные телесные недостатки...¹.

О том же, какими возвращались крестьяне в хозяйские имения, может свидетельствовать выписка из приказа в Никольское вотчинное правление Рыбинских вотчин Орловых-Чесменских:

...сентября от 11-го дня... битюгский управитель Шишкин рапортом объясняет, что в той битюгской вотчине найдено и освидетельствовано ревизскою комиссиею калек. Безруких, безногих и слепых, которые не могут совершенно исправлять домашних и крестьянских работ, немалое число...²

Поэтому неудивительно, что крестьяне часто пытались избежать набора в рекруты всяческими способами. Староста Калужской вотчины Абамелек-Лазаревых, с. Утешово, доносил своему господину:

Крестьянин Марк Прокофьев 62 лет... У него 4 сына взрослые, с коих детей миром требуют рекрута... а из числа его детей, слыша о намерении их, к отдаче годный бежал, куда – неизвестно. В таковом случае осмелюсь вашему благородию доложить. Ежели и другие крестьяне станут побегу чинить. А мне в срок и отдать некого будет, чрез то вотчина должна понести разорение...³.

Поэтому помещики как могли пытались успокоить своих крестьян, обещая им всяческие льготы по возвращении. Как это делал, например, князь Голицын в июле 1812 г.:

...при выборе же растолковать всем крестьянам с тихостию и вразумительным образом, что требуются они не в рекруты. А на временную только надобность, чтоб защитить себя от неприятеля, угрожающего христианской вере, разорением всего государства и возмущением спокойствия всех верных сынов церкви и отечества. И что после минования сей опасности все они возвратятся на прежние свои жительства. Я же, со своей стороны, обнадеживаю по возвращении сих людей в дома, освободить их на несколько лет от рекрутской повинности, и нынешний год исключить те души от платежа оброку, дабы они, готовясь на защищение собственных жилищ своих и государства, ни о чем более в рассуждении домашнего своего положения не помышляли, как только о точном и послушнейшем исполнении монаршего соизволения, к единственному спокойствию всех верноподданных простирающегося. В противном же случае, если на кого выйдет выбор, и тот будет отговариваться какими-нибудь несправедливыми невозможностями, таковой повинен будет ответствовать перед Богом и судом, установленным монаршею властью...⁴

Поставляемых рекрут «по выборе» помещики должны были «снабдить платьем и провиантом, на сколько времени приказано будет...»⁵. В частности, первый Тульский комитет по организации внутреннего ополчения предписывал:

...для составления одного ополчения предположено Тульской губернии собрать 15 тысяч воинов... Каждый воин должен быть снабжен трехмесячным провиантом, как то: 5-ю пудами и 10-ю четвертями ржаной муки, перепеченной в сухари, 4 1/2 гарнца круп. Все сие в крепких кулях и, сверх того, 21 копейка на соль. Прием воинов, лошадей, провианту, денег и всего положенного назначается с 18-го числа сего августа по сей губернии, и должен непременно кончиться к 26-му числу сего августа...⁶

Такие требования, несомненно, являлись довольно чувствительными для бюджета помещичьей вотчины. К примеру, 22 человека, отданных в рекруты из Смоленской вотчины Голицыных, с. Гривы, уже в 1814 г., когда боевые операции проводились в Европе, а Смоленская губерния пыталась оправиться от военных по-

трясений, обошлись Голицыным в 2589 рублей 37 копеек⁷. А в условиях войны 1812 г. многие помещики с трудом могли выделить средства на обмундирование своих крестьян. Как писала княгиня Т.В. Юсупова поверенному ее подольских и серпуховских вотчин Петру Глебову от 26 августа: «...князь Николай Борисович писал ко мне, что ты уже успел выставить должное число людей в ополчение за мои деревни. И что теперь есть остановка в одеянии...»⁸.

Весьма показательно для характеристики финансового состояния дворянских поместий того времени и самих их владельцев письмо Г.В. Орлова к князю Борису Михайловичу Черкасскому:

Не могу Вашему сиятельству заплатить долг мой. Коему срок 27 декабря сего года. Прошу о снисхождении и терпении, будьте уверены, что как скоро деньги соберутся, то я за первое удовольствие поставлю отдать их Вам с благодарностию и процентами. Что делать? Расстройка общая коснулась и меня, рад бы я назначить и срок, но истинно не могу сего сделать, ибо никто мне не платит, да и получу ли оброк в свое время, по сей час не знаю...⁹.

Подтверждение этому можно найти в рапортах бурмистра Орловых Ивана Ретнева о состоянии Болотниковской вотчины. В ноябре 1812 г. он сообщает, что «означенной... вотчины многие крестьяне по замечанию моему находятся состояния беднаго...»¹⁰. А в мае 1812 г. он же писал, что «в... вотчине озимы ржаного хлеба худы, а в низких... местах в застое воде пропали...»¹¹.

Подобная ситуация складывалась и в других вотчинах Орловых-Давыдовых. Бурмистр Романовской вотчины Степанов в ноябре 1812 г. сообщал, что «в сей вотчине в 1-й половине ржаной хлеб весьма худ, а яровой посредственный в обеих половинах...»¹².

Такое положение было вызвано многими причинами. Прежде всего, конечно, сильно повлияли военные события. Крестьяне Смоленской губернии, к примеру, были застигнуты военными действиями в августе 1812 г., в разгар полевых работ, и не успели засеять озимые поля и собрать готовый уже урожай. То же, с разной степенью ущерба, происходило и в других губерниях. Сельскохозяйственный цикл был нарушен, что влекло за собой не только нехватку продовольствия в текущем 1812 г., но и напряженную ситуацию в этой сфере в следующем 1813 г.

Но это лишь одна из причин. Согласно правительственной статистике того времени, 1812 год сам по себе был признан недостаточно удачным в сельскохозяйственном плане. В погодных отметках об урожайности урожай этого года был охарактеризован

как «очень посредственный, скорее неурожай»¹³. Еще в начале года, в январе, бурмистр Екатерининской вотчины Орловых-Давыдовых Дудкин докладывал, что «оброк с Екатерининской вотчины на 1-ю половину собрал с крестьян только по 15 рублей, и то с большою нуждою, более же сего не мог по неурожаю хлеба, а за 2-ю половину того же года по 20 рублей с души...»¹⁴. К докладу было приложено прошение крестьян об отсрочке оброка и подтверждение Дудкина, что «...по сказанному урожаю хлеба крестьяне так обнищали, что ближе мая 9 числа никак не в состоянии заплатить оброка...»¹⁵. В Знаменском, подмосковном имении Орловых-Давыдовых, «ягод нынешний год очень мало, от жаров посохли. А крыжовник весь червем съеден...»¹⁶. О том же сообщает управляющий Тульской вотчиной Абамелек-Лазаревых Казакевич в июне 1812 г.:

...доносил Вам, что по деревне Крапивенке черви много причиняют вреда по яровому хлебу, а теперь оказалось по Крапивенке как на крестьянских, так и на господских полях умножение, а сверх того... открылось много вреда на господских и крестьянских полях. К отвращению никаких мер принять невозможно, кроме что молебствовать. А буде бы не таковое божье наказание, яровой хлеб весьма хорошего оказался произрастания... Озимый хлеб по Голощанову и Лапоткову весьма безнадежен, на многих десятинах и семян выбрать не уповательно...¹⁷.

Вотчины Абамелек-Лазаревых преследовали и другие напасти. Тот же Казакевич в июле доносил:

...со дня донесения моего малейшего дождя в здешних местах не было, а стоит несносный жар, при ежедневном неумеренном ветре, отчего прежде времени как озимый, так и яровой хлеб поспел, и не знаю, что наперед убирать...¹⁸.

О жаре сообщает и приказчик Тамбовской вотчины Гагариных Петр Леонов: «...у нас дождей почти совсем нет. А происходят великие бури и ветры...»¹⁹.

Помимо засушливого лета, на экономическое состояние помещичьих усадеб оказывали влияние и другие события. В частности, паводки по весне надолго вызывали расстройство хозяйственной жизни в имениях. В фонде Абамелек-Лазаревых сохранилось прошение от крестьян с. Утешово Калужской губернии с описанием постигшего их несчастья:

...нынешнюю весною против прошлых годов вода была велика, так что сделала состоящим при сем Утешове мельницам, плотинам повреждение... На верхнюю мельницу потребно немалое число лесу мелкого, и крупного кореней десять, а на нижней амбар пришел в гнилость, так что и стоять не может, то для поправки и вычинки потребно крупного кореней 30... Сделайте свою отеческую милость, благоволите пожаловать потребное число лесу...²⁰.

В той же Калужской губернии, в вотчине Абамелек-Лазаревых, случилось другое несчастье. В июле 1812 г. в деревне Трашне Козельского уезда «сгорели семь дворов... авинов 3, амбаров 7, скота 9 лошадей и пожиток, как мужеской, так и женской, погорел без остатку. Вытащить ничего не могли... крестьяне быв отлучены в полевую работу. А отчего пожар случился, того дознать не могли. И так крестьяне страждут и несут изнурение в строении... Не благоугодно ли Вам, милостивейший государь, пожаловать лесу на обстроение...»²¹. Подобная ситуация складывалась и в Тамбовской вотчине Гагариных:

...ноября 8-го числа сделался у нас в реке Вороне великой прибавок воды. Которая принудила нас отворить в спуске все затворы. И от сего великого паводка почти мельница действие свое не может иметь, которая вода и поныне еще не уменьшается. А прочие соседственные мельницы некоторые сия великая вода и поломала...²².

Тем не менее состояние в Тамбовской вотчине было достаточно спокойное:

...во всех здешних вотчинах по сие число состоит все, слава Богу, благополучно... Уборку с полей хлебу совсем кончили, и в скирды уже весь хлеб склали... Так же посев озимой ржи и пшеницы совсем окончили, и прежнего посева рожь идет... хорошо...²³

Это подтверждает тот факт, что в губерниях, удаленных от театра военных действий, жизнь в основном шла своим чередом, а военные события отзывались лишь внеочередными сборами и различными экономическими издержками, либо проходящими через те губернии войсками, направлявшимися к местам боевых действий. Так, например, происходило в Тульской губернии, в вотчине Абамелек-Лазаревых, с. Лапотково. В донесении от 5 августа управляющий Казакевич писал, что «чрез село Лапотково ежедневно и непрерывно на подводах ведут рекрут...»²⁴. В ноябре он же сообщал:

...немало прошло разных воинских команд, но обид и притеснения вашим крестьянам... не было... Против прежнего, благодаря Богу, в здешних местах гораздо покойнее. Команды и проходящие не так часто беспокоют...²⁵

Большинство помещиков в разгар военных действий вследствие нарушения коммуникаций и всеобщего беспорядка долгое время ничего не знали о состоянии своих вотчин. Т.В. Юсупова писала поверенному подольских и серпуховских вотчин Петру Глебову:

Находясь весьма долгое время одною из числа московских помещиц, которые не получали никаких сведений о своих деревнях, наконец получила я твой рапорт... Большое несчастье постигло мои подмосковные вотчины, но я благодарю Бога и за то, что хотя не все деревни сожжены, и что погорелые на первый случай могут также хотя у своих иметь с трудностью пристанище...²⁶

Подобно этому и жители многих губерний находились в неизвестности относительно того, что происходит в районе боевых действий, и зачастую не знали, как им поступать, питаясь разнообразными слухами. Бурмистр с. Осипово Владимирской вотчины Орловых-Давыдовых докладывал в октябре 1812 г.:

Сентября 28 дня посылал я нарочного во Владимир для справки к вице-губернатору, какое обстоятельство во Владимире, далеко ли стоит француз, на что он ему и сказал, что стоит француз близ Богородского, и ожидают его во Владимир... И приказал нам быть в готовности к отъезду от него, француза, куда-нибудь. Если возьмет Владимир, то наше Отечество разорится, и нас всех заберет. И капитан Ковровский исправник нам тоже подтверждает, что куда-нибудь отехать. Которые близ нас живут соседи, все в готовности выехать. И притом весь народ в расстройстве и разорении, делать не знаем что, боже упаси, ежели француз возьмет Владимир, то нам куда-нибудь непременно скрыться, в дальние места удалиться или в вотчину куда подальше на время убраться. Мы полагаем мнение наше, если воспоследует несчастный сей случай, то мы и намерены выехать все в вотчину Вашего сиятельства Городец Поволской и в Симбирскую в село Усолье... А в прочем, как заблагорассудится Вашему сиятельству...²⁷

Опасаясь за состояние своих провинциальных имений, помещики пытались хоть как-то обеспечить сохранность наиболее ценных вещей. В сентябре 1812 г., в разгар военных событий, А.М. Го-

лицын из Мурома давал следующие распоряжения бурмистрам своих ростовских вотчин, сел Сулости, Никольского и Кузьмицына, Дмитрию Яковлеву и Андрею Сергееву:

По получению сего донесения о благосостоянии вотчины и о делах... Если вы по нынешним обстоятельствам усмотрите опасность для тамошней вотчины, то все дела, особливо же разные документы и межевые планы, какие в вотчине имеются, надобно, чтоб собраны были благовременно и уложены в ящики, которые тогда и прислать ко мне через Ярославль в Нижний, или где я буду находиться²⁸.

От 26 октября бурмистр с. Сулости Дмитрий Яковлев отвечал:

Доношу Вашему сиятельству, повеление Вашего сиятельства насланное ко мне, нижайшему, от 19 прошедшего сентября, мною получено, в котором соизволили мне... предписать о имеющихся на селы наша Сулости, Никольское и Кузьмицыно с деревнями планах межевых и крепостных книгах, а потом также и других письменных, для вотчины нужнейших делах, которые, в силу Вашего сиятельства сего повеления мною... поскладены в ящик и хранятся теперь впредь до времени в скрытном месте, а ежели же, паче чаяния, последует сей вотчине от неприятеля какое неблагополучие, то оные все Вашему сиятельству доставлены будут²⁹.

Стараясь оградить свои вотчины от разорения в период нашествия, Г.В. Орлов обратился к Владимирскому гражданскому губернатору с просьбой:

Владимирские мои вотчины, уездов: Гороховского, села: Пестяково и Ландех, Вязниковского и Ковровского, села: Сарьево и Осипово с деревнями, и Покровского Большие горки, и начальников оных... принять в милостивое покровительство и защиту и не лишать их в справедливых просьбах онаго...³⁰

Другие поступали иным образом. В донесении из Тамбовской вотчины Гагариных от 26 октября сообщалось, что для охраны «караулы по селениям по всей здешней округе сделаны, равно и у нас во всех отделениях... производится наикрепчайший караул...»³¹. Но не менее часто, чем различные воинские команды, через селения проходили группы крестьян. Из разоренных губерний в поисках средств к существованию они перебирались в другие, менее пострадавшие от нашествия местности. В донесении из той же

Тамбовской губернии сообщается, что «проезжающих и прохожих отставных солдат и других неприятелей у нас еще не оказывалось. А проезжают из Калужской губернии разоренные крестьяне со всеми их семействами, которых есть довольно количество, а более всех графа Нарышкина с домовыми пропусками, едущие в Саратовскую и здешнюю губернии для прокормления...»³².

Помещики сами способствовали всеми способами этому процессу, направляя своих крестьян в более отдаленные от военных действий вотчины. Но в то же время эта ситуация могла вызвать напряженное положение в этих вотчинах, на что указывает Т.В. Юсупова в предписании Петру Глебову:

...о крестьянах, пробирающихся в Орловские вотчины, будет учинено на сегодняшней же почте надлежащее предписание, но ежели ты большому количеству выдаешь паспорта, то чрез то могут стесненными быть и крестьяне Орловских вотчин; а притом здесь известно и то, что именно из погорелых подмосковных деревень крестьяне наиболее обогатили себя добычей...³³

При первой же возможности владельцы стремились вернуть крестьян:

...села Никольского 9 семейств находятся теперь с их имуществом и скотом Тульской губернии в селе Покровском, принадлежащем ныне графине Прасковье Андреевне Потемкиной... ты... можешь их оттуда выписать, уведомив их, что больше не только во всей Московской губернии никакой опасности не предстоит, но и Смоленская уже от наших врагов очищена... О водворенных тобою в моем Калужском доме женах и их детях пришли мне ведомость, ибо мне крайне неприятно, что они, живучи в моем доме, питаются мирским подаением и шатаются по миру...³⁴

Характер последней войны в разных губерниях был неодинаков, и если Смоленская, Московская и Калужская губернии, непосредственно соприкоснувшись с воюющими армиями, после окончания боевых действий представляли собой фактически опустошенную местность, то на соседние с ними губернии военные события повлияли преимущественно экономически. На ведение войны нужны были средства, которых не хватало в наиболее пострадавших губерниях, поэтому соседние губернии в полной мере почувствовали на себе все тяготы военного положения.

Судьба провинциальной усадьбы по сравнению со столичной еще более трагична и менее изучена. Важным представляется изучение экономического состояния этих усадеб. Ведь именно оно влекло за собой расцвет или гибель дворянского гнезда.

Примечания

- ¹ РГАДА Ф. 1263. Оп. 10. Д. 824. Л. 89
- ² Там же. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 783. Л. 4.
- ³ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2973. Л. 2.
- ⁴ Там же. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 824. Л. 89 об., 94–94 об.
- ⁵ Там же Л. 89 об.
- ⁶ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2816. Л. 39.
- ⁷ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1006. Л. 63 об., 64–65 об.
- ⁸ Там же. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 312. Л. 1 об.
- ⁹ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 712. Л. 29 об.–30
- ¹⁰ Там же. Ед. хр. 749. Л. 16 об.
- ¹¹ Там же. Л. 12.
- ¹² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 783. Л. 20.
- ¹³ См.: *Колокольников П.Н.* Хозяйство России после войны 1812 г. // Отечественная война и русское общество: В 7 т. М., 1911. Т. 7. С. 116.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 782. Л. 1 об–2.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Д. 781. Л. 82.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2816. Л. 83.
- ¹⁸ Там же. Л. 103.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1262. Оп. 4. Д. 27. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2973. Л. 217–217 об.
- ²¹ Там же. Л. 219–219 об.
- ²² Там же. Ф. 1262. Оп. 4. Д. 27. Л. 22 об.
- ²³ Там же. Л. 2.
- ²⁴ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 2816. Л. 102 об.
- ²⁵ Там же. Л. 114, 138.
- ²⁶ Там же. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 312. Л. 2 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 779. Л. 196–197.
- ²⁸ Там же. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 956. Л. 42.
- ²⁹ Там же. Л. 54.
- ³⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1. Д. 779. Л. 176.
- ³¹ Там же. Ф. 1262. Оп. 4. Д. 27. Л. 15 об.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 312. Л. 4.
- ³⁴ Там же. Л. 3, 4 об.

Художественная промышленность Москвы в XIX в.: обработка металла

В статье предпринята попытка рассмотреть основные тенденции развития одной из важнейших отраслей художественной промышленности Москвы XIX в. – обработки металла (золотосеребряное, бронзолитейное, цинковое и другие производства), выявить ее характерные черты и своеобразие, осмыслить роль и место металла в художественно-предметном творчестве русской культуры.

Ключевые слова: художественная промышленность, законодательная регламентация художественного производства, московские предприятия по обработке металла, золотосеребряные, бронзолитейные и другие виды производства, металл в московской архитектуре, связи между техническим производством и миром искусства.

Художественная промышленность, как и любая аналогичная промышленная система, обладает не только пространственными параметрами, внутренней структурой, иными качественными и количественными показателями, но и собственной историей. Художественные ремесла и промыслы, широко распространенные в России, уже в XVIII в. стали – и особенно в Москве – основой для развития художественно-промышленного искусства.

Существовали и другие художественные центры – Новгород, Псков, Ярославль, Нижний Новгород, Кострома, Казань, Великий Устюг и многие другие, где народное искусство занимало особое место, но именно Москва превратилась в «мануфактурную столицу», заложив базу на десятилетия вперед для развития особого вида промышленности, сочетавшей в себе как ремесло, так и подлинное искусство.

«Художественная промышленность» – этот термин появился в России в XIX в. (*нем.* Kunstgewerbe, близкое к нему фр. arts-appliqués) – характеризуют художественные промыслы как прикладное искусство, в котором художественная форма соединяется с полезными свойствами. На предприятиях этого вида промышленности осуществлялся выпуск предметов, служащих тем или иным утилитарным целям, но «одухотворенных художественным творчеством»¹. XIX век – это период расцвета художественной промышленности, прежде всего в Москве и Петербурге, получившей от императорской власти все права и привилегии, заслуженное признание не только в России, но и за рубежом.

В научной литературе нет обобщающих работ с общепризнанным, точно зафиксированным смыслом понятия «художественная промышленность». Чаще всего это многоаспектный комплекс, в котором промышленно-производственные формы связаны с декоративно-прикладным искусством.

Исследовательская широта проблем при изучении художественной промышленности обусловила необходимость ввести ограничения в исследуемую тему. В данном случае в статье сделана попытка представить общее и особенное (некие тенденции) в развитии лишь одной из многочисленных отраслей этого вида промышленности – в художественной обработке металла (золота, серебра, бронзы, олова, цинка и др.). Основной выход в эту проблематику (конкретно об обработке каждого из этих видов металла) обозначился особенно заметно в конце XX – начале XXI столетия в работах, посвященных в основном истории декоративно-прикладного искусства. Художественная промышленность Москвы в XIX в. как особое социоэкономическое и социокультурное явление, ее роль в процессе общественного развития, взаимосвязи между отдельными направлениями этого вида производства остаются пока слабо изученными. Исключение составляют лишь работы о золотосеребряном (М.М. Постникова-Лосева, И.Д. Костина, Т.Н. Мунтян, С.Я. Коварская и другие), бронзолитейном (С.Б. Кайкова, Л.А. Дементьева, Е.Я. Зотова и другие) и о прочих видах металла – олова, цинка, чугуна, железа (Р.В. Грецкий, В.А. Гордеев и другие). Однако важные для исследования проблемы, в частности взаимосвязи между многопрофильными отраслями художественной обработки металлов и одновременно – их единая социоэкономическая и социокультурная структура, и отсутствие единства в управлении, история центров этого вида производства, в том числе предприятий по обработке олова, цинка, развитие художественной промышленности в контексте культуры, ждут еще своих исследователей.

Труды упомянутых авторов позволяют перейти к предварительному синтезу данных об эволюции и особом месте московского художественного производства в истории национального наследия России.

На каждом историческом этапе художественная промышленность функционировала на основе развития материальной и духовной культуры российского общества. Первые ростки художественных производств появились в правление Петра I. С этим временем связаны многие изменения в образе жизни населения, в атрибутах власти, в интерьерах и одежде. С созданием империи обновились регалии, изменились ритуалы. У представителей отдельных сословий возникла необходимость демонстрации своего социального статуса, для чего также требовалась определенная овеществленная символика, выражавшаяся в виде наградных и прочих знаков. Продукция художественной промышленности явилась тем предметным миром, который мог обеспечить все эти нововведения. Развитию художественного производства, несомненно, способствовала и мода, значение которой со всей очевидностью проявилось в XVIII в. На первых художественных производствах появились иностранные мастера, имевшие подчас высокую квалификацию, опыт, знания. Этому в значительной мере способствовали ряд петровских указов и среди них указ от 5 ноября 1723 г. «О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вывезенных из других стран»², а также Регламент мануфактур-коллегии, где было объявлено о гарантиях прибывшим из-за границы «всяких художеств мастеровым людям».

К концу XVIII в. благодаря развитию промышленного производства, освоению новых регионов и природных ресурсов в России сложилась благоприятная обстановка для создания крупных предприятий художественной промышленности. По состоянию на 1775 г. в Москве существовало уже несколько мануфактур, которые можно отнести к предприятиям новой отрасли: мануфактура волоочного и плащенного золота Ильи Докучаева «с товарищи», «сусалная листового золота и серебра» Михаила Шорина и четыре так называемых мишурных мануфактуры (производство золотых, серебряных и латунных нитей и производство изделий на их основе). Действовало и небольшое галунное (позументное) предприятие Алексея Плавилщикова (капитал 2 тыс. руб.). Все эти производства обслуживали разные категории работников (приписные, покупные, вольные)³.

Первая половина XIX в. ознаменовалась быстрым ростом московских художественных производств. Росло число крупных ма-

стерских, расширялась их механизация, совершенствовались технологии, однако ручной труд оставался преобладающим. Часть мастерских, выросших на основе купеческого капитала, превращалась в фабричные предприятия. В руках мастеров-ремесленников были сосредоточены основные художественные работы по отделке интерьеров, одежды, производству парадной посуды, церковной утвари. Шпалерное, камнерезное, фарфоровое, медное и бронзолитейное производства, тесно связанные с городским и дворцовым строительством, исполнением различных заказов, наполнением церковных интерьеров, – все это способствовало возникновению предприятий, ориентированных на многие виды художественных производств. Кроме единичных, все большее признание получало серийное изготовление изделий, в которых функциональная нацеленность (практическая целесообразность) соединялась с художественной выразительностью.

Особое место среди художественных производств Москвы стала занимать обработка металла: имелось множество мастерских, занятых золотосеребряным и меднобронзовым делом, ковкой чугуна, резьбой по железу и проч. Однако главное место в металлическом производстве, на которое было нацелено основное внимание правительства, явилось золотое и серебряное дело, в котором различались ювелирная, золотобойная и канительная отрасли.

Следует отметить, что уже со времени правления Петра I устанавливается государственная монополия на добычу золота и серебра и строгий контроль за оборотом изделий из них, который включал в себя введение проб и клейм, запрет на бесконтрольное создание различных производств и учреждение ценового ремесла⁴. После учреждения в первой четверти XVIII в. цеховой системы мастера золотого и серебряного дела в обязательном порядке должны были записываться в соответствующие цехи (Серебряный, Ювелирный, Позументный). Для практического осуществления законоположений создавались так называемые пробирные палатки, в которых работали пробирные мастера⁵. Во второй половине XVIII – начале XIX в. работа над конкретизацией пробирного законодательства продолжалась. 27 ноября 1840 г. Николай I утвердил «Положение о пробирных палатках для испытания и клеймения золота и серебра», что окончательно превратило ювелирное искусство в ценовое ремесло под строгим контролем государства⁶. С появлением пробирных палаток отпала необходимость обязательной записи в цеха. В 80-е годы XIX в. с развитием капиталистического уклада и свободных рыночных отношений система пробирных учреждений подверглась существенному реформированию. Наконец, в 1896 г.

появился новый Пробирный устав, действие которого продлилось до Первой мировой войны⁷. Изготовление золотых и серебряных вещей перестало быть ценовым ремеслом. От ювелиров, канительщиков, сусальщиков стали требовать лишь регистрации в пробирных учреждениях, которые находились в ведомстве Министерства финансов⁸. Так формировалась социоэкономическая основа обширной отрасли художественной промышленности.

В руках мастеров предприятий, где процветали художественные ремесла, были сосредоточены основные работы по изготовлению всего комплекса предметов, наделенных художественными свойствами, призванных удовлетворять «новые потребности в предметах, служащих к удобству и приятности жизни»⁹.

В истории этого вида производства конец XVIII в. отмечен примечательным событием – появлением в Москве мастерской, во главе которой стоял П.Ф. Сазиков, мастер серебряных дел и искусный гравер. Его производство быстро получило широкую известность. На Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1851 г. фирма (торгово-производственный комплекс – мастерские и магазины) Сазиковых была удостоена высшей награды и стала законодателем моды на «русский стиль» в производстве золотых и серебряных изделий¹⁰. До середины XIX в. она являлась единственным крупным производителем золотых и серебряных изделий в Москве. И лишь в начале 50-х годов серебряных дел мастер П.А. Овчинников создал новую фирму, быстро прославившуюся своим производством (ее ассортимент – столовые приборы, кабинетные вещи, церковная утварь). Как и фирма Сазикова, она получила звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества» и имела многочисленные награды. После смерти Овчинникова фирма вплоть до 1917 г. продолжала работать под руководством его сыновей¹¹.

В 70-е годы XIX в. в Москве уже функционировала широко известная золотосеребряная отрасль – работали 15 фабрик по обработке золота и серебра, среди которых наиболее известные принадлежали С.И. Сазикову, П.А. Овчинникову, А.М. Постникову, И.П. Хлебникову, Д.И. Орлову. Среди более мелких, но процветающих производств, выделялись предприятия О.А. Крумбюгеля, В.А. Адлера, А.И. Зевакина, А.А. Зенгбуша, Г.Г. Клиггера, И.Д. Чичелева¹². На самых крупных предприятиях были заняты от 100 до 200 человек. Многие фабрики были оснащены новейшим техническим оборудованием (нередко заграничных образцов) и располагали собственными магазинами. Ассортимент продукции был чрезвычайно широким (изделия не только светского, но и церковного характера), при этом выполнялись не только российские, но

и зарубежные заказы. Значительное место в них занимали заказные работы для царского двора и различных храмов, в том числе храма Христа Спасителя (изготовление культовых изделий – потиров, дарохранительниц, водосвятных чаш, кадил, лампад и проч.). Специализировались предприятия и на выпуске скульптуры малых форм (кабинетная скульптура), предназначенной для торжественных встреч, юбилеев, и на продукции, рассчитанной на широкие слои населения: (столовое серебро: обеденные, чайные, кофейные приборы, хлебницы, солонки, дорожные приборы и т. п.). Продукция многих крупных фабрик отличалась высоким качеством и была отмечена многими медалями на международных выставках в Лондоне и Эдинбурге (1886), Париже (1889, 1890), Чикаго (1893) и др.

Значительную часть предприятий, занятых выпуском золотосеребряных изделий, дополняло канительное производство с широким ассортиментом: серебряная плащетка (с позолотой), листовое золото, канитель (золотые и серебряные нити, которыми расшивали светскую и церковную одежду, конскую упряжь, футляры царского и наградного оружия и проч.), позолоченная и посеребренная мишурная проволока, золотые и серебряные гасы (легкая шелковая ткань с включением металлических нитей) и проч. На ряде золотопрядильных, золотокружевных и позументных предприятий изготавливали: галун серебряный, парчу золотую, бахрому, канитель золотую и серебряную, офицерские и гражданские погоны, эполеты золотые, серебро пришивочное, плащаницы, вышитые золотом, глаzet, сетки золотые и серебряные¹³.

Конец XIX – начало XX в. отмечены возникновением множества артелей ремесленников, в том числе и мастеров-ювелиров, стремившихся совместными усилиями создавать определенное производство по изготовлению драгоценных изделий, преодолевая конкуренцию крупных фирм. Рост концентрации производства в этот период вызвал появление множества акционерных обществ и торгово-промышленных товариществ. Подобные объединения закупали оптом у мастеров и фирм значительные партии различных золотых и серебряных изделий и продавали их по более низким ценам в своих магазинах¹⁴.

Таким образом, во второй половине XIX в. художественная промышленность, связанная с обработкой золота и серебра, приобрела законченные формы. На ее предприятиях уже существовало многопрофильное механизированное производство, работали высококлассные (в том числе, и иностранные) мастера, для разработки различных заказных проектов привлекались известные

художники, медальеры, архитекторы и скульпторы (Ф.Г. Солнцев, П.К. Клодт, Н.А. Рамазанов, М.Д. Быковский, Е.А. Лансере, Л.В. Даль и другие). О несомненных успехах этого вида промышленности свидетельствовали многочисленные награды на всероссийских и международных выставках, широкое признание в ряде европейских стран¹⁵.

В начале 70-х годов в Москве уже функционировало, помимо предприятий («фабрик») золотых и серебряных изделий, 4 канительных и 13 золотокружевных, золотопрядильных и позументных предприятий. Большинство из них применяло передовые технологии и располагало механизированным производством, что позволяло снабжать продукцией практически все слои населения.

В Москве получили распространение и промышленные предприятия, связанные с использованием так называемого накладного серебра – заменителей серебра, чаще всего это сплавы с никелем и проч. (мельхиор, нейзильбер). Техника накладного серебра (апплике), значительно удешевившая изготовление многих видов изделий – столовых и осветительных приборов, кабинетных и туалетных предметов, различной металлической галантереи, обусловила появление ряда заведений, которые пополнили ряды художественной промышленности по обработке металла¹⁶.

На протяжении XIX в. в Москве сформировалось еще одно направление художественной промышленности – бронзолитейное производство (декоративно-прикладная бронза), которое еще раньше обосновалось в Петербурге¹⁷. Бронза – это сплав из меди и олова в известном процентном соотношении, от которого зависит достоинство материала. Иногда к основным металлам добавляли некоторое количество других, например серебра – при литье колоколов. Бронза позволяла добиваться тонкости форм, устойчивости, хорошо поддавалась золочению и отличалась превосходной патиной. Одной из причин быстрого развития этого вида производства в XIX в. явился большой спрос на модную в то время французскую бронзу, которая широко распространилась в обстановочных комплексах и в России. Сложившаяся ситуация подчас заставляла русских мастеров не ставить клейма на свои изделия, стремясь выдать их за изделия французских мастеров.

Бронзолитейное производство в Москве развивалось на основе мелких меднолитейных заведений, занимавшихся изготовлением различных медных изделий и осветительных приборов, люстр, фонарей, стенников, жирандолей, церковной утвари. Наиболее известные литейные предприятия появляются лишь во второй половине 20-х годов XIX в. В 1831 г. на выставке в Москве была представлена

бронзовая продукция Д.А. Пороховщикова и Я.Б. Самарина. Основной ассортимент этих небольших предприятий был представлен подсвечниками, чернильницами, лотками и прочими бытовыми предметами, заполнявшими обстановку московских особняков. По состоянию на 1845 г. в Москве уже отмечались фабричные заведения И. Кузнецова, П. Петрова, И. Макарухина, Г. Лутцбауэра, Н. Полтавцева и А. Томашки (Томашкина). Наиболее крупным, с механизированным оборудованием, в середине XIX в. была фабрика, основанная В.А. Крумбюгелем. На ней начали создавать художественные предметы дворцового и выставочного характера (например, бронзовые торшеры для Большого Кремлевского дворца в русско-византийском стиле)¹⁸.

Однако, помимо предприятия Крумбюгеля, в Москве уже в 1850–1870-е годы получили известность бронзолитейные производства Н. Полтавцева, К. Елагина, Шмидта, Гербера и других. В 90-е годы XIX в. появилось еще одно производство – фабрика бронзовых изделий А.И. Кузмичева, успешно работали бронзолитейные фабрики С.А. Пожильцова и братьев Вишневских. Изделия из бронзы изготавливали и некоторые крупные предприятия (А.М. Постников, А.Е. Соколов, П.И. Оловянишников), в значительной мере ориентированные на золотосеребряное производство. Однако основные достижения бронзолитейного производства были связаны с предприятиями Петербурга.

В XIX столетии художественная промышленность в Москве пополнилась предприятиями, производство которых базировалось на изготовлении предметов из различных сплавов и более всего – на цинке. Для художественных изделий эти сплавы стали использовать в XVIII в. в Германии (в Верхней Силезии были открыты крупные месторождения галмеевых руд). В 1805 г. здесь разработали метод вальцовки (проката) цинка при температуре 115–116 градусов. Сначала новый материал шел на кровельно-жестяные работы, но параллельно предпринимались попытки изготовления небольших предметов повседневного обихода. Это медали, декоративные накладки, таблички и другие мелкие предметы. Но уже в 1818 г. стали изготавливать подносы для кофейников, подсвечники, подставки для ламп и проч. Из листового цинка техникойковки и чеканки с последующей монтировкой стали создавать крупные скульптуры и различные архитектурные элементы¹⁹.

Россия получала цинковые сплавы из-за границы. После 1851 г., когда были сняты ограничения на ввоз этих сплавов, производство из них изделий было значительно облегчено.

Постепенно цинковое литье получило признание и в России, где его нередко предпочитали бронзолитейному производству. Это было обусловлено тем, что цинк являлся более дешевым материалом (в сравнении с медью и бронзой); он более текуч, что позволяло исключить последующую обработку отливки, а разница в температуре плавления с этими материалами отражалась как на экономии сырья, так и на энергии. Это был дешевый заменитель бронзы, не уступающий ей в отношении воспроизведения художественных форм, однако не имеющий ее прочности, – при нарушении технологии в литье и производстве сплавов и покрытий, а также при наличии агрессивной среды (морской климат, городской смог) цинковые сплавы утрачивали первоначальный вид. Для отливок из цинковых сплавов применялись различные покрытия (полихромные краски, лаки и металлические – листовое серебро, золото, медь). Со второй половины XIX в. с этой целью стали применять электролитический способ покрытия (гальваника с использованием цианидов). Цинковое производство в Москве появилось на уже известных фабриках Крумбюгеля, Кумберта, Штанге, Гризара²⁰.

Еще одна важная отрасль художественного производства – оловянное дело – занимало особое место в российской промышленности, однако до сих пор оно слабо изучено²¹. Олово – металл серебристо-серого цвета с матовым блеском, легкоплавкий, пластичный, хорошо поддающийся обработке, нетоксичный и безопасный. Однако олово разрушается при больших температурных перепадах, отличается мягкостью и хрупкостью. Основным поставщиком на русский рынок олова уже с XVI в. была Англия, обладавшая правом беспощинного ввоза металла в Архангельский порт.

Олово нужно было для изготовления не только бытовых предметов и церковной утвари, но и медных сплавов. Оно использовалось при литье артиллерийских орудий, церковных колоколов, в типографском деле, при производстве красителей, цветных эмалей, стекла, широко применялось в качестве припоя в слесарном и ювелирном ремесле и полуды, защищавшей предметы от окисления. Оно являлось необходимым для изготовления различных архитектурных деталей, «дверных приборов» и посуды. Исходным материалом для ремесленников были слитки – «брусчатое» либо «прутное» олово²². Кроме слитков из Англии, в Россию шли и готовые оловянные изделия, преимущественно посуда – «блюдное олово». Ввозились шведские оловянные стаканы, стопки, кружки и даже (вероятно, по заказу) типично русские братины. Такие предметы русскими ремесленниками использовались в качестве образцов, а иностранные оловянишники, попавшие в русский плен еще во вре-

мя Ливонской войны и приезжавшие по доброй воле, способствовали становлению оловянного дела в России. В XVIII в. во многих городах, особенно в московском посаде и слободах, появились многочисленные ремесленные мастерские по обработке олова. С 20-х по 70-е годы XVIII в. оловянные изделия пользовались широкой популярностью среди горожан и зажиточного крестьянства. Продавали эту посуду на Макарьевской ярмарке, и оттуда она расходилась повсюду.

Мягкое легкоплавкое олово для лучшего заполнения формы и большей прочности использовалось в сплавах с небольшим добавлением свинца, висмута или сурьмы. Основные приемы обработки – литье, холодная ковка, пайка и токарная обработка. Объемные пустотелые сосуды выковывались по образцу серебряных; самые распространенные – стаканы и стопы – кроились из листового металла, гнулись и паялись, мелкие детали отливались в каменных и глиняных литейных формах. Детали собирались и спаивались, а завершалось все токарной обработкой изделия²³. Производством оловянных изделий обычно занимались на тех предприятиях, где была уже налажена обработка других металлов.

В Москве олово особого развития не получило. Постепенный упадок его производства в XIX в. наступил очень быстро. В это время место оловянной стала занимать стеклянная, фаянсовая и фарфоровая посуда. К тому же собственного сырья (олова) в России так и не добывалось. И к середине XIX в. традиция художественной обработки олова окончательно прервалась. Хотя писатель и этнограф С.В. Максимов, побывавший на Соловках в середине 50-х годов XIX в., описывая обед в монастырской трапезной, отметил: «...вся посуда была оловянная»²⁴.

Художественный металл имел давнюю традицию применения и в архитектуре. Металлические изделия, выполненные разным способом, различные по назначению, являются важной частью архитектурного языка, существенным элементом архитектурной композиции – это решетки балконов, кронштейны козырьков над входами, ограждения лестниц и крыш, консоли, высокие и низкие ограды перед зданием, ворота. Их применение было обусловлено функциональной необходимостью, одновременно они являлись важным элементом в формировании облика здания или интерьера, дополняя композицию, подчеркивая архитектурные формы, придавая каждому зданию выразительность и индивидуальность. Причинами чрезвычайной популярности применения металла в архитектуре были высокий художественный потенциал материала, его декоративные качества, большая долговечность и высокая

износостойкость. Ковка позволяла придавать этим изделиям такие формы, какие недоступны литью. При литье выявляется объемная пластика, скульптурная трехмерность изделия, в то время как искусствоковки графично по своей сути. Наиболее выигрышно металлические ограды смотрятся на просвет; т. е. ковка рассчитана на восприятие на фоне неба²⁵.

Производство прикладного художественного металла в архитектуре было связано с железоделательными мастерскими и чугунолитейными заводами, кузницами и отдельными ремесленниками. Кузнецы могли заниматься оковкой как дубовых сундуков, так и дверей церковных порталов. Ремесленники-жестянщики украшали данные предметы вырезанными из более тонкого металла различными декоративными деталями (просечный ажурный орнамент для дверей, оконных ставень и т. п.). В XIX в. область применения художественного металла была чрезвычайно широкой. Особенно она увеличилась после Отечественной войны 1812 г., когда развернулось восстановление «послепожарной» Москвы. Возводились высокие и низкие ограды, ворота, парковые мосты, ограждения балконов и террас, парадные лестницы с перилами, крыльца подъездов, изготавливались фонари, зонты и архитектурные детали. Для разработки эскизов изделий привлекались строители, архитекторы М.Ф. Казаков, Д.И. Жилярди, А.Г. Григорьев и другие.²⁶

Особенно широко использовался чугун (один из сплавов железа с разными химическими элементами). Среди его различных видов в архитектуре чаще всего применялся так называемый ковкий чугун, имевший повышенную ковкость и вязкость, что позволяло изготавливать из него детали сложной формы²⁷. В кованых оградах выразительно отражались стиль и художественные формы эпохи. Об этом свидетельствуют и ряд московских оград. Наглядной иллюстрацией может служить одна из наиболее торжественных оград Москвы – высокая чугунная ограда входа в Александровский сад, идущая вдоль северо-западной стены Кремля, созданная в 1821 г. по проекту архитектора Е. Паскаля. Еще одно из выдающихся произведений чугунного литья – ограда здания Московского университета (ул. Моховая, 11) – была создана в 1835–1836 гг. по рисунку архитектора Е.Д. Тюриня. Однако как названные ограды, так и многие художественно трактованные кованые изделия вышли из стен предприятий, располагавшихся далеко за пределами Москвы – на ряде тульских и уральских чугунолитейных заводов, в мастерских Петербурга и проч. Большинство московских заведений по обработке металла обладали меньшими техническими возможностями для работы с монументальными произведениями. Для них более

всего было характерно производство бытовой и церковной утвари, осветительных приборов, различных мелких кузнечных изделий, о чем свидетельствовала Всероссийская художественная выставка 1882 г. в Москве²⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что в XIX в. в Москве художественная обработка металла превратилась в крупную и своеобразную отрасль, для которой было свойственно изготовление на ремесленных и мануфактурно-фабричных предприятиях художественных предметов, относящихся, с одной стороны, к произведениям декоративно-прикладного искусства, с другой – к различной бытовой утвари, широко использовавшейся всеми слоями населения. В то же время различные возможности их приобретения являлись отражением признаков социального статуса человека.

Таким образом, продукция этой отрасли заняла особое место в экономике и социокультурной жизни страны. Наиболее распространенным оказалось производство золотосеребряной отрасли и, прежде всего, ювелирной. В Москве, наравне с Петербургом, сформировался наиболее крупный центр золотосеребряного дела. Однако такая отрасль, как художественная обработка металла, характеризовалась отсутствием определенных органов и места в системе управления экономикой. Каждое предприятие было подотчетно различным формам организации управления – коллегиально-министерской и ремесленной, закрепленной Ремесленным уставом. Существовала и особая форма правления: Кабинету Императорского Величества подчинялись ряд предприятий, удовлетворявших нужды и потребности Двора. Лишь в начале XX в., с созданием Министерства торговли и промышленности, все художественные предприятия и производство предметов искусства включаются в общегосударственную систему управления российской экономикой²⁹.

В течение XIX столетия обработка металла в Москве от традиционно-ремесленных связей переросла, по обширности производства, объему доходов, уровню технической оснащенности, а главное – масштабу художественных достижений, в одну из самых крупных отраслей художественной промышленности. Оригинальные решения многих произведений, связанных с широким использованием металла (в разных его видах – золота, серебра, меди, бронзы, чугуна и др.), отмеченные самыми высокими наградами и широким признанием, являлись одной из основ развития национального искусства и промышленности и формирования историко-культурного наследия России.

- ¹ *Зомбард В.* Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1905. Т. 1. Буржуа: К истории развития современного экономического человека. С. 536.
- ² ПСЗ-1. Т. 7. № 4345.
- ³ *Индова Е.И.* О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России: XVII – начало XX в. М., 1975. С. 261–271.
- ⁴ *Алимова Л.Б.* Законодательство Российского государства о декоративно-прикладной роскоши в XVIII – начале XX в. М., 2005. С. 6–7.
- ⁵ Проба золотых и серебряных изделий выражает соотношение драгоценного металла и лигатуры, представляющей собой сплавы прочих металлов и обеспечивающей качество изделия.
- ⁶ ПСЗ-1. Т. 15. № 11218.
- ⁷ Там же. Т. 22. № 16021.
- ⁸ *Алимова Л.Б.* Указ. соч. С. 42.
- ⁹ *Гизе М.* Очерки истории художественного конструирования в России XVIII – начала XX в. СПб., 2008. С. 505.
- ¹⁰ *Волдаева В.Ю.* Ювелирный дом Сазиковых. М., 2014. С. 191. После кончины П.Ф. Сазикова дело его продолжили сыновья и только в конце 1880-х годов фирма перестала существовать.
- ¹¹ *Иванов А.Н.* Мастера золотого и серебряного дела в России (1600–1926): Руководство для экспертов-искусствоведов: В 2 т. М., 2002. Т. 2. Стб. 3065–3068.
- ¹² *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 124–125.
- ¹³ Там же. С. 128.
- ¹⁴ *Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв.: Территория СССР. СПб., 2003. С. 124–125.
- ¹⁵ *Журавлева В.Л., Костина И.Д., Мунтян Т.Н.* Искусство русских ювелиров: Десять веков истории. М., 2004. С. 130–135.
- ¹⁶ *Кайкова С.Б.* Заменители серебра в России // Сб. науч. тр. сотрудников Всерос. музея декоратив.-приклад. и народ. искусства. М., 2003. С. 84–93.
- ¹⁷ В статье не рассматривается медное литье, производство которого характеризуется особой спецификой как в экономическом, так и социокультурном плане.
- ¹⁸ *Кайкова С.Б.* Московское бронзолитейное производство в XIX – начале XX века // Науч. чтения памяти В.М. Василенко: Сб. ст. Вып. 2. М., 1998. С. 86–87.
- ¹⁹ *Белановский В.Е.* Цинковое художественное литье // Художественный металл России: Материалы конф. памяти Г.Н. Бочарова. 22–24 апр. 1998. М., 2001. С. 318–320.
- ²⁰ Там же. С. 320–323.
- ²¹ Лишь в последнее время издан ряд ценных каталогов изделий из олова: *Косцова А.С.* Художественное олово в России XVII века: Научный каталог. Л., 1982. Издан указатель клейм: *Елькова Е.Ю., Лобанеева Т.А.* Русское олово XVIII века:

Мастера. Клейма: Словарь-каталог. М., 1995; опубликованы составы коллекций олова некоторых государственных музеев.

- ²² Гордеев В.А. Русское художественное олово XVII–XIX веков в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино. М., 2012. С. 12–13.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 132.
- ²⁵ Грецкий Р.В. Кованный металл в архитектуре московского модерна // Художественный металл России... С. 339–340.
- ²⁶ Ледзинский В.С., Теличко А.А. Мир художественного металла Москвы XVII–XX веков. М., 2001. С. 38–42.
- ²⁷ Гливиц И. Железная промышленность России: Экономико-статистический очерк. СПб., 1911. С. 9–10. В XIX в. Россия занимала второе место по выплавке чугуна на мировом рынке (данные на 1822 г.)
- ²⁸ Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве: В 6 т. / Под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1883. Т. 3. С. 42–43.
- ²⁹ Алимova Л.Б. Декоративно-прикладная роскошь в России (1700–1914 годы). М., 2006. С. 324.

«Моя идеология была чужда
идеологии советского человека»:
к вопросу о составе и деятельности
редакционных коллегий газеты «Голос Крыма»
в 1941–1944 гг.

В статье рассматриваются проблемы создания и функционирования редакционной коллегии газеты «Голос Крыма», ее связи с немецкими органами пропаганды. Особое внимание уделяется причинам сотрудничества гражданского населения с немецкими оккупационными органами в Крыму на примере редколлегии издания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, немецкая пропаганда, «Голос Крыма», периодическая печать.

С момента оккупации Крыма на территории полуострова начала работу немецкая пропагандистская машина, которая затрагивала все сферы жизни общества. Наиболее эффективными формами пропаганды немецкое командование считало передвижные выставки, визуальную пропаганду, которая в виде объявлений и плакатов размещалась во всех оккупированных населенных пунктах, радиопередачи и периодическую печать. Но, если визуальная и радиопропаганда были направлены на все население, в том числе и на малограмотное, то газеты стали наиболее «качественным» орудием германской пропаганды, которое должно было в первую очередь затрагивать грамотных людей, нуждающихся в получении информации¹.

Несмотря на то что немецкое командование значительное внимание уделяло именно развитию сети печатных периодических изданий, тема по-прежнему остается малоизученной, что связано с плохой сохранностью документальных источников: документы редакционных коллегий периодических изданий и городских управлений, действовавших на полуострове с 1941 по 1944 г., выявить не удалось, а отчеты немецких комендатур в первую очередь освещали

вопросы дислокации войск, экономические аспекты и лишь вкратце затрагивали проблемы политического настроения населения и развития пропаганды на полуострове.

Необходимо отметить работы О.В. Романько² и М.И. Тяглого³, в которых периодическая печать рассматривается в комплексе пропагандистских мероприятий, проводимых немецкими оккупационными властями на территории полуострова.

Несмотря на то что вопросы функционирования редакционных коллегий затрагивались в указанных публикациях, на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные взаимосвязям между отделом печати Штаба пропаганды «Крым» и газетой «Голос Крыма», изучению преемственности различных редакционных коллегий газеты, которые сменяли друг друга на протяжении 1941–1944 гг., так же как и работы, посвященные изучению мотивации и причин сотрудничества местного населения с оккупационными пропагандистскими органами.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать деятельность редакционных коллегий газеты «Голос Крыма», выявить взаимосвязи между редколлегиями органа, Штабом пропаганды «Крым» и СД, определить причины сотрудничества местного населения с оккупационными органами на примере обозначенной газеты.

В период оккупации крымского полуострова периодические издания стали эффективным способом внедрения пропагандистских идей. Это объясняется целым рядом факторов: печатные материалы были едва ли не единственным общедоступным средством массовой информации. Газеты выходили очень большими тиражами, которые распространялись по всей территории оккупированного полуострова, кроме того, материалы, размещавшиеся на их страницах, носили не только пропагандистский характер, но и содержали аналитику, обзоры военных действий на различных театрах фронта, а также литературные произведения, что делало их более популярными и востребованными среди населения, не имеющего доступа к другим источникам информации.

Причины издания газет на оккупированной территории обозначены в отчете о деятельности 277-й гарнизонной комендатуры г. Евпатории от 1 января 1942 г. В нем значилось, что «для информации населения о военно-политической обстановке и для оказания на него пропагандистского влияния было начато издание газеты, выходящей два раза в неделю»⁴.

Зависимость печатных изданий от Штаба пропаганды «Крым», СД, Штаба Розенберга и местных военных комендатур не дает нам права считать, что газеты, которые распространялись на крымском полуострове, были российскими изданиями, выходящими под эги-

дой немецкой оккупационной власти. Напротив, это были немецкие издания пропагандистского содержания, печатавшиеся на русском языке и ориентированные на местное население. Рассматривая историографию и методику изучения проблемы антисемитской пропаганды на оккупированных немецкими войсками советских территориях, М.И. Тяглый акцентировал внимание на том, что СМИ не являлись доброй волей немецких оккупационных властей и не были нацелены на просветительскую или культурную деятельность, а представляли собой сложную пропагандистскую систему⁵.

Все русскоязычные газеты, издававшиеся на протяжении 1941–1944 гг. на оккупированной территории крымского полуострова, за исключением «Последних новостей», выходивших в Феодосии, являлись официальными вестниками городских управлений⁶.

Наиболее значимой из периодических изданий стала газета «Голос Крыма», первый номер которой вышел в свет 12 декабря 1941 г. тиражом в 200 экземпляров⁷. На первых этапах оккупации крымского полуострова все периодические издания выходили незначительными тиражами. Так, в отчете разведывательного отдела 11-й армии за 1 апреля 1942 г. отмечалось: «Большой популярностью пользуются газеты “Борьба” и “Голос Крыма”. К сожалению, в связи с нехваткой бумаги эти газеты распространяются в меньшем количестве, чем следовало бы»⁸.

В ходе следственного процесса главный редактор издания Василий Васильевич Попов в отношении газеты давал следующие показания: «В начале декабря 1941 при городской управе была создана группа по организации и изданию газеты на русском языке, которая бы отвечала требованиям военно-фашистской власти в Крыму»⁹.

В условиях нехватки местных пропагандистов немецкое командование довольно часто прибегало к привлечению эмигрантов, которые знали условия жизни в Советском Союзе, владели языком и могли от имени немецкого командования проводить линию нацистской пропаганды на оккупированных территориях. В Крыму таким сотрудником отдела пропаганды и стал фактический руководитель «Голоса Крыма», Бруно Маурах, который до 1920 г. проживал в Симферополе¹⁰. Современник характеризовал Маураха и его деятельность следующим образом:

Трудно себе представить, до какой степени изощрялись, до какой степени были сосредоточены высказывания, например, под руководством германского представителя Маураха, который здесь возглавлял бюро пропаганды. Отец был хороший врач-окулист. В 1920 г. выехал в Германию. <...> Доктор Маурах умер, семья попала в трудное по-

ложение, и мать пристроилась к фашистскому движению, и на этом фоне сын Маурах воспитывался в Германии и явился сюда в качестве представителя бюро пропаганды. Сынок этот давал до того концентрированную продукцию, что трудно себе представить¹¹.

Весь материал, который поступал для публикации в газете, контролировался Маурахом и только с его разрешения печатался¹². Также глава отдела печати проводил инструктаж по отбору материалов в газету и его редактированию¹³. Кроме этого, Маурах довольно часто бывал в типографии, где лично отбирал шрифты, осматривал станки, знакомился с работниками¹⁴.

Сергей Петрович Наумов (заведующий одним из отделов газеты) описывал процесс назначения на должность редактора газеты следующим образом: «На почве разговоров о том, кто будет редактировать фашистский орган, в среде интеллигенции, настроенной в фашистском духе, велись большие споры, и намечалось даже что-то вроде соревнования»¹⁵. Однако самой сильной кандидатурой на эту должность оказалась фигура профессора Михаила Павловича Поливанова, который отвечал за выпуск первого номера «Голоса Крыма»¹⁶. До революции 1917 г. М.П. Поливанов был профессором Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского¹⁷, входил в московский философский кружок¹⁸. 12 апреля 1935 г. приемный сын М.П. Поливанова, Николай Львович Тростянский, был арестован и приговорен к ссылке в Горьковскую область на три года, но благодаря отчиму в октябре 1936 г. ему было разрешено переехать в Симферополь, в результате чего профессор философии также оказался в Крыму¹⁹, где устроился в качестве преподавателя в Крымский педагогический институт²⁰.

Ввиду того что во время подготовки и выпуска первого номера газеты М.П. Поливанов находился в больнице, процессом составления номера занимались Б. Маурах, Василий Васильевич Соколов, глава симферопольской типографии Иван Четыркин и В.В. Попов, который впоследствии и стал редактором пропагандистского органа печати²¹.

Описывая причины своего сотрудничества с немецким военным командованием в Крыму в 1941–1943 гг., В.В. Попов дал следующие показания:

Мое социальное происхождение и мое образование на моей жизни при советской власти все время притесняли меня. <...> С приходом в Крым немцев, я почувствовал, что смогу теперь работать и на данное мне предложение стать редактором газеты «Голос Крыма» я дал свое согласие²².

Ответственным секретарем с первых дней выпуска газеты стал В.В. Соколов (1880 г. р.). В 1903 г. он окончил литературное отделение Казанской духовной академии, до 1920 г. работал в Симферопольской духовной семинарии, после чего – преподавателем русского языка и литературы в разных учебных заведениях Симферополя. В 1918 г. был избран в Симферопольскую городскую думу от трудовой народно-социалистической партии, за что с 27 января 1938 г. по 5 марта 1939 г. находился под следствием и содержался в симферопольской тюрьме²³. Его брат Н.В. Соколов покинул Крым вместе с Врангелем и осел в Карловцах²⁴. С момента оккупации крымского полуострова до 12 декабря 1941 г. В.В. Соколов работал в городской управе Симферополя в должности руководителя отдела печати, который до прибытия пропагандистов бездействовал²⁵, после чего занял должность секретаря «Голоса Крыма»²⁶.

В марте 1942 г. В.В. Попова на должности главного редактора меняет Александр Иванович Булдеев²⁷. Эта перестановка в руководстве редакции была вызвана переводом Попова на должность заведующего симферопольскими Центральным и Историческим архивами²⁸. Вслед за В.В. Поповым редакцию газеты покидает и В.В. Соколов, переводясь на должность школьного инспектора в Симферопольское районное управление²⁹. Следует отметить, что, несмотря на то что редактором являлся В.В. Попов, а В.В. Соколов был секретарем «Голоса Крыма», все заслуги в организации и издании органа печати приписывались последнему. Очевидец характеризовал его работу на посту следующим образом:

Общие отзывы фашистских деятелей о «Голосе Крыма» периода работы Соколова, т. е. с первого номера и до появления на горизонте Булдеева, были не только похвальные, а даже восторженные. И Маурах, и другие руководители пропаганды приводили газету Соколова в пример, допуская это даже перед Булдеевым, что последнего крайне возмущало³⁰.

А.И. Булдеев родился в 1885 г. в семье священника. Его отец Иван Павлович лишился избирательных прав, 10 февраля 1938 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и проведении антисоветской пропаганды и по решению тройки расстрелян 20 марта 1938 г.³¹ А.И. Булдеев закончил филологический факультет Петербургского и юридический факультет Московского университетов. После Октябрьской революции 1917 г. он перебрался в Крым, где совмещал юридическую практику с научно-литературной деятельностью. В 1931 г. был задержан органами госбезопасности и шесть месяцев провел в симферопольской тюрьме³². С 24 ноября 1941 г. до марта 1942 г. Булдеев входил в состав Старокрымской городской управы и

был ответственным за юридические вопросы и издательство³³. С назначением его на должность ответственного редактора «Голоса Крыма» начинается новый этап формирования редакционной коллегии газеты: при редакции создаются информационный и литературный отделы, а также отдел «Местная жизнь». Кроме этого, набирается новый штат сотрудников газеты. Таким образом, с июля 1942 г. начинается второй этап развития печатного органа.

Заведующим отделом информации по Крыму был назначен Геннадий Геннадиевич Панин, до войны арестовывавшийся органами НКВД за антисоветскую деятельность³⁴. 17 июля 1942 г. заведующим отделом «Местной жизни» был назначен уже упомянутый С.П. Наумов. Родился он в 1886 г. в селе Великоречье Кировского района. Получил высшее образование, окончив юридический факультет Петербургского университета³⁵. В 1916 г. был редактором газеты «Оренбургская жизнь» и одним из учредителей Общества друзей литературы в г. Оренбурге³⁶. Накануне войны работал редактором Крымского отделения ТАСС, кроме того, по заданию журнала «Литературное наследство» готовил статью «Достоевский в Крыму»³⁷.

Помимо С.П. Наумова, в отдел «Местной жизни» вошли двое штатных журналистов: Владимир Киндяков, специализировавшийся на театральной жизни и кинематографе, и Владимир Шрамченко, который совместно с редактором отдела должен был освещать деятельность городской управы, экономическую и культурную жизнь города³⁸.

С октября по ноябрь 1942 г. А.И. Булдеев находился в командировке в Германии³⁹, и ответственным редактором на этот период был назначен С.П. Наумов, до этого являвшийся по совместительству заместителем редактора⁴⁰.

В мае–апреле 1942 г. Наумова на посту заведующего отделом «Местной жизни» сменяет Владимир Федорович Тархов, который публиковал свои работы в литературном отделе: его художественные произведения, стихи, фельетоны выходили примерно раз в месяц. Материалы для аналитических статей новый редактор получал непосредственно от издателей газеты. В.Ф. Тархов проработал в органе нацистской печати в Крыму с 17 июня 1942 г. по 27 октября 1943 г., после чего переехал в Одессу, где некоторое время работал корреспондентом газеты «Молва», а затем бежал в Румынию⁴¹.

К середине 1942 г. редакционная коллегия газеты была полностью сформирована, хотя по-прежнему существовала острая нехватка журналистов. Все редакторы отделов газеты имели богатый довоенный опыт работы в периодических изданиях, порой совмещая работу в нескольких газетах, либо сотрудничали с окку-

пационными органами. Так, М.М. Михайлов был лектором Штаба пропаганды, писал статьи для «Азат Крым» и «Голоса Крыма»⁴². С.Ф. Гаврилов, который начинал работу в газете в качестве переводчика и корреспондента, стал заведующим иностранным отделом, в октябре 1943 г. был направлен в распоряжение Николаевского отдела пропаганды, где стал редактором газеты «Новая мысль», а позже – редактором одесской газеты «Молва»⁴³.

Все работники газеты регулярно получали инструкции от А.И. Булдеева, который был официальным сотрудником Штаба пропаганды «Крым». Во время инструктажа редактор требовал от журналистов, чтобы «статьи носили еще более выраженную направленность против советской власти и ярче отражали в положительных чертах деятельность оккупационных властей»⁴⁴.

Говоря о деятельности редакционной коллегии «Голоса Крыма» под руководством А.И. Булдеева на протяжении марта 1942 – февраля–марта 1943 г., необходимо выделить несколько особенностей издания. Редакционная коллегия была значительно расширена. В редакции появились новые отделы. Немаловажной особенностью формирования редакции стал факт привлечения на руководящие должности и в качестве журналистов и корреспондентов людей, получивших образование в досоветский период, имеющих издательский опыт и пострадавших от органов государственной безопасности на протяжении 1920–1930-х годов. При этом орган находился под пристальным контролем со стороны военной пропаганды, и ни о какой его самостоятельности говорить не приходится.

Поддержка газеты со стороны Штаба пропаганды «Крым», сильный авторский коллектив и достаточное финансирование позволили редакционной коллегии поддерживать районные издания: кроме материальной помощи, которую редакторы местных газет могли получить от «Голоса Крыма», на страницах районных изданий довольно часто появлялись статьи, перепечатанные из центрального крымского издания⁴⁵.

После отступления немецких частей с Северного Кавказа состав редакции газеты «Голос Крыма» меняется: в Симферополь из городов Кавказа прибыли немецкие пропагандисты. Возглавил Штаб пропаганды доктор Шуле. С 1943 г. он стал руководителем газеты⁴⁶. Один из вновь прибывших, Борис Николаевич Ширяев, описывал ставропольских пропагандистов следующим образом: «Состав служащих отдела пропаганды, возглавлявшегося д-ром Шуле, был подобран из говорящих по-русски и имевших в прошлом связь с Россией. <...> Его секретарь, пожилой зондерфюрер, считал самым счастливым временем в своей жизни – службу в Вятке»⁴⁷. Шуле вывез

журналистов Ставрополя заблаговременно, в то время как сотрудники редакций из Краснодара, Ростова и Пятигорска вынуждены были отходить самостоятельно⁴⁸. Таким образом, в феврале–марте 1943 г. прибыли в Крым и вошли в состав редакции газеты «Голос Крыма» упомянутый Б.Н. Ширяев, Стефан Александрович Зеленин, Чижевский, Леонид Николаевич Польский и его жена Евгения Борисовна Меркулова, Борис Александрович Глазырин, Геннадий Константинович Данилов, Малинин, Иван Александрович Жуковский, Яворский, Григорий Арчилович Эристов⁴⁹.

Говоря о вновь прибывших редакторах и корреспондентах, необходимо отметить, что у каждого из них уже был опыт работы как в советской печати, так и в оккупационных немецких органах, издававшихся на Кавказе. Многие из них работали в редакции ставропольской газеты «Утро Кавказа»⁵⁰, редактируемой Б.Н. Ширяевым, бывшим гусаром, узником Соловков, где он начал писать в лагерной газете «Перековка». С 1929 г. работал в качестве журналиста в Средней Азии. С 1935 г. жил в Ставрополе, где преподавал русский язык и историю литературы в Педагогическом институте. С 1943 г. вступил в Русскую освободительную армию (РОА). Помимо сотрудничества с редколлегией «Голоса Крыма», проводил агитационную работу на полуострове⁵¹.

Данный период развития и деятельности «Голоса Крыма» был наиболее плодотворным, публикуемый материал становится разнообразнее. В это время издаются также газеты «Доброволец» и «Казачий клинок».

В апреле 1943 г. группа журналистов в числе 12 человек выезжает в Германию на подготовительные курсы пропагандистов. Среди них – технический секретарь газеты Казимир Антонович Быкович⁵². До конца 1942 г. он был ответственным секретарем редакции, до апреля 1943 г. – техническим секретарем. По возвращении с курсов Быкович меняет на посту главного редактора А.И. Булдева. С этого времени в редакции издается специальная газета для солдат РОА. В ее издании принимают участие сотрудники Штаба пропаганды Андреев, Г.А. Эристов, а также К.А. Быкович, который возглавил пункт РОА в г. Симферополе. Кроме того, редакцией начинают издаваться пропагандистские брошюры и листовки, распространявшиеся среди военнослужащих Красной армии⁵³.

1943 год стал переломным для журналистов газеты. Почти вся редколлегия вошла в состав Штаба пропаганды «Кавказ». Недавно прибывшие в Крым С.А. Зеленин, Л.Н. Польский, Б.А. Глазырин и другие стали штатными пропагандистами вермахта. В обновленном составе редакционной коллегии продолжали работать не-

сколько человек, которые числились в газете почти с момента ее открытия: К.А. Быкович и М.М. Михайлов⁵⁴.

В октябре 1943 г. началась массовая эвакуация сотрудников «Голоса Крыма» сначала в Николаев, затем в Одессу, а оттуда в Румынию или Германию. Некоторые журналисты продолжили работу в изданиях РОА. Так, в 1944 г. Л. Польский переехал в Берлин, где под руководством военной пропаганды начал выпускать «Казахский клич»⁵⁵.

Делая вывод о деятельности редакционных коллегий «Голоса Крыма» на протяжении 1941–1944 гг., необходимо отметить, что в их состав входили далеко не маргиналы, а образованные люди, имевшие довоенный опыт работы в периодических изданиях. При этом не все составы редакционной коллегии газеты были идентичны. Если в 1941 – весной 1943 г. в их состав входили исключительно люди, получившие образование в дореволюционной России и подвергавшиеся репрессиям со стороны советской власти на протяжении 1920–1930-х годов, то с эвакуацией в Крым Штаба пропаганды «Кавказ» состав редколлегии становится более разнородным.

На фоне прочих СМИ газета выделялась по следующим причинам: она находилась в полной зависимости от Штаба пропаганды «Крым», а не от комендатур, как прочие крымские издания, что давало редакции возможность первыми публиковать информацию, поступающую на полуостров по линии органов военной пропаганды, а сложная структура опорных пунктов Штаба пропаганды позволяла распространять газету по всей территории полуострова. Еще одной немаловажной отличительной чертой «Голоса Крыма» стала его массовость: начиная с 1943 г. газета распространялась огромными тиражами как по территории Крыма, так и за его пределами. Но ни о какой самостоятельности издания говорить не приходится: все номера газеты просматривались и редактировались немецким оккупационным командованием, ввиду чего «Голос Крыма» стал лишь инструментом немецкой пропагандистской машины на полуострове.

Примечания

¹ *Grabowski J.* German Anti-Jewish Propaganda in the Generalgouvernement: 1939–1945: Inciting Hate through Posters, Films, and Exhibitions // *Holocaust and Genocide Studies*. 2009. Vol. 23. № 3. P. 381.

² *Романько О.В.* Газета «Голос Крыма» как источник по изучению немецкой оккупационной политики на советских территориях // *Культура народов Причерноморья*. 2003. № 43. С. 199–202; *Он же.* Крым. 1941–1944 гг.: Оккупация и коллаборационизм: Сб. ст. и материалов. 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь, 2005;

- Он же.* Крым под пятой Гитлера: Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. М., 2011; *Он же.* Крым в период немецкой оккупации: Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение: 1941–1944. М., 2014; *Он же.* Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): Органы и формы деятельности // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2015. № 5. С. 11–16.
- ³ *Тяглый М.И.* Антисемитская пропаганда на оккупированных нацистами советских территориях: историография и методика изучения вопроса // Голокост і сучасність: науковий часопис / Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України; Український центр вивчення історії голокосту. 2005. № 1. С. 29–30; *Он же.* Антисемитская доктрина и ее место в пропагандистской модели, реализованной нацистами в оккупированном Крыму // Ист. наследие Крыма. 2004. № 5. С. 180–202.
 - ⁴ ЦГАВО Украины. Ф. КМФ–8. Оп. 2. Д. 402. Л. 2.
 - ⁵ *Тяглый М.* Антисемитская пропаганда... С. 29–30.
 - ⁶ *Романько О.В.* Немецкая пропаганда в Крыму: 1941–1944 гг.: Органы, их структура и деятельность // Романько О.В. Крым: 1941–1944 гг. ... С. 36.
 - ⁷ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 10348. Л. 46.
 - ⁸ ЦГАВО Украины. Ф. КМФ–8. Оп. 2. Д. 412. Л. 4.
 - ⁹ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 16220. Л. 13.
 - ¹⁰ ГАРК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 843. Л. 39.
 - ¹¹ *Тяглый М.И.* Антисемитская доктрина ... С. 188.
 - ¹² Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 018934. Л. 17.
 - ¹³ Там же. Д. 16220. Л. 14.
 - ¹⁴ Там же. Д. 10348. Л. 18.
 - ¹⁵ Там же. Л. 46.
 - ¹⁶ Там же. Л. 56.
 - ¹⁷ Москва: 1912–1915 // *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького.* М., 2003. Т. 1: 1895–1916. С. 590.
 - ¹⁸ *Белый А.* Между двух революций / Подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 279.
 - ¹⁹ *Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК–ОГПУ–НКВД: по категории репрессированных.* [Электронный ресурс] URL: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/To.html> (дата обращения: 06.08.2015).
 - ²⁰ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 16220. Л. 13.
 - ²¹ Там же. Д. 10348. Л. 56.
 - ²² Там же. Д. 16220. Л. 21.
 - ²³ *Реабилитированные историей: В 27 т. Кн. 5-я: Автономная Республика Крым / Ред. Т.В. Умрихина, Д.В. Омельчук, Л.П. Вакатова.* Симферополь, 2008. С. 220; Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 10348. Л. 10–11, 16.
 - ²⁴ *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. 2-е изд., испр. и доп. Сремски Карловци, 2008. С. 24, 61, 66.
 - ²⁵ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 10348. Л. 11.
 - ²⁶ Там же.
 - ²⁷ ГАРК. Ф. Р–2638. Оп. 2. Д. 11а. Л. 2–3.
 - ²⁸ *Андронов С.А.* Архивы Крыма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Ист. наследие Крыма. 2004. № 8. С. 118.

- ²⁹ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 10348. Л. 11.
- ³⁰ Там же. Л. 57.
- ³¹ ГАРК. Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 014755. Л. 4, 9, 32-34.
- ³² *Штейн Э.* Незамеченные поэты уходящего поколения // Родина. 1992. № 11/12. С. 24.
- ³³ Освобожденный Крым. 1941. № 3/4. 29 нояб. С. 4.
- ³⁴ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 018934. Л. 17; Д. 8113. Т. 1. Л. 28.
- ³⁵ Там же. Д. 8113. Т. 1. Л. 9.
- ³⁶ *Казакова-Анкаримова Е.Ю.* Общества «друзей литературы» и социокультурная жизнь уральского города в конце XIX – начале XX в. // Филол. класс. 2009. № 4. С. 129.
- ³⁷ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 8113. Т. 1. Л. 9.
- ³⁸ Там же. Л. 17.
- ³⁹ *Гуркович В.Н.* «Певцы свободы» доктора Геббельса // Горькая память войны: Крым в Великой Отечественной. Симферополь, 1995. С. 51-54.
- ⁴⁰ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 8113. Т. 1. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 19, 70.
- ⁴² Там же. Д. 9131. Л. 52.
- ⁴³ Там же. Д. 8113. Т. 1. Л. 28.
- ⁴⁴ Там же. Д. 19080. Л. 12.
- ⁴⁵ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 022734. Л. 15, 52.
- ⁴⁶ Там же. Д. 9131. Л. 29.
- ⁴⁷ *Альмов А. [Ширяев Б.Н.]* Ставрополь-Берлин: VI. Система доктора Шуле // Часовой. 1949. № 292. С. 14.
- ⁴⁸ *Альмов А. [Ширяев Б. Н.]* Ставрополь-Берлин: X. FECI QUOD POTUI! // Часовой. 1950. № 295. С. 15.
- ⁴⁹ Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 8113. Т. 1. Л. 29, 40, 45.
- ⁵⁰ Ставропольское «Утро Кавказа» начинало свое развитие в таких же условиях, как и «Голос Крыма»: «Первые два номера делали два оставшихся профессиональных журналиста, позже к ним примкнула часть профессуры и дилетанты, среди которых выявился талантливый фельетонист “Аспид” (псевдоним Александра Евгеньевича Капралова), до того деливший советские годы между ссылкой и бухгалтерией» (*Альмов А. [Ширяев Б.Н.]* Ставрополь-Берлин: X. FECI QUOD POTUI!.. С. 14). А.Е. Капралов специализировался исключительно на фельетонах антисемитской и антисоветской направленности (*Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 417). До революции фельетонист получил образование в киевской гимназии, где был одноклассником М.А. Булгакова. Затем, будучи библиотекарем в Киевском военном училище, проходил по делу «Весна» группы офицеров-преподавателей, за что получил три года заключения (Письмо Л.Н. Леонидова-Польского – Г.А. Беликову... // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, доказательства: Ист.-документ. сб. / Сост. К.М. Александров. СПб., 2011. С. 444).
- ⁵¹ Письмо Л.Н. Леонидова-Польского – Г.А. Беликову С. 444, 450.
- ⁵² Архив УФСБ по РК и г. Севастополю. Д. 018934. Л. 18.
- ⁵³ Там же. Д. 19080. Л. 20-21.
- ⁵⁴ Там же. Д. 8113. Т. 1. Л. 29.
- ⁵⁵ *Альмов А. [Ширяев Б.Н.]* Ставрополь-Берлин: X. FECI QUOD POTUI!.. С. 14.

Abstracts

M. Artyushenko

Moscow Donskoy Monastery in the Patriotic war of 1812

Donskoy monastery's monastics' (monks') genuine reminiscences of the 1812 Patriotic war represent colourful descriptions of the events that were happening in Moscow cloisters before, during and after the French invasion. In the introductory article their content is analyzed, the narration is arranged in chronological order, brief biographic information about authors is reported.

Key words: Donskoy monastery, brethren, 1812 Patriotic war, the French, devastation of temples, the fire of Moscow, archbishop Augustin (Vinogradsky), A.N. Golitsyn, F.V. Rastopchin, archimandrite John (Terlikov).

A. Grushina

Moscow church of St. Nickolas in Klenniki on Maroseyka

The article rekonstructs the history of Moscow St. Nicholas in Klenniki church on the street Maroseyka. As in different ages the Church was known under various names, various place names in connection with a reference to the place are considered. The characteristic of service in the temple of the elder known under secular name of the Holy and righteous Alexis and his son, the martyr Sergius Mechyov. There is a continuity in the pastoral activities of the arch-priests of St. Nicholas Klinikowski Church, when Maroseyka penitent family-community was being formed.

Key words: the church of St. Nicholas in Klenniki, Maroseyka community, penitent-liturgical family-community, the elder known under secular name of Alexius Mechev, martyr Sergius Mechyov.

E. Istomina

Shipbuilding timber forests of European Russia as a resource of regional development in the XVIII–XIX centuries

The article considers the shipbuilding timber (reserve) of Russia in the XVIII–XIX centuries, which were a powerful socio-economic resource and a factor in the creation of the legislative basis in the sphere of natural management.

The author analyzes the process of establishment of management and protection of shipbuilding timber forests and their impact on the various kinds of industrial production of regions.

Particular attention is paid to the problems of management of this type of forests (cutting and delivery to ports for needs of the Navy).

Keywords: shipbuilding timber forest, the statutes and instructions dedicated to forest resources, forest department, forest protective politics.

A. Kohan

“My ideology was alien to the ideology of the Soviet man”.
On the issue of the structure and actions of the editorial boards of the “Voice of Crimea” newspaper in 1941–1944

The article deals with the problems of creation and functioning of the editorial board of the newspaper “Golos Kryma”, its relationship with the German authorities propaganda. Particular attention is paid to reasons of cooperation of the civilian population with the German occupation authorities in the Crimea by the example of the editorial board of the publication.

Key words: Great Patriotic War, the occupation, the German propaganda, “Golos Kryma”, the periodicals.

M. Kovaleva

The Patriotic war of 1812 and the economic situation
in the estates of Central Russia
(following the materials of Russian State Archive of Ancient Acts)

Every province of Central Russia was touched on with the hostilities. The article describes some processes that took place in the estates near the battle area. The author speaks about the conscription and its influence on the household management; about the foodstuff collection for the army and about the farmstead economy of that period. The farmstead devastation because of the military units and fugitive peasants is also mentioned in the article.

Key words: conscription, foodstuff collection, army, province, Central Russia, estate, nobility, patrimony, the peasants, the Patriotic war of 1812.

V. Kozlov

The documents on the history of the destruction
of the Moscow temple of St. Nicholas
on Myasnitskaya in 1928 in the Central State Archives

The study of the scale of loss of cultural heritage in 1920-1930s is a pressing task for researchers. This publication introduces the documents on the demolition of the ancient Moscow temple of St. Nicholas on Myasnitskaya street in 1928. Here are the texts of the decree of the Presidium of the all-Russian Central Executive Committee and the Mossovet, the extracts from protocols of the meetings of the Central state restoration workshops, the address of a community of believers, of different scientific organizations and institutions, and individual scientists (academicians S.F. Oldenburg, N.I. Marr, N.P. Likhachev, etc.) to the all-Russian Central Executive Committee with a request to preserve the monument. The arrangement of documents in chronological order enables one to see the dynamics of events that preceded the demolition of the monument, the decision-making mechanism of the Moscow and Central authorities on the destruction of the temple. The documents show that the Central and local authorities ignored the requests of authority scientific organizations and the known scientists to keep the ancient monument. The characteristic of documentary complexes on the subject and mentioning of the archival documents that are not included in the publication are there in the Preface.

Key words: Moscow, cultural heritage, preservation of cultural heritage, monument of history and architecture, destruction of church monuments in the USSR, the temple of St. Nicholas on Myasnitskaya street in Moscow, temple, state policy, archival materials, the Moscow authorities, society.

A. Likhacheva

Art industry of Moscow in the XIX century.
The metalwork

The article attempts to consider the main trends in the development of one of the most important branches of art industry of Moscow of the XIX century – the metalwork (gold-silver, bronze, zinc and other production), to identify its characteristic features and uniqueness and to understand the role and place of the metalwork in the art subject of Russian culture.

Key words: art industry, the legal regulation of artistic production, the Moscow enterprises for the of metalwork, gold, silver and bronze casting and other types of production, the metal in the Moscow architecture, connection between technical production and the world of art.

A. Sirotkin

Improvement of Moscow and the City Duma in 1797–1799

The article shows the role of the City Duma in the measures on the improvement of Moscow at the beginning of the reign of Paul I, until the introduction of the new system of public administration of the old capital in the spring of 1799. Particular attention is paid to the influence of the Emperors orders on the work of the Duma. It characterizes changes in the competence of the Duma in the years 1797–1798 in matters related to the problems of improvement of the city. The activities of the Duma in the city trade regulation and the organization of crossings across the Moscow River is considered.

Key words: City Duma, urban improvement, Paul I, quitrent articles, paving roadways, fires, crossings.

A. Smirnova

The magazine «Kraeved-massovik» (the Moscow region) and the realities of local studies in the beginning of the 1930s

The article considers the history of soviet local studies at the turn of 1920–1930s and the magazine «Kraeved-massovik», which was published in 1931–1932 as the periodical publication of the local historians of the Moscow region. The magazine published the material, which reflected all the main processes of the reorganization of the local studies movement, the reorganization of local studies work in the USSR and in the Moscow region, associated with the state policy of the industrialization, the collectivization and the cultural revolution.

Key words: soviet local studies, local studies organizations, circle, Society for the study of the Moscow region, The Moscow regional Bureau of of local studies, magazine, lead article, socialist building, the working masses, plant, kolkhoz.

K. Smirnova

The orthodox centers of the former village Preobrazhenskoe (Moscow) as objects of cultural heritage

The article discusses the history of the Orthodox centers of the former village (now a district of Moscow) Preobrazhenskoe and its nearest environs: the Preobrazhenskoe Old Believers graveyard, the St. Nicholas monastery of common faith and the Synodal temples of the Saviour of Preobrazheniya and nearby Vvedensky in Cherkizovo. Each of these spiritual and cultural-historical centers had their own specific face, differed in functional and architectural terms. These centres are considered in the interaction, as the complex, and also as the unique cultural phenomena that developed at the one historic territory. The article says about the history of appearance, the features of everyday life and activities and about the future of these Orthodox centers.

Key words: Old Belief, the common faith, the Orthodoxy (Synodal), Preobrazhenskoe graveyard, Preobrazhenskiy charity (Bogadelenny) House, the St. Nicholas monastery of common faith, the temple of the Saviour of Preobrazheniya, the temple of the Presentation (Vvedeniya) of the Holy Mother of God in Cherkizovo.

Сведения об авторах

Артюшенко Мария Вячеславовна – учитель истории многопрофильного лицея № 1799, ioanna02@mail.ru

Грушина Анна Филипповна – заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, главный редактор московского журнала «История государства Российского», anna@mosjour.ru

Истомина Энецца Георгиевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, anfisto@yandex.ru

Ковалева Марина Дмитриевна – доцент кафедры региональной истории, краеведения и москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, krik-iai@mail.ru

Козлов Владимир Фотиевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой региональной истории, краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ, председатель Союза краеведов России и Московского краеведческого общества, krik-iai@mail.ru

Кохан Андрей Алексеевич – ведущий научный сотрудник Крымского центра этнокультурных исследований Республиканского государственного центра русского фольклора, a_kokhan@mail.ru

Лихачева Анфиса Петровна – преподаватель истории искусства, специалист по учебно-методической работе Гуманитарного колледжа РГГУ, anfisto@mail.ru

Сироткин Александр Сергеевич – аспирант кафедры региональной истории, краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ, sirotkin-aleksan@mail.ru

Смирнова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, первый заместитель председателя Союза краеведов России и Московского краеведческого общества, aleks-146@mail.ru

Смирнова Ксения Александровна – аспирант кафедры региональной истории, краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ, старший лаборант кафедры региональной истории, краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ, ksenija_smi@mail.ru

General data about the authors

Artyushenko Maria V. – history teacher, multidisciplinary lyceum № 1799, ioanna02@mail.ru

Grushina Anna F. – honored worker of culture of the Russian Federation, member of the Union of writers of Russia, chief editor of the Moscow journal “History of the Russian state”, anna@mosjour.ru

Istomina Enessa G. – Dr. in History, chief researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, anfisto@yandex.ru

Kohan Andrey A. – leading researcher, Crimean center of ethno-cultural studies, State Republican Center of Russian folklore, a_kokhan@mail.ru

Kovaleva Marina D. – associate professor of the Regional History, Local and Moscow Studies Department, Russian State University for the Humanities, krik-iai@mail.ru

Kozlov Vladimir F. – Ph.D. in History, head of the Regional History, Local and Moscow Studies Department, Russian State University for the Humanities, head of the Union of the local historians of Russia and the Moscow local studies society, krik-iai@mail.ru

Likhacheva Anfisa P. – art history teacher, methodologist of educational work, College of the Humanities, Russian State University for the Humanities, anfisto@mail.ru

Sirotkin Alexander S. – postgraduate student, Regional History, Local and Moscow Studies Department, Russian State University for the Humanities, sirotkin-aleksan@mail.ru

Smirnova Alexandra G. – Ph. D. in History, associate professor, first deputy head of the Union of the local historians of Russia and the Moscow local studies society, aleks-146@mail.ru

Smirnova Ksenia A. – postgraduate student of the Regional History, Local and Moscow Studies Department, Russian State University for the Humanities, senior research technician, Regional History, Local and Moscow Studies Department, Russian State University for the Humanities, ksenija_smi@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Т.Ю. Журавлева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 17.10.2016.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 113

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
